

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ПРАВО

Tomsk State University Journal of Law

Научный журнал

2014

№1(11)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-45814 от 8 июля 2011 г.

Журнал входит в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Уткин В.А. (председатель совета), д-р юрид. наук, проф., директор Юридического института Национального исследовательского ТГУ, заслуженный юрист РФ; **Азаров В.А.**, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, заслуженный юрист Российской Федерации; **Лебедев В.М.**, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой природоресурсного, земельного и экологического права Юридического института Национального исследовательского ТГУ, заслуженный юрист Российской Федерации; **Свиридов М.К.**, д-р юрид. наук, проф. кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского ТГУ, член-корр. СО Академии наук Высшей школы, действительный член Международной академии наук Высшей школы, действительный член Академии социальных наук; **Севрюгин В.Е.**, д-р юрид. наук, проф. кафедры административного и финансового права Института государства и права Тюменского государственного университета, заслуженный юрист Российской Федерации; **Селивёрстов В.И.**, д-р юрид. наук, проф. кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, заслуженный деятель науки РФ; **Треушников М.К.**, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой гражданского процесса Юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, заслуженный деятель науки Российской Федерации; **Шафиров В.М.**, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой теории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Уткин В.А. (председатель редколлегии), д-р юрид. наук, проф., директор Юридического института Национального исследовательского ТГУ, завкафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии, заслуженный юрист Российской Федерации; **Казakov В.В.** (зам. председателя редколлегии), д-р экон. наук, проф. кафедры финансового права Юридического института Национального исследовательского ТГУ, депутат Законодательной Думы Томской области; **Ольховик Н.В.** (зам. председателя редколлегии), канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права, зам. директора Юридического института по научной работе Национального исследовательского ТГУ; **Агашев Д.В.** (ответственный секретарь редколлегии), канд. юрид. наук, доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Юридического института Национального исследовательского ТГУ; **Андреева О.И.**, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского ТГУ; **Барнашов А.М.**, канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и международного права Национального исследовательского ТГУ; **Дергач Н.С.**, канд. юрид. наук, доцент кафедры криминалистики Национального исследовательского ТГУ; **Елисеев С.А.**, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой уголовного права Юридического института Национального исследовательского ТГУ; **Журавлев М.М.**, канд. юрид. наук, д-р философских наук, завкафедрой теории и истории государства и права, административного права Юридического института Национального исследовательского ТГУ; **Мананкова Р.П.**, д-р юрид. наук, проф. кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского ТГУ; **Осокина Г.Л.**, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой гражданского процесса Юридического института Национального исследовательского ТГУ; **Савицкая И.С.**, ст. преподаватель кафедры английской филологии факультета иностранных языков Национального исследовательского ТГУ; **Якимович Ю.К.**, д-р юрид. наук, проф. кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского ТГУ

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Воронин О.В. Предмет и пределы пенитенциарного надзора прокуратуры.....	5
Горовцова М.А. Понятие субъекта малого предпринимательства для целей налогообложения.....	17
Зникин В.К. Понятие эффективности и качества предварительного расследования	25
Кравченко О.А. Основные подходы к выявлению мер обеспечения достоверности волеизъявления народа.....	33
Кувалдина Ю.В. Сокращенное судопроизводство: вчера, сегодня, завтра (гл. 32.1 УПК)	44
Логонова К.Ю. Мотивы имущественных преступлений несовершеннолетних	56
Никитин А.Д. Специальные принципы постпенитенциарного административного надзора	63

ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Багрова Н.В. О средствах индивидуального правового регулирования имущественных отношений супругов.....	71
Бакин А.С. Субъекты субсидиарного обязательства.....	78
Имекова М.П. Соотношение гражданско-правовых категорий «распоряжение» и «отчуждение».....	84
Соломина Н.Г. К вопросу о системе оснований прекращения обязательств	92

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Агашев Д.В., Гранкин К.В. Проблемы использования в России опыта развития высшего юридического образования в государствах Европейского союза (на примере Чешской Республики)	97
--	----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	104
----------------------------------	-----

CONTENTS

PROBLEMS OF THE PUBLIC LAW

Voronin O.V. Subject and limits for penitentiary supervision of the prosecutor's office	5
Gorovtsova M.A. The notion of the subject of small business for the purpose of taxation.....	17
Znikin V.K. The concept of effectiveness and quality of a preliminary investigation	25
Kravchenko O.A. Principal approaches to the detection of measures securing the assurance of expression of people' will	33
Kuvaldina Yu.V. Reduced legal proceedings: yesterday, today and tomorrow (Chapter 32.1 of the Criminal Procedural Code)	44
Loginova K.Yu. Motives for property crimes committed by juveniles.....	56
Nikitin A.D. Special principles of post penitentiary administrative supervision	63

PROBLEMS OF THE PRIVATE LAW

Bagrova N.V. On the means of individual legal regulation of property relations of spouses	71
Bakin A.S. Subjects of subsidiary obligations	78
Imekova M.P. Interrelations of civil definitions "alienation" and "disposition"	84
Solomina N.G. On the problem of the system of grounds for termination of obligations	92

PROBLEMS OF THE LAW EDUCATION

Agashev D.V., Grankin K.V. Some problems of the use of experience of higher legal education development of the EU states in Russia.....	97
---	----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	104
--	-----

ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

УДК 347.963+343.82

О.В. Воронин

ПРЕДМЕТ И ПРЕДЕЛЫ ПЕНИТЕНЦИАРНОГО НАДЗОРА ПРОКУРАТУРЫ

Наличие отдельного предмета прокурорского надзора за исполнением и отбыванием мер принудительной изоляции от общества, назначенных в качестве уголовного наказания, его замены или в интересах правосудия по уголовным делам, позволяет выделить в рамках соответствующей отрасли прокурорского надзора самостоятельное направление – пенитенциарный надзор прокуратуры. Его предметом охватывается наблюдение за законностью деятельности администраций исправительных органов, учреждений и мест принудительной изоляции от общества, связанной с исполнением и отбыванием уголовных наказаний, предполагающих принудительную изоляцию от общества, а также иных мер принудительной изоляции от общества, назначаемых в уголовно-процессуальном порядке. Этот вид надзора имеет более узкий предмет и пределы по сравнению с отраслевыми. По кругу нормативно-правовых актов он ограничивается наблюдением за исполнением и соблюдением законодательства РФ (законов и подзаконных нормативно-правовых актов, включая ведомственные), регулирующих исполнение и отбывание указанных мер, по кругу правоотношений – уголовно-процессуальными, уголовными и уголовно-исполнительными правоотношениями, возникающими в ходе деятельности администраций в связи с исполнением мер принудительной изоляции, а также различными правоотношениями, участником которых являются лица, отбывающие данные меры, в ходе пребывания в местах принудительной изоляции от общества.

Ключевые слова: прокурорский надзор, пенитенциарный надзор, места принудительной изоляции от общества, надзор за администрациями исправительных учреждений, права осужденных, пенитенциарная юстиция

Согласно действующему законодательству прокурорский надзор за законностью в местах изоляции от общества можно представить в качестве самостоятельного направления надзорной деятельности прокуратуры в рамках отдельной отрасли прокурорского надзора за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания и назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу. Фактически же данный вид прокурорской деятельности охватывает большую часть прокурорского надзора в рамках названной отрасли. Вместе с тем в целях их разграничения представляется вполне обоснованным рассматривать прокурорский надзор за законностью принудительной изоляции в качестве пенитенциарного надзора прокуратуры [1. С. 121–122]. К тому же ранее в науке уже высказывалось мнение о существовании предпосылок для дифференциации прокурорской деятельности в рамках отрасли прокурорского надзора за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания и назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу [2. С. 172].

Пенитенциарным надзором прокуратуры охватывается прокурорское наблюдение за законностью исполнения пенитенциарных мер, предполагающих принудительную изоляцию от общества в целях обеспечения интересов уголовного судопроизводства и исполнения уголовных наказаний, а также отдельных мер принудительного характера, назначаемых вместо уголовных наказаний. Единая направленность на ограничение основных конституционных (естественных) прав человека, тесная связь с лишением свободы как основным видом уголовного наказания, схожий механизм исполнения и отбывания позволяют создать единую для них форму публичного наблюдения (надзора) за их реализацией на национальном уровне – прокурорский надзор за законностью принудительной изоляции от общества, или пенитенциарный надзор. Несмотря на то, что отечественная прокуратура осуществляет надзор за законностью исполнения всех видов изоляции от общества, известных отечественному праву, данным видом надзора охватывается лишь прокурорское наблюдение за законностью исполнения принудительных мер изоляции, назначаемых в уголовно-процессуальном порядке и исполняемых подразделениями ФСИН России, МВД РФ, ФСБ России и Министерства обороны РФ. Прокурорский надзор за реализацией прочих форм и видов принудительной изоляции исполняется в рамках иных отраслей прокурорского надзора. Исключение из предмета надзора в рамках рассматриваемого направления наблюдения за законностью административно-правовой и иной, не уголовно-правовой, изоляции помимо прочего обусловлено иными условиями и порядком исполнения и менее суровым режимом отбывания: сравнительно невысокой степенью карательного воздействия, непродолжительным характером применения, отсутствием жесткого ограничения социальных и биологических потребностей, и как следствие этого, – отсутствием значительного числа лиц, их отбывающих, и специализированных органов, их исполняющих.

Пенитенциарный надзор прокуратуры сохраняет основные черты прокурорского надзора за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания и назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу, а именно носит инициативный и комплексный характер, выражающийся в возможности прокурора восстанавливать нарушенную законность прокурорскими средствами по собственному усмотрению в оперативном порядке без инициирования сложных юридических процедур. При этом арсенал правовых возможностей прокурора включает в себя как общенадзорные правовые средства, применяемые с учетом специфики поднадзорной среды (ст. 22, 27 Закона РФ «О прокуратуре Российской Федерации», далее по тексту – Закона о прокуратуре), так и специальные, предусмотренные самим Законом о прокуратуре (ст. 33) и иным федеральным специализированным законодательством (к примеру, ст. 22, 24, 77.1 и др. УИК РФ, ст. 7, 10 и др. ФЗ РФ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», далее по тексту – Закон о содержании под стражей).

Основное отличие пенитенциарного надзора от отрасли прокурорского надзора за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания и назначаемые судом меры принуди-

тельного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу, заключается в более узком предмете надзора.

Наиболее распространенным подходом к определению понятия «предмет надзора» в современной науке служит включение в него деятельности поднадзорных лиц, выражающейся в актах, действиях и решениях поднадзорных органов, учреждений и должностных лиц. Следует также согласиться с мнением о включении в предметы всех прокурорских отраслей (направлений) надзора за соблюдением правового положения личности со стороны поднадзорных лиц [3. С. 100]. Такой подход применим к определению предмета большинства отраслей современного прокурорского надзора. Вместе с тем комплексный характер рассматриваемой отрасли предполагает, что отраслевой предмет надзора определяется с учетом требований не только ст. 32 Закона о прокуратуре, но и положений ст. 21, 26 этого закона. Подобная логика была заложена ранее действовавшим советским законодательством, регулировавшим прокурорскую деятельность, и сохранилась в современном Законе о прокуратуре. В соответствии с ней эти отрасли прокурорского надзора представляют собой специализацию общего надзора к отдельным сферам публичной деятельности. В этой связи предмет прокурорского надзора за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания и назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу как отдельной отрасли включает в себя:

- надзор за исполнением законов федеральными отраслевыми органами исполнительной власти, исполняющими уголовные наказания и назначаемые судом меры принудительного характера, а также уголовно-процессуальное задержание и предварительное заключение под стражу (ФСИН России, МВД РФ, ФСБ России, Министерство обороны РФ);

- надзор за исполнением законов должностными лицами указанных органов и учреждений при осуществлении ими деятельности, связанной с исполнением уголовных наказаний и назначаемых судом мер принудительного характера, а также уголовно-процессуального задержания и предварительного заключения под стражу;

- надзор за исполнением законов органами контроля в системе вышестоящих органов и учреждений при осуществлении ими деятельности, связанной с исполнением уголовных наказаний и назначаемых судом мер принудительного характера, а также уголовно-процессуального задержания и предварительного заключения под стражу;

- надзор за исполнением законов должностными лицами указанных органов и учреждений при осуществлении ими деятельности, связанной с исполнением уголовных наказаний и назначаемых судом мер принудительного характера, а также уголовно-процессуального задержания и предварительного заключения под стражу;

- надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина со стороны указанных органов, учреждений и должностных лиц при осуществлении ими деятельности, связанной с исполнением уголовных наказаний и назначаемых судом мер принудительного характера, а также уголовно-процессуального задержания и предварительного заключения под стражу;

– надзор за исполнением законов субъектами осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания;

– надзор за соответствием законам правовых актов, издаваемых указанными выше органами, учреждениями и должностными лицами при осуществлении ими деятельности, связанной с исполнением уголовных наказаний и назначаемых судом мер принудительного характера, а также уголовно-процессуального задержания и предварительного заключения под стражу;

– надзор за законностью нахождения лиц в местах содержания задержанных, предварительного заключения, исправительных и иных органах и учреждениях, исполняющих наказания и меры принудительного характера, назначаемые судом;

– надзор за соблюдением установленных законодательством Российской Федерации прав и обязанностей задержанных, заключенных под стражу, осужденных и лиц, подвергнутых мерам принудительного характера, порядка и условий их содержания;

– надзор за законностью исполнения наказания, не связанного с лишением свободы.

В свою очередь, предмет пенитенциарного надзора прокуратуры значительно уже предмета рассмотренной отрасли прокурорского надзора. Практически он определяется ст. 32 Закона о прокуратуре, но, как уже ранее отмечалось, за исключением надзора за законностью исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества [1. С. 120]. Прежде чем определить его конкретное содержание, необходимо уточнить его пределы.

Под пределами прокурорского надзора понимаются его нормативные границы. Традиционно принято выделять общие пределы, закрепляемые в ст. 21 и 26 Закона о прокуратуре и выражающиеся в трех ограничениях прокурорской деятельности:

1) в запрете вмешиваться в оперативно-хозяйственную деятельность поднадзорных лиц;

2) запрете подменять в ходе осуществления надзора иные государственные органы и учреждения;

3) требовании проводить прокурорские проверки только по поступившей в органы прокуратуры информации о недопущении нарушения закона.

Указанные пределы в силу специфики поднадзорной деятельности действуют не в полной мере и, как правило, только в отношении отрасли в целом, поскольку их основное значение заключается в отграничении прокурорского надзора от прочей контрольной и проверочной деятельности [4. С. 61–62]. Вместе с тем фактическое отсутствие специализированных административных органов, осуществляющих контроль (надзор) в местах принудительной изоляции от общества, и инициативный характер прокурорского надзора исключают действие большинства из них. Что же касается запрета вмешиваться в оперативно-хозяйственную деятельность, то действие этого предела объективно ограничено специальными пределами – прокурорским надзором в рамках данной отрасли охватывается лишь юридически значимая деятельность поднадзорных лиц, связанная с реализацией мер уголовного наказания, иных

принудительных мер, назначаемых в уголовно-процессуальном порядке, а также принудительной изоляцией, назначаемой в интересах уголовного судопроизводства.

Более существенное значение имеют специальные пределы, служащие критериями разграничения специальных отраслей между собой и их совокупного отграничения от общего надзора в целом. Некоторые из них устанавливаются в Законе о прокуратуре, например пределы надзора по кругу субъектов и актов (ст. 32). Другие вытекают из смысла этого закона или служат результатом толкования норм действующего законодательства. Помимо названных к их числу принято относить также отграничение прокурорского надзора в зависимости от правового характера поднадзорной деятельности (характера правоотношений, складывающихся в ходе поднадзорной деятельности) [4. С. 65–66]. Для более точного определения предмета пенитенциарного надзора прокуратуры применим указанные пределы как к отрасли в целом, так и к рассматриваемому направлению.

Установление пределов по кругу субъектов или поднадзорных лиц строится на обособлении деятельности отдельных органов, учреждений или должностных лиц, а также правовых норм (институтов), регулирующих их деятельность. Ранее во внимание также принималась отраслевая (институциональная) принадлежность этих норм. В настоящее время этот критерий хотя и не утрачивает полного значения, тем не менее не играет приоритетной роли. Уточненными критериями для определения пределов по кругу поднадзорных лиц выступают:

- 1) существование совокупности органов, учреждений и должностных лиц, обладающих схожей направленностью деятельности, выражающейся в близких по своему содержанию целях и возложенных на них функциях;
- 2) высокая степень автономности и довольно продолжительный период функционирования их в таком качестве;
- 3) наличие отдельных правовых институтов, регулирующих их деятельность.

Первые два признака позволяют сгруппировать отдельные органы, учреждения и должностные лица в исторически сложившиеся самостоятельные системы, входящие в предмет прокурорского надзора, и с учетом другого критерия – специфики правового регулирования их деятельности – подразделить на отдельные отрасли. В нашем случае к указанной системе органов относится система органов, учреждений и должностных лиц ФСИН России, МВД РФ, ФСБ России, Министерства обороны РФ, исполняющая все виды уголовных наказаний, иные меры принудительного характера, назначенные по решению суда вместо уголовных наказаний, меры принудительной изоляции от общества, примененные в интересах уголовного судопроизводства, а также субъектов осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания. «Верхняя» граница этого предела охватывает прокурорский надзор за законностью деятельности руководителей и должностных лиц названных органов и учреждений, а также руководителей и должностных лиц структурных подразделений в их составе. «Нижняя» граница – администрации конкретных органов и учреждений, ис-

полняющих указанные меры. Все названные лица входят в предмет отрасли прокурорского надзора за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания и назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу.

Предмет пенитенциарного надзора прокуратуры по кругу субъектов уже предмета отрасли и ограничивается наблюдением за законностью деятельности лишь администраций органов и учреждений, исполняющих принудительные меры изоляции от общества, назначаемые в уголовно-процессуальном порядке. Подобное ограничение обусловлено тем, что лишь администрации указанных органов и учреждений осуществляют непосредственный процесс исполнения принудительных мер изоляции. Термин «администрация» в данном случае охватывает руководителей органов и учреждений, исполняющих принудительную изоляцию от общества, структурные подразделения (например, административные комиссии исправительных учреждений) в составе данных органов и учреждений, а также иных должностных лиц, имеющих право принимать юридически значимые решения, связанные с исполнением и отбыванием принудительных мер изоляции в отношении конкретных лиц и (или) группы лиц, находящихся в данном органе или учреждении. Конкретный перечень указанных лиц определяется законодательством, устанавливающим полномочия должностных лиц органов и учреждений (структурных подразделений), исполняющих меры принудительной изоляции. При уточнении предмета пенитенциарного надзора по кругу субъектов в определенном смысле уместно сравнение с прокурорским надзором за законностью процессуальной деятельности следователей и дознавателей, когда в рамках отдельной отрасли прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность и предварительное расследование в форме дознания и предварительного следствия, выделяется отдельное направление прокурорского надзора за законностью процессуальной деятельности, предмет которого по кругу субъектов ограничивается только органами и должностными лицами, правомочными согласно уголовно-процессуальному законодательству принимать процессуальные решения путем совершения процессуально значимых действий и вынесения процессуальных актов.

Пределы по кругу актов определяются применительно к каждой отрасли прокурорского надзора отдельно. В этом заключается их смысл как одного из критериев выделения отраслей прокурорского надзора. За основу берутся прямые предписания Закона о прокуратуре и сложившая практика регулирования деятельности поднадзорных лиц. Применительно к отрасли в целом, с учетом ее комплексного характера (действия положений ст. 21, 26 и 32 Закона о прокуратуре), в качестве пределов выступают акты высшей юридической силы – Конституция РФ, законы, действующие на территории России, регулирующие исполнение и отбывание уголовных наказаний и иных мер принудительной изоляции от общества, назначаемых в уголовно-процессуальном порядке (согласно ст. 2 УИК РФ к их числу относятся УИК РФ, УК РФ, УПК РФ, Закон о содержании под стражей и другие федеральные

законы), а также так называемые квазизакон¹. В последнем случае речь идет об общепринятых нормах международного права, международных договорах и соглашениях, устанавливающих правила исполнения и отбывания мер принудительной изоляции от общества, уголовных наказаний, а также иных мер принудительного характера, назначаемых по решению суда, нормативных указах Президента РФ и постановлениях Правительства РФ, регулирующих аналогичные вопросы. Кроме того, согласно ст. 32 Закона о прокуратуре в предмет прокурорского надзора включается также все законодательство (т.е. в дополнение к названным актам подсоединяются подзаконные и ведомственные нормативно-правовые акты), регулирующее порядок отбывания и исполнения всех видов уголовных наказаний, иных мер принудительного характера, назначаемых по решению суда, а также мер принудительной изоляции от общества, назначаемых в интересах уголовно-процессуального производства. Таким образом, применительно к отрасли в целом устанавливается широкозахватный подход к определению предела по кругу нормативно-правовых актов, за исполнением требований которых надзирает прокурор. Сложившийся порядок объясняется частично сохранившимся прежним подходом к регулированию исполнения уголовных наказаний и мер принудительной изоляции, согласно которому значительная часть вопросов исполнения и отбывания этих мер регулируется на ведомственном уровне.

В отличие от отраслевого предмет пенитенциарного надзора прокуратуры более узок. Согласно ст. 32 Закона о прокуратуре он включает в себя лишь законодательство, регулирующее нахождение лиц в местах принудительной изоляции от общества, органах и учреждениях, исполняющих уголовные наказания и меры принудительного характера, назначаемые судом, а также правовое положение лиц, отбывающих указанные меры или находящихся в указанных органах и учреждениях. Таким образом, он ограничивается надзором прокурора за исполнением и соблюдением норм, закрепляемых на национальном уровне как в законах (УИК РФ, УПК РФ, УК РФ, Закон о содержании под стражей и т.п.), так и в подзаконных нормативно-правовых актах, включая ведомственные, регулирующие вопросы исполнения и отбывания мер принудительной изоляции от общества.

В литературе в качестве третьего критерия отраслевого деления предлагается использовать характер прокурорского надзора [6. С. 171], полномочия прокурора [7. С. 87] или правовые средства прокурорского надзора. Во всех случаях речь идет о содержании прокурорского надзора в рамках его отдельных отраслей. Оно различно, однако едва ли стоит признавать такую специфику в качестве самостоятельного критерия.

Правовой характер прокурорского надзора заключается в юридической оценке деятельности поднадзорных лиц. Её может получить только юридически значимая поднадзорная деятельность, основанная на конкретных правоотношениях. В этой связи необходимо уточнить предмет прокурорского надзора по кругу правоотношений, на которых основана эта деятельность. Этот предел, с одной стороны, выделяет деятельность, подпадающую под правовую оценку, с другой – из правоотношений, на которых она основана, опре-

¹ Более подробно о включении в предмет прокурорского надзора квазизаконов см.: [5. С. 68–76].

делает те, которые устанавливают пределы прокурорского надзора в рамках конкретной отрасли.

Пределы предмета надзора по кругу правоотношений определяются двумя способами: 1) путем прямого указания закона; 2) с помощью системного толкования норм действующего законодательства, регулирующего деятельность поднадзорных лиц в рамках конкретной отрасли. Эти критерии могут применяться как совокупно, так и по отдельности.

Определяя пределы надзора по кругу правоотношений, едва ли стоит исходить сугубо из отраслевой принадлежности правовых норм, поскольку в этом случае фактически происходит дублирование с одним из критериев первого предела (характером правовых институтов, регулирующих деятельность поднадзорных лиц). Акцент следует делать на специфике и содержании правоотношений.

Принципиальное значение при анализе правоотношений, на основе которых возникает деятельность поднадзорных органов и учреждений, имеют два момента: их состав – одним из участников правоотношения должно быть поднадзорное прокуратуре лицо – и характер связи между его участниками – отсутствие равноправия. Первый признак вытекает из действия первого предела – уточнения предмета надзора по кругу субъектов. Второй – является результатом анализа содержания прокурорской деятельности. В предмет прокурорского надзора в этом случае должна включаться деятельность, основанная на правоотношениях, в которых:

- один из участников находится в зависимом или неравном по отношению к поднадзорному лицу положении;
- поднадзорные лица обладают возможностями по существенному ограничению правового положения иных участников правоотношения;
- существует неопределенный круг зависимых лиц, находящихся в едином для них правовом положении;
- ограничение правового положения зависимых лиц может быть реализовано в обычном (распорядительном) порядке;
- применительно к этим правоотношениям не устанавливается судебный или иной исключительный порядок охраны и защиты.

Предложенные критерии, в частности возможность существенного ограничения правового положения неопределенного круга зависимых лиц в ходе обычной деятельности поднадзорных органов и учреждений, вытекают из роли прокуратуры в обеспечении законности, а также из провозглашенных правовых приоритетов. Признание содержанием законности обеспечения правового положения личности актуализирует прокурорский надзор в тех сферах общественной и государственной жизни, где существует потенциальная опасность умаления прав и свобод человека. К их числу относятся все виды публичной деятельности, предусматривающие любые виды ограничений правового положения личности, а также случаи, когда реализация конкретных правовых возможностей человека и гражданина зависит от усмотрения публичного лица или же это лицо обязано совершить определенные действия для предоставления или реализации гражданином конкретной правовой возможности в обычном порядке в ходе осуществления своих обязанностей. Например, сюда относится деятельность, связанная с исполнением принуди-

тельной изоляции от общества и реализацией уголовных наказаний, а также иных мер, назначаемых по решению суда.

Предел по кругу правоотношений является самостоятельным, однако его применение носит вторичный характер по отношению к первым двум критериям. Его значение заключается в уточнении действия прокурорского надзора относительно предварительно определенного круга поднадзорных лиц и нормативно-правовых актов. Методологическая природа не позволяет использовать его в другом качестве. Применение этого критерия приобретает особую актуальность в условиях динамично развивающегося законодательства и дальнейшего государственно-правового реформирования, поскольку позволяет уточнять предмет надзорной деятельности в рамках традиционных отраслей даже в случае изменения характера правового регулирования деятельности поднадзорных лиц.

С учетом названного предела предмет отрасли прокурорского надзора за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания и назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу включает в себя уголовные, уголовно-процессуальные, уголовно-исполнительные и иные правоотношения, возникающие на их основе в ходе отбывания или исполнения принудительной изоляции от общества, а также исполнения уголовных наказаний и иных мер принудительного характера, назначаемых по решению суда, если их участниками являются лица, отбывающие указанные меры. Конкретный спектр этих правоотношений весьма широк и отражает всю деятельность поднадзорных органов, учреждений и должностных лиц, связанную в том числе не только с реализацией карательно-исправительного воздействия, обеспечения безопасности общества или предупреждения совершения новых преступлений и воспрепятствованию расследования преступлений. По своей юридической природе это могут быть административные, трудовые, пенсионные, дисциплинарные и прочие правоотношения. При этом важно иметь в виду, что когда речь идет о надзоре за исполнением законов со стороны публичных субъектов, то в предмет надзора, как правило, включается наблюдение за законностью деятельности, основанной прежде всего на уголовных, уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных правоотношениях. Когда же речь идет об обеспечении правового положения лица, находящегося в данных местах, органах и учреждениях, то, поскольку прокурорским надзором охватывается соблюдение всех прав указанных лиц, перечень правоотношений, включаемый в предмет надзора, носит более широкий характер. В последнем случае фактически речь идет о любых правоотношениях, участником которых может быть лицо, отбывающее указанные меры. В этой связи терминологически надзор за законностью исполнения конкретных мер по своему содержанию значительно уже понятия надзора за законностью отбывания этих мер, поскольку в последнем случае перечень правоотношений, входящий в предмет надзора, значительно шире.

В свою очередь, предмет пенитенциарного надзора прокуратуры ограничивается, во-первых, надзором за законностью деятельности, основанной на правоотношениях, возникающих в связи с принудительной изоляцией от об-

щества, назначаемой в связи с уголовно-процессуальным производством по делу. Из его предмета исключаются правоотношения, возникающие в связи с деятельностью, связанной с реализацией уголовного наказания и иных мер принудительного характера, назначаемых по решению суда, и не предполагающие принудительную изоляцию от общества. В частности, предметом пенитенциарного надзора прокуратуры не охватывается наблюдение за исполнением законов при реализации и отбывании уголовных наказаний, не связанных с принудительной изоляцией от общества, отбывание принудительных мер воспитательного воздействия в виде содержания несовершеннолетнего в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа, отбывание и исполнение меры пресечения в виде домашнего ареста. Поэтому из предмета должны быть исключены все правоотношения, связанные с их отбыванием и исполнением.

Конкретный перечень мер, законность исполнения которых охватывается пенитенциарным надзором, включает в себя: уголовно-процессуальное задержание, предварительное заключение под стражу, задержание осужденных подразделениями ФСИН России, пожизненное и срочное лишение свободы, арест, содержание в дисциплинарной воинской части, водворение на гауптвахту, принудительное содержание в психиатрическом стационаре специального типа и психиатрическом стационаре специального типа с интенсивным наблюдением¹. Соответственно предметом пенитенциарного надзора охватывается деятельность, возникающая из правоотношений, связанных с реализацией и отбыванием указанных мер.

Статья 32 Закона о прокуратуре ограничивает предмет пенитенциарного надзора отношениями, возникающими в связи с нахождением лиц в местах принудительной изоляции, исполнением уголовных наказаний и иных принудительных мер, назначаемых по решению суда. В литературе, как правило, предмет раскрывается путем указания на основания их возникновения и порядок протекания: соблюдение сроков, законности (оснований) водворения и освобождения, порядка и условий содержания, досрочного освобождения, законности дисциплинарной практики и т.п. [9. С. 125–169].

Часть 2 этой же статьи устанавливает, что в предмет пенитенциарного надзора входит наблюдение за соблюдением установленных законодательством РФ прав и обязанностей лиц, отбывающих принудительную изоляцию от общества. Представляется, что указанная формулировка не совсем корректна с учетом специфики деятельности прокуратуры. Ранее отмечалось, что предметом соблюдения могут охватываться только правопритязания (главным образом права и законные интересы) лиц, находящихся в принудительной изоляции от общества. Надзор за соблюдением обязанностей, возложенных на указанных лиц, едва ли возможен со стороны прокуратуры [1. С. 104–105]. В этой связи предмет пенитенциарного надзора прокуратуры в данной части фактически ограничивается наблюдением за соблюдением прав и законных интересов лиц, находящихся в принудительной изоляции.

Таким образом, наличие отдельного предмета прокурорского надзора за исполнением и отбыванием мер принудительной изоляции от общества, на-

¹ Подробнее об исключении этих мер из предмета пенитенциарного надзора см.: [8. С. 69–70].

значенных в качестве уголовного наказания, его замены или в интересах правосудия по уголовным делам, позволяет выделить в рамках соответствующей отрасли прокурорского надзора самостоятельное направление – пенитенциарный надзор прокуратуры. Его предметом охватывается наблюдение за законностью деятельности администраций исправительных органов, учреждений и мест принудительной изоляции от общества, связанной с исполнением и отбыванием уголовных наказаний, предполагающих принудительную изоляцию от общества, а также иных мер принудительной изоляции от общества, назначаемых в уголовно-процессуальном порядке. Этот вид надзора имеет более узкий предмет и пределы по сравнению с отраслевыми. По кругу нормативно-правовых актов он ограничивается наблюдением за исполнением и соблюдением законодательства РФ (законов и подзаконных нормативно-правовых актов, включая ведомственные), регулирующим исполнение и отбывание указанных мер, по кругу правоотношений – уголовно-процессуальными, уголовными и уголовно-исполнительными правоотношениями, возникающими в ходе деятельности администраций в связи с исполнением мер принудительной изоляции, а также различными правоотношениями, участием которых являются лица, отбывающие данные меры, в ходе пребывания в местах принудительной изоляции от общества.

Литература

1. Воронин О.В. Становление пенитенциарного надзора в России: исторические аспекты. Томск: Изд-во НТЛ, 2010. 144 с.
2. Якимович Ю.К. Предмет прокурорского надзора за соблюдением законов в исправительно-трудовых учреждениях // Актуальные правовые вопросы борьбы с преступностью: сб. ст. / отв. ред. В.Д. Филимонов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. С. 172–181.
3. Крюков В.Ф. Курс лекций по прокурорскому надзору в Российской Федерации: учеб. Курск: ГУ ИПП, 2000. 464 с.
4. Воронин О.В. Теоретические основы современной прокурорской деятельности. Томск: Изд-во НТЛ, 2013. 164 с.
5. Казарина А.Х. Предмет и пределы прокурорского надзора за исполнением законов (сфера предпринимательской и иной экономической деятельности). М.: Ин-т повышения квалификации руковод. кадров Генпрокуратуры РФ, 2005. 280 с.
6. Ястребов В.Б. Прокурорский надзор: учеб. М.: Городец-издат, 2001. 401 с.
7. Спиридонов Б.М. Понятие отрасли прокурорского надзора // Совершенствование прокурорского надзора в СССР: сб. ст. М., 1973. С. 83–91.
8. Воронин О.В. О некоторых видах принудительной изоляции от общества, известных российскому законодательству // Уголовная юстиция. 2013. № 2. С. 68–71.
9. Спиридонов Б.М. Прокурорский надзор за соблюдением законности в исправительно-трудовых учреждениях. М.: Изд-во МГУ, 1978. 204 с.

Voronin Oleg V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

SUBJECT AND LIMITS FOR PENITENTIARY SUPERVISION OF THE PROSECUTOR'S OFFICE.

Key words: prosecutor's supervision, penitentiary supervision (control), places of compulsory isolation from the community, rights of convicts, supervision over the administrations of correctional institutions.

Penitentiary supervision of the prosecutor's office involves penitentiary surveillance over legality of such penitentiary measures that imply compulsory isolation from the community to ensure the interests of criminal procedure and criminal penalties enforcement as well as separate measures of an enforcement character imposed instead of criminal penalties. A unified directionality at the limitation of basic

constitutional (natural) human rights, close connection with imprisonment as a main type of criminal punishment, a similar mechanism of execution and service of sentences enable us to create a unified form of public surveillance (supervision) over their realization at the national level - prosecutor's supervision over legality of compulsory isolation from the community or penitentiary supervision. In spite of the fact that native prosecutor's office supervises over legality of execution of all known to our national law types of isolation from the community, this type of supervision includes only prosecutor's surveillance over legality of the measures of compulsory isolation imposed in the criminal procedural order and carried out by Federal Penal Enforcement Service of Russia, Russian Federation Ministry of Interior and Federal Security Service of Russia. Prosecutor's supervision over other forms and types of compulsory isolation is exercised within the frame of other branches of prosecutor's supervision. Exclusion of administrative and other non-legal isolation from the subject of supervision can be explained by different conditions, order of execution and less severe conditions of imprisonment: a comparatively low degree of punitive treatment, a short term of application and absence of severe restrictions of social and biological needs.

Penitentiary supervision of the prosecutor's office retains all basic features of the prosecutor's supervision over law enforcement by the administrations of bodies and offices executing criminal punishments and measures of a compulsory character imposed by the court. This supervision has an initiative and complex character and enables a prosecutor to restore legality by prosecutorial means at his sole discretion, complex legal procedures not being initiated. The range of legal possibilities includes common supervisory legal means which are used taking into account the specificity of a supervised community (Article 22, 26 of the Law on the Prosecutor's Office) and special ones provided by the Law on the Prosecutor's Offices (Article 33) and federal legislation (e.g. Article 22,24,77.1 and others of the Criminal Correctional Code of the Russian Federation, Article 7,10 and others of the Federal Law of the Russian Federation "On the confinement of suspects and accused").

The main differentiation of penitentiary supervision from a prosecutor's one is in the more precise subject of supervision that includes the surveillance over legality of the activity of administrations of correctional institutions i.e. legality connected with the enforcement of measures of compulsory isolation from the community.

References

1. *Voronin O.V.* Stanovlenie penitentsiarnogo nadzora v Rossii: istoricheskie aspekty. Tomsk: Izd-vo NTL, 2010. 144 s.
2. *Yakimovich Yu.K.* Predmet prokurorskogo nadzora za soblyudeniem zakonov v ispravi-tel'no-trudovyykh uchrezhdeniyakh // Aktual'nye pravovye voprosy bor'by s prestupnost'yu: sb. st. / otv. red. V.D. Filimonov. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1988. S. 172–181.
3. *Kryukov V.F.* Kurs lektsiy po prokurorskomu nadzoru v Rossiyskoy Federazii: ucheb. Kursk: GU PP, 2000. 464 s.
4. *Voronin O.V.* Teoreticheskie osnovy sovremennoy prokurorskoy deyatel'nosti. Tomsk: Izd-vo NTL, 2013. 164 s.
5. *Kazarina A.Ch.* Predmet i predely prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov (sfe-ra pred-prinimatel'skoy i inoy ekonomicheskoy deyatel'nosti). M.: In-t povysheniya kvalifi-kazii rukovod. kadrov Genprokuratury RF, 2005. 280 s.
6. *Yastrebov V.B.* Prokurorskiy nadzor: ucheb. M.: Gorodez-izdat, 2001. 401 s.
7. *Spiridonov B.M.* Ponyatie otrasli prokurorskogo nadzora // Sovershenstvovanie proku-rorskogo nadzora v SSSR: sb. st. M., 1973. S. 83–91.
8. *Voronin O.V.* O nekotorykh vidakh prinuditel'noy izolyazii ot obschestva, izvestnykh rossiyskomu zakonodatel'stvu // Ugolovnaya yustiziya. 2013. № 2. S. 68–71.
9. *Spiridonov B.M.* Prokurorskiy nadzor za soblyudeniem zakonnosti v ispravitel'no-trudovyykh uchrezhdeniyakh. M.: Izd-vo MGU, 1978. 204 s.

УДК 347.73

М.А. Горовцова

ПОНЯТИЕ СУБЪЕКТА МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА ДЛЯ ЦЕЛЕЙ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

В статье рассмотрены общие и специальные элементы статуса субъекта малого предпринимательства, а также проанализировано использование понятия субъекта малого предпринимательства в законодательстве о налогах и сборах. Сделан вывод о необходимости унификации дефиниций субъекта малого предпринимательства, содержащихся в рамочном законе, а также отраслевом (налоговом) законодательстве, и обозначены основные направления развития налогового законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: налогообложение, малое предпринимательство, специальные налоговые режимы.

Конституция РФ не использует дефиницию «малое предпринимательство», равно как и понятие организации (юридического лица), оперируя такими терминами, как «учреждение» и «предприятие» (ч. 2, ч. 3 ст. 43), «общественное объединение» (ч. 4, ч. 5 ст. 13), религиозные объединения (ч. 2 ст. 14).

Гражданский кодекс РФ также не содержит упоминания о малых предприятиях, разграничивая виды юридических лиц в зависимости от прав учредителей в отношении юридического лица и его имущества, а также по целям осуществляемой организацией деятельности. Следует отметить, что некоторыми исследователями в свое время было высказано предложение о необходимости дополнения норм Гражданского кодекса РФ новой организационно-правовой формой «малое предприятие» [1. С. 37].

Представляется необходимым выделить общие и специальные признаки малого предприятия, определяющие основы его правового статуса. К первым относятся такие выработанные доктриной гражданского права сущностные характеристики организации, как:

- организационное единство;
- наличие хозяйственной самостоятельности и обособленного имущества;
- специальная правоспособность;
- возможность создания как в форме некоммерческих организаций (потребительские кооперативы), так и в форме коммерческих организаций (за исключением государственных и муниципальных унитарных предприятий);
- наличие фирменного наименования, счета в банке и т.д.

Вместе с тем малое предприятие обладает специальными признаками, закрепленными в ст. 4 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [2] (далее – Федеральный закон № 209-ФЗ) и касающимися требований к уставному капиталу, численности работников и размеру выручки.

Так, средняя численность работников за предшествующий календарный год не должна превышать предельное значение средней численности работников, установленной для малых предприятий (до 100 человек включительно). Новшеством Федерального закона № 209-ФЗ является выделение среди категории субъектов малого предпринимательства самостоятельной категории микропредприятий (для них предельно допустимая средняя численность работников составляет 15 человек). Как справедливо отмечается в специальной литературе, факт закрепления в Федеральном законе № 209-ФЗ статуса микропредприятий, малых и средних предприятий говорит о гармонизации законодательства России с законодательством развитых зарубежных стран [3. С. 22].

Правда, правовой статус микропредприятий не получил надлежащего развития в отраслевом законодательстве, в связи с чем В.А. Семеусов и А.А. Тюкавкин–Плотников высказывают сомнения по поводу целесообразности выделения этой подгруппы субъектов малого предпринимательства [4. С. 47]. Однако некоторые исследователи, напротив, полагают необходимым уделять микропредпринимательству больше внимания. Так, В.А. Власов предлагает внести изменения в наименование Федерального закона № 209-ФЗ и именовать его как Федеральный закон «О развитии микропредпринимательства, малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [5. С. 20].

Помимо этого, установлены требования к структуре уставного капитала субъектов малого предпринимательства, являющихся юридическими лицами. Суммарная доля участия публично-правовых образований всех уровней, иностранных юридических лиц, а также общественных и религиозных организаций, фондов различной направленности не должна превышать 25 % (за исключением активов акционерных инвестиционных фондов и закрытых паевых инвестиционных фондов).

Кроме того, такой же предельный размер участия в уставном капитале малых предприятий установлен и для юридических лиц, не являющихся субъектами малого и среднего предпринимательства (за некоторыми исключениями). Рассматриваемое ограничение направлено на предотвращение придания статуса малых предприятий дочерним или зависимым организациям. Действительно, как отмечает Л.Т. Ибадова, невозможно создать реально конкурентную среду, стимулируя и поддерживая предприятия, которые формально обладают признаками малого предпринимательства, но подконтрольны предприятиям-монополистам [6. С. 9].

Вместе с тем можно встретить предложения об упразднении критерия структуры уставного капитала при отнесении хозяйствующего субъекта к категории малого предпринимательства на том основании, что участие государства или крупной компании в уставном капитале еще не говорит о том, что малое предприятие находится в непосредственной хозяйственной зависимости от своих учредителей [7. С. 12].

Наконец, для придания организации или индивидуальному предпринимателю статуса субъекта малого предпринимательства должен быть соблюден последний критерий, впервые введенный Федеральным законом № 209-ФЗ. Таким критерием является предельное значение выручки от реализации товаров (работ, услуг) без учета НДС или балансовой стоимости активов (оста-

точной стоимости основных средств и нематериальных активов) за предшествующий календарный год. Категория субъекта малого предпринимательства определяется в соответствии с наибольшим значением этих показателей.

В соответствии с актуальными нормативными установлениями предельные значения выручки от реализации товаров (работ, услуг) за предшествующий календарный год без учета НДС составляют 60 млн руб. для микропредприятий, 400 млн руб. для малых предприятий и 1000 млн руб. для средних предприятий [8].

Полномочия по определению конкретного размера таких значений принадлежат Правительству Российской Федерации, которое обязано осуществлять эту операцию один раз в пять лет с учетом данных сплошных статистических наблюдений за деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства.

На наш взгляд, определение точного размера этого экономически обоснованного критерия с частотой всего лишь один раз в пять лет в отсутствие ежегодного корректирующего коэффициента инфляции не будет являться адекватным по отношению к реальной экономической ситуации. Более того, такой порядок может оказать сдерживающее влияние на развитие предприятия, которое будет стремиться к искусственному сдерживанию своего роста с целью сохранения предоставленных ему в рамках статуса субъекта малого предпринимательства привилегий.

Анализируя процесс становления законодательства о правовом статусе малого предпринимательства, можно отметить наличие значительно более точных и однозначных в толковании критериев малых предприятий в Федеральном законе № 209-ФЗ по сравнению с ранее действовавшим законом «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации» [9]. Так, Федеральный закон № 209-ФЗ ввел критерий размера выручки микро- и малого предприятия, имеющий объективный характер, и более четко регламентировал так называемый «критерий независимости», подразумевающий требования к структуре уставного капитала субъекта малого предпринимательства. К примеру, ранее действовавший закон ограничивал участие в уставном капитале малого предприятия Российской Федерации и ее субъектов, однако умалчивал об участии муниципальных образований; Федеральный закон № 209-ФЗ восполнил этот пробел в правовом регулировании.

Представляется, определение статуса субъекта малого предпринимательства в других отраслях законодательства, в том числе и в налоговом законодательстве, должно базироваться на рамочном Федеральном законе № 209-ФЗ. Однако к настоящему времени сложилась прямо противоположная ситуация.

Так, налоговое законодательство вообще не оперирует терминами «малое предпринимательство» и «субъект (субъекты) малого предпринимательства». Вместе с тем неоспариваемой является точка зрения, согласно которой такие специальные налоговые режимы, как упрощенная система налогообложения, единый налог на вмененный доход для отдельных видов деятельности и патентная система налогообложения, были введены для облегчения налогового бремени именно субъектов малого предпринимательства. На это указывают и первоначальное название упрощенной системы налогообложения – «упро-

щенная система налогообложения, учета и отчетности для субъектов малого предпринимательства» [10] – и заявления официальных лиц.

Так, в одном из бюджетных посланий Федеральному Собранию РФ Президент РФ Владимир Путин призвал законодателя поддержать в рамках основных направлений налоговой политики предложение Правительства РФ о повышении для организаций малого предпринимательства верхнего предела дохода, при котором возможен переход на упрощенную систему [11]. Многие исследователи также подчеркивают направленность специальных налоговых режимов на создание благоприятных условий для субъектов малого предпринимательства [12. С. 25; 13. С. 92].

Но вместо использования критериев, установленных специальным федеральным законом (Федеральным законом № 209-ФЗ), законодательство о налогах и сборах вводит собственные требования, которым должны отвечать хозяйствующие субъекты для получения возможности применения налоговых льгот в рамках общей системы налогообложения и специальных налоговых режимов (ст. 346. 12, 346. 28, 346. 45 НК РФ).

Так, сопоставив закрепленные налоговым законодательством максимально допустимые значения годового дохода налогоплательщика, при превышении которых налогоплательщик утрачивает право на применение упрощенной системы налогообложения, можно сделать вывод о том, что фактически данным специальным налоговым режимом могут воспользоваться только микропредприятия. Действительно, указанные максимальные значения годового дохода налогоплательщика, использующего упрощенную систему налогообложения, закреплены в п. 4 ст. 346.13 НК РФ в размере 60 млн руб., что соответствует критерию выручки для субъектов микропредпринимательства.

Еще одним примером рассогласованности налогового законодательства и Федерального закона № 209-ФЗ служит закрепление в ст. 145 НК РФ права на освобождение от уплаты НДС организаций и индивидуальных предпринимателей, если за три предшествующих календарных месяца сумма выручки от реализации товаров (работ, услуг) не превысила в совокупности 2 млн руб. Очевидно, что указание на относительно небольшой оборот имеет отношение именно к малому предпринимательству, но прямо НК РФ об этом не говорит.

Таким образом, в настоящее время существуют различные критерии определения субъекта малого предпринимательства в зависимости от сферы государственного регулирования.

Полагаем, что для всеохватывающего и системного регулирования вопросов создания и функционирования малого предпринимательства, в том числе оказания ему государственной поддержки, необходимо унифицировать требования, предъявляемые к субъектам малого предпринимательства, в различных отраслях законодательства. В противном случае критерии, закрепленные в профильном федеральном законе, приобретают во многом декларативный характер, поскольку их использование связывается лишь с упрощением бухгалтерского учета и отчетности. Более того, в подобной ситуации невозможно вести речь о целостной политике государства в отношении малого предпринимательства ввиду отсутствия единого понимания законодателем характеристик этой категории субъектов предпринимательской деятельности.

Сказанное касается и положений налогового законодательства, содержащего различные критерии определения субъектов малого предпринимательства; в частности, для предоставления права на использование налоговых льгот в рамках общей системы налогообложения и права на применение специальных налоговых режимов используются существенно отличающиеся друг от друга размеры выручки и доходов от реализации

Представляется целесообразной унификация норм НК РФ в части налогового стимулирования субъектов малого предпринимательства с положениями ст. 4 Федерального закона № 209-ФЗ путем введения в НК РФ термина «субъект малого предпринимательства». Роль данной меры заключается в закреплении предпосылок для комплексной и непротиворечивой политики государства в сфере налогообложения субъектов малого предпринимательства. Кроме того, использование в положениях НК РФ указанного термина позволит в полной мере реализовать правило ст. 11 НК РФ о применении институтов, понятий и терминов гражданского, семейного и других отраслей законодательства в том значении, в каком они используются в этих отраслях законодательства.

Таким образом, можно утверждать, что статус малого предприятия в Российской Федерации определяется на основании законодательно установленных критериев количественного характера.

Субъекты малого предпринимательства, как правило, не имеют возможности привлечь к работе профессионального бухгалтера на постоянной основе. Зачастую функции бухгалтера выполняет руководитель малого предприятия (либо индивидуальный предприниматель), который не всегда способен правильно истолковать содержание положений законодательства о налогах и сборах. В такой ситуации самостоятельное исчисление и уплата налогов могут привести к совершению субъектами малого предпринимательства многочисленных ошибок.

Законодательство о налогах и сборах характеризуется высокой степенью детализации, что является предпосылкой к созданию довольно сложных правовых конструкций, а также к использованию в налоговом законодательстве специфичного понятийного аппарата. В период становления налогового законодательства его отличительной чертой было также наличие большого числа подзаконных актов, разобраться в которых можно было, только имея специальное юридическое или бухгалтерское образование.

Следовательно, субъекту малого предпринимательства, который зачастую организован лицами, не имеющими такого профильного образования, необходимо дать возможность воспользоваться особым порядком исчисления и уплаты суммы налога или сбора. При этом налоговое законодательство должно предусматривать такие меры, как закрепление специальных налоговых режимов для субъектов малого предпринимательства, возможность использования ими упрощенных правил учета доходов и расходов (в том числе и в рамках специальных налоговых режимов), определение суммы налога с применением вменения, установление льготных сроков для подачи документов налоговой отчетности и т.д.

Полагаем, что нецелесообразно идти по пути дальнейшего снижения налогового бремени. Это приведет к резкому снижению наполняемости регио-

нальных и местных бюджетов и возникновению иждивенческих настроений в среде малого предпринимательства. На наш взгляд, при совершенствовании налогового законодательства в данной сфере следует сосредоточить усилия на качественном преобразовании существующих систем налогообложения, упрощении порядка исчисления налога, достижении простоты и четкости формулировок налогового законодательства, устранении противоречий и пробелов в нем, установлении для субъектов малого предпринимательства более простой формы налоговой отчетности и преференциальных сроков ее подачи в налоговые органы и т.д.

Иными словами, на первый план в процессе преобразования законодательства о налогах и сборах применительно к хозяйствующим субъектам, являющимся представителями малого предпринимательства, должны выйти меры, направленные не на снижение налогового бремени, а на упрощение порядка исчисления и уплаты налоговых платежей, создание условий для правильного и однозначного толкования налоговых норм. *Таким образом, полагаем, что превалирующее значение должны приобрести налоговые меры процессуального, организационного и технико-юридического характера.*

Вопросы налогового стимулирования субъектов малого предпринимательства носят методологический характер и тесно увязаны с объективно меньшей конкурентоспособностью малых предприятий и индивидуальных предпринимателей с субъектами среднего и крупного предпринимательства. В.С. Нерсисянц подчеркивает, что главная проблема постсоциализма связана с тем или иным ответом на вопрос о том, куда и как необходимо идти дальше от социалистического принципа отсутствия «экономического неравенства» – назад к восстановлению «экономического неравенства» (т.е. к буржуазному праву) или вперед, к новому, большему равенству в экономике [14. С. 360].

Подводя итог, можно с уверенностью утверждать, что надлежащее, адекватное регулирование налогообложения субъектов малого предпринимательства невозможно без понимания его природы и сущности. Кроме этого, определение малого предпринимательства (в том числе для целей налогообложения) должно иметь в своей основе результаты проводимых на постоянной основе широкомасштабных статистических наблюдений за состоянием и тенденциями развития малого предпринимательства.

Литература

1. *О развитии* малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ // СЗ РФ. 2007. № 31. Ст. 4006.
2. *Андреев В.К.* О государственном регулировании малого предпринимательства // Малый бизнес на этапе обновления законодательства о предпринимательстве: материалы науч.-практ. конф. «Малый бизнес на этапе обновления законодательства о предпринимательстве» в рамках Второго междунар. форума «Малый и средний бизнес – вехи времени» (г. Москва, ВВЦ, 2–5 дек. 2003 г.) / отв. ред.: М. А. Супатаев, В. К. Андреев. М. : Юрист, 2004. С. 34–42.
3. *Налогообложение* в системе регулирования деятельности малого бизнеса и его влияние на развитие экономики России / Л.А. Дьячкина [и др.] ; под. ред. М.В. Романовского и Р.А. Саакяна. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та экономики и финансов, 2008. 311 с.
4. *Семеусов В.А., Тюкавкин-Плотников А.А.* О признаках субъектов малого и среднего предпринимательства // Академический юридический журнал. 2012. № 3. С. 41–48.
5. *Власов В.А.* Правовое положение субъектов микропредпринимательства, малого и среднего предпринимательства // Аграрное и земельное право. 2012. № 2. С. 15–25.

6. Ибадова Л.Т. Комментарий к Федеральному закону «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации» (постатейный). М.: Волтерс Клувер, 2006. 272 с.

7. Довгая О.В., Миронова И.Б. Налоговое стимулирование деятельности малых предприятий. Хабаровск: ХГАЭП, 2006. 143 с.

8. О предельных значениях выручки от реализации товаров (работ, услуг) для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства: Постановление Правительства РФ от 09.02.2013 № 101 // СЗ РФ. 2013. № 7. 646 с.

9. О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон от 14 июня 1995 г. № 88-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 25. Ст. 2343.

10. Об упрощенной системе налогообложения, учета и отчетности для субъектов малого предпринимательства: Федеральный закон от 29.12.1995 № 222-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 15.

11. О бюджетной политике в 2006 году: Бюджетное послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ. 24.05.2005 // Парламентская газета. 26.05.2005. № 93.

12. Малое и среднее предпринимательство. Правовое обеспечение / И.В. Ершова [и др.] ; отв. ред. И.В. Ершова. М.: Юриспруденция, 2014. 455 с.

13. Жураковский А.С. Специальные налоговые режимы в помощь малому бизнесу // Вестн. Тамб. ун-та. Серия «Гуманитарные науки». 2012. Вып. 3. С. 92–96.

14. Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства: учеб. для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М.: Норма : ИНФРА-М, 2012. 547 с.

Gorovtsova Margarita A. Institute of State and Law of The Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

THE NOTION OF THE SUBJECT OF SMALL BUSINESS FOR THE PURPOSE OF TAXATION.

Key words: taxation, small business, special tax regimes.

The article examines some approaches to the criteria of the subjects of small business. The author separates both common (essential characteristics worked out by the doctrine of civil law) and special (enshrined in the framework law on the development of small business) features of a small enterprise that define the foundations of its legal status.

It has been stated that tax legislation does not deal with such terms as “small business” and “a subject (subjects) of small business” while special tax regimes were introduced with the express aim to ease the tax burden of the subjects of small business. It is emphasized that instead of using criteria established by a special federal law, the taxes and fees legislation sets its own requirements for economic entities to get tax privileges within the frame of the common system of taxation and special tax regimes.

The maximum for an annual income of the taxpayer who uses the simplified tax system is enshrined in Item 4 Article 346.13 of the Tax Code of the Russian Federation and is 60 000 000 rubles. The above sum is equal to the revenue criterion for the subjects of self-employment.

The author substantiates the conclusion about the usefulness of the unification of norms of the Tax Code related to tax stimulation of the subjects of small business with the provisions of a special law on the development of small and medium business. The role of this unification is to establish some prerequisites for the complex and non-contradictory policy of the state in the sphere of taxation of the subjects of small business. Moreover, the use of term “a subject of small business” in the Tax Code of the Russian Federation will enable to realize the rule of Article 11 of the Tax Code about the use of institutions, concepts and terms of civil, family and other branches of legislation in the meaning which is used in these branches.

The author stresses that measures directed not toward the decreasing of tax burden but toward the simplification of the procedure for calculation and payment of taxes, creation of conditions for correct and unambiguous interpretation of tax norms are in the center of transformations of the taxes and fees legislation for enterprise entities-representatives of small business. Thus, tax measures of procedural, organizational and technical legal character should prevail.

REFERENCES

1. O razvitií malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossiyskoy Federazii: Fede-ral'nyy zakon ot 24 iyulya 2007 g. № 209-FZ // SZ RF. 2007. № 31. St. 4006.

2. Andreev V.K. O gosudarstvennom regulirovanií malogo predprinimatel'stva // Malyy biznes na etape obnovleniya zakonodatel'stva o predprinimatel'stve: materialy nauch.-prakt. konf. «Malyy biznes na etape obnovleniya zakonodatel'stva o predprinimatel'stve» v ramkakh Vtorogo mezhdunar. foruma

- «Malyy i sredniy biznes – velenie vremeni» (g. Moskva, VVZ, 2–5 dek. 2003 g.) / otv. red.: M.A. Supataev, V.K. Andreev. M.: Yurist, 2004. S. 34–42.
3. *Nalogooblozhenie v sisteme regulirovaniya deyatel'nosti malogo biznesa i ego vliyanie na razvitie ekonomiki Rossii* / L.A. D'yachkina [i dr.] ; pod. red. M.V. Romanovskogo i R.A. Saakyana. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. gos. un-ta ekonomiki i finansov, 2008. 311 s.
4. *Semeusov V.A., Tyukavkin-Plotnikov A.A.* O priznakach sub'ektov malogo i srednego predprinimatel'stva // Akademicheskii yuridicheskii zhurnal. 2012. № 3. S. 41–48.
5. *Vlasov V.A.* Pravovoe polozhenie sub'ektov mikropredprinimatel'stva, malogo i srednego predprinimatel'stva // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2012. № 2. S. 15–25.
6. *Ibadova L.T.* Kommentarii k Federal'nomu zakonu «O gosudarstvennoy podderzhke malogo predprinimatel'stva v Rossiyskoy Federazii» (postateynny). M.: Volters Kluver, 2006. 272 s.
7. *Dovgaya O.V., Mironova I.B.* Nalogovoe stimulirovanie deyatel'nosti malych predpriyatiy. Chabarovsk: ChGAEP, 2006. 143 s.
8. *O predel'nykh znacheniyakh vyruchki ot realizatsii tovarov (rabot, uslug) dlya kazhdoy kate-gorii sub'ektov malogo i srednego predprinimatel'stva*: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 09.02.2013 № 101 // SZ RF. 2013. № 7. 646 s.
9. *O gosudarstvennoy podderzhke malogo predprinimatel'stva v Rossiyskoy Federazii*: Federal'nyy zakon ot 14 iyunya 1995 g. № 88-FZ // SZ RF. 1995. № 25. St. 2343.
10. *Ob uproschennoy sisteme nalogooblozheniya, ucheta i otchetnosti dlya sub'ektov malogo predprinimatel'stva*: Federal'nyy zakon ot 29.12.1995 № 222-FZ // SZ RF. 1996. № 1. St. 15.
11. *O byudzhetnoy politike v 2006 godu*: Byudzhetnoe poslanie Prezidenta RF V.V. Putina Federal'nomu Sobraniyu RF. 24.05.2005 // Parlametskaya gazeta. 26.05.2005. № 93.
12. *Maloe i srednee predprinimatel'stvo. Pravovoe obespechenie* / I.V. Ershova [i dr.] ; otv. red. I.V. Ershova. M.: Yurisprudenciya, 2014. 455 s.
13. *Zhurakovskiy A.S.* Spezial'nye nalogovye rezhimy v pomoshch' malomu biznesu // Vestn. Tamb. un-ta. Seriya «Gumanitarnye nauki». 2012. Vyp. 3. S. 92–96.
14. *Nersesyanz V.S.* Obschaya teoriya prava i gosudarstva: ucheb. dlya studentov vysshich uchebnykh zavedeniy, obuchayuschichsya po spezial'nosti «Yurisprudenciya». M.: Norma: INFRA-M, 2012. 547 s.

УДК 343.1

В.К. Зникин

ПОНЯТИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ И КАЧЕСТВА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассматриваются конкретные показатели эффективности и качества предварительного расследования. Определяются условия эффективного предварительного расследования. Выделяются правовые требования, составляющие качество расследования преступлений. Формулируются понятия эффективности и качества предварительного расследования.

Ключевые слова: эффективность предварительного расследования, качество предварительного расследования.

Современный этап развития нашей страны знаменуется глубокими политическими, социальными, экономическими, а также правовыми изменениями. Криминологические процессы последних лет неутешительны: в ближайшие годы уровень преступности из правоприменительной может превратиться в острую политическую проблему. В связи с этим развитие научных исследований в области права характеризуется все возрастающим вниманием исследователей к проблемам эффективности деятельности правоохранительных органов и качества раскрытия и расследования преступлений. Организованность, вооруженность, техническая оснащенность, информированность, тщательность подготовки преступлений, целенаправленное уничтожение доказательственной информации и активное противодействие правоохранительным органам делают преступность все более труднодоступной для традиционных уголовно-процессуальных форм борьбы с нею.

Между тем в работе органов дознания, в том числе оперативных служб, следственного аппарата, было и есть еще много недостатков, которые прежде всего касаются эффективности и качества раскрытия и расследования преступлений. Значительное количество расследованных уголовных дел из-за дефектов дознания и предварительного следствия возвращается на дополнительное расследование, прекращается из-за недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления или заканчивается вынесением оправдательного приговора. Иногда же следственные ошибки перерастают в ошибки судебные, в том числе необоснованные осуждения, что вызывает справедливые нарекания со стороны граждан и общества в целом.

В научных работах о понятии эффективности какой-либо деятельности взгляды совпадают в том, что под эффективностью следует понимать наиболее высокую степень достижения поставленных перед этой деятельностью целей и задач, но сами критерии их эффективного разрешения толкуются по-разному. Например, отдельные авторы для определения эффективности раскрытия и расследования преступлений используют математические формулы [1]. Они полагают, что, исходя из задач раскрытия преступлений и особенностей процесса расследования, наиболее приемлемым является целевое поня-

тие эффективности, которое выражает определенное соответствие (соотношение) практических результатов деятельности заранее поставленной цели [2]. Все иные показатели, в том числе материальные, временные и другие затраты, несмотря на их существенность и практическую значимость, отходят на второй план. Они выполняют важную регулирующую роль и должны быть учтены лишь при соблюдении главного критерия эффективности – отношения результата к намеченной цели. Другие считают, что под эффективностью процессуально-правового установления обстоятельств события преступления следует понимать его способность с наименьшими издержками воздействовать положительно на общественные отношения в заданном направлении при тех социальных условиях, которые реально существуют в период его действия в стране [3. С. 13].

Более приемлемой представляется формулировка, которая определяет в самом общем плане эффективность уголовного судопроизводства как достижение цели уголовного процесса по каждому конкретному уголовному делу при минимуме ущемления законных интересов лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство [4. С. 24]. При одном дополнении – «при минимуме *законного* ущемления (ограничения)».

Рассмотрим конкретные показатели эффективности процессуально-правовых категорий. В советской юридической литературе на этот счет встречались разные мнения. Одни, например, в качестве таких показателей называли: достижение по уголовному делу объективной истины, охрану прав и законных интересов граждан, привлекаемых к участию в судопроизводстве; воспитательное воздействие на участников процесса и на остальных граждан [5. С. 59]. Другие считали показателем эффективности уголовно-процессуального права в целом соотношение числа зарегистрированных преступлений и числа неотмененных оправдательных приговоров, а показателем эффективности отдельных самостоятельных процессуальных образований – процент отмены контролирующими органами актов, завершающих эту часть процесса ввиду недостижения результатов, требуемых по закону [6. С. 75–76]. Третьи полагали, что «количественные показатели законности и обоснованности постановлений, определений, приговоров, действий могут служить критериями социальной эффективности уголовно-процессуальных норм. Отношение числа законных и обоснованных решений ко всем соответствующим актам покажет степень такой эффективности» [7. С. 135].

Отсюда вытекает, что в решении задач повышения эффективности предварительного расследования должны быть разработаны и внедрены научные правовые методы, которые вооружат следователей и их руководителей конкретными рекомендациями по законному, быстрому, всестороннему, полному и объективному раскрытию и расследованию преступлений.

Поскольку дознание и предварительное следствие служат основой для дальнейшего движения уголовного дела, очерчивают объем, пределы судебного рассмотрения и во многом обуславливают правильный исход его, то, вероятно, понятие качества раскрытия и расследования преступлений имеет особое практическое значение.

Уголовно-процессуальный закон не дает понятия качества раскрытия и расследования преступлений, но в ряде норм определяет конкретные показа-

тели, которые должно иметь оконченное уголовное дело. Рассмотрение этих показателей, их отдельных сторон в единстве и взаимной связи, сведение конкретных полезных свойств оконченного уголовного дела к общему понятию «качество расследования» составляют, как и понятие «эффективность расследования», задачу юридической науки [8. С. 7].

К определению понятия «эффективность института предварительного расследования» следует подходить с комплексных позиций, при которых сама процессуальная деятельность и нормы, ее регулирующие, рассматриваются как единая субстанция, функционирующая в интересах достижения заранее запланированной цели досудебного производства. При его разработке необходимо раскрыть само значение этого понятия, которое в буквальном смысле означает результат чего-либо, какой-либо деятельности. Очевидно, эффективной можно назвать только такую деятельность или процесс, которые приводят к целевым результатам, т. е. результатам, определенным самой целью этой деятельности или процесса.

Отсюда эффективность предварительного расследования можно и нужно определять как результат выполнения целевых задач (назначения) уголовного судопроизводства на его досудебных стадиях.

Остановимся на реализации задачи быстрого и полного раскрытия преступления и проведения по делу предупредительной работы, хотя законодатель не конкретизирует этот аспект в УПК РФ. Приступая к решению поставленной проблемы, представим исследуемое явление как три структурных элемента. Ими являются: задачи предварительного расследования, собственно деятельность по их разрешению и результаты этой деятельности.

Следует отметить, что достижение результатов расследования связано не только с деятельностью дознавателей и следователей. Согласно уголовно-процессуальному законодательству в уголовном судопроизводстве на этой стадии допустима деятельность суда, имеют определенные права и другие участники, как со стороны обвинения, так и со стороны защиты, а также иные участники. Но в основе предварительного расследования действительно лежит активная деятельность дознавателя и следователя как знаковых субъектов предварительного расследования.

Из сказанного можно заключить, что активность и энергичность, внимательность и вовлечение в процесс расследования всех органов и инструментов, умение руководить этим процессом, поддерживать и развивать инициативу составляют главные характеризующие свойства эффективной деятельности дознавателя и следователя.

Но, кроме этого, для эффективного предварительного расследования необходимым условием является *законность* действий дознавателя и следователя, когда их действия основаны на полном и всестороннем исследовании всех обстоятельств по уголовному делу, анализе и оценке проверенной доказательственной информации при осуществлении процессуальных решений. Это, во-первых. Во-вторых, это относится к конкретным ситуациям, когда дознаватель и следователь в состоянии разумно разрешить объективно существующее противоречие между интересами достижения цели уголовного процесса и необходимостью обеспечения прав и свобод граждан, оказавшихся к нему прикосновенными. И, наконец, в-третьих, это ситуации, когда они

могут прореагировать на большинство поводов к возбуждению уголовного дела, т.е. в состоянии удовлетворить, в терминах науки, «управление социальными и экономическими системами», если не все, то по крайней мере большинство заявок на обслуживание в состоянии достичь цели уголовного процесса по большинству уголовных дел в стране и своими результатами в состоянии удовлетворить чувство справедливости [4. С. 25–26]. Эти свойства определяются как *надежность* [8].

Предварительное расследование должно быть и *экономичным* в части использования любых средств и затрат, в том числе и бюджетных денежных средств. Сколько их выделили – во столько и надо уложиться. Это тоже свойство эффективности предварительного расследования. Следует учесть, что предварительное расследование не может быть эффективным, если его исход непосредственно зависит от финансовых и иных внесудебных возможностей стороны, участвующей в уголовном судопроизводстве [4. С. 26, 28].

Но главное в умении дознавателя и следователя – это способность так организовать свою работу, чтобы качественные результаты достигались с наименьшими затратами людских и временных ресурсов. И тогда мы уже можем говорить об *оптимальности* действий изучаемых субъектов.

Успех в расследовании каждого уголовного дела обеспечивается не только надежностью и оптимальностью действий дознавателя и следователя, но и вовлечением в процесс расследования кого-то еще из числа тех субъектов, которые могут оказать квалифицированную помощь и чье участие на предварительном расследовании разрешено процессуальным законом. Непременной составляющей эффективного уголовного судопроизводства является возможность использования разнообразных источников информации [4. С. 25]. Это определяется им как *рациональность*.

Классифицируя действия дознавателя и следователя по динамическому признаку, выделяем три составляющие, такие как организационные мероприятия; действия по отысканию, собиранию, проверке и закреплению доказательств; действия по реализации принятых по делу процессуальных решений.

Определяя дознавателя и следователя как центральные фигуры для эффективного предварительного расследования, необходимо отметить и то, что в силу закона и руководитель следственного органа, и прокурор, и начальник органа дознания могут совершать на этой стадии по расследуемому уголовному делу определенные процессуальные действия, оказывающие свое влияние на выполнение целей и задач расследования.

Представляется, что действия указанных лиц только тогда положительно скажутся на эффективности предварительного расследования, когда они, так же как действия дознавателя и следователя, будут соотноситься с вопросами законности, рациональности, экономичности, оптимальности и надежности. И здесь следует подчеркнуть, что уголовный процесс не может быть эффективным, если установленные участвующими в нем ведомствами оценочно-учетные показатели для своих подразделений позволяют положительно оценивать их деятельность по тем делам, по которым цель уголовного процесса оказалась недостигнутой [4. С. 29].

С учетом сделанных поправок и предостережений можно сформулировать понятие эффективности предварительного расследования, под которым

понимается уровень достижения цели и задач стадии предварительного расследования в результате законных, надежных, экономичных, оптимальных и рациональных организационных и процессуальных действий дознавателя и следователя, прокурора, начальника следственного отдела и начальника органа дознания.

А теперь попытаемся ответить, по каким юридически значимым и существенным признакам дознание и предварительное следствие объективно характеризуются как качественные.

Анализ уголовно-процессуального законодательства и практики его применения позволяет сделать вывод, что правовыми требованиями, составляющими качество расследования преступлений, являются: законность, всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств уголовного дела, обоснованность и мотивированность предъявленного обвинения. Каждое из указанных требований имеет свое правовое содержание, и его рассмотрение не входит в задачи данного изложения.

Однако следует учитывать, что законность, быстрота, всесторонность, полнота и объективность делают расследование качественным лишь в совокупности, а каждое из этих свойств характеризует качество только с одной стороны. Качество расследования связано с положительным конечным результатом, с логически законченным производством как целым, охватывает его полностью, неотделимо то него и не сводится к наличию одного свойства или только отдельных признаков.

Тем не менее существует некий уровень качества. Небезынтересен, на наш взгляд, подход к оценке качества расследования, предполагающий три уровня: высокий, средний и низкий [9. С. 37–38].

Под высококачественным понимается расследование, материалы которого содержат полные, всесторонние, объективные ответы на все необходимые для правильного разрешения уголовного дела по существу вопросы о преступлении, при отсутствии всяких нарушений процессуального или материального закона и наличии всех существенных свойств, выражающих отличие данного уровня от других.

Среднекачественным предлагается признать расследование, также содержащее требуемые свойства, но не в должной мере, имеющее нарушения процессуальных или материальных норм как устранимые прокурором, судом, так и неустранимые, однако позволяющие вынести законное и обоснованное решение по делу.

И низкокачественным именуется расследование, по которому не соблюдены или существенно нарушены основополагающие требования закона, не установлена объективная истина, в результате отсутствуют все необходимые свойства или часть их.

Некачественное расследование, не достигшее требуемого положительно-го результата, не создает эффективности. Качество и эффективность связаны через положительный результат, достигнутый путем законного, быстрого, всестороннего, полного, объективного исследования обстоятельств дела.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что каждое из рассмотренных понятий – эффективность и качество предварительного расследования – выражают степень решения задач и уровень достижения целей. Очевидно,

эффективность проявляется прежде всего по отношению к служебным затратам, а качество – по отношению к предъявляемым к дознанию и предварительному следствию требованиям.

Но раскрыть и расследовать преступления с помощью одних только предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством средств затруднительно, а иногда и невозможно, необходимо использовать оперативно-розыскные мероприятия. Это объясняется тем, что значительная часть преступлений совершается в условиях латентности, и поэтому их раскрытие и расследование – дело достаточно сложное и трудоемкое, требующее умелого сочетания процессуальных и оперативно-розыскных действий. Не случайно поэтому многократно возрастает роль оперативно-розыскной деятельности. Однако по-прежнему ценность оперативно-розыскных технологий признается лишь на этапе получения первичных сведений о преступлении [10], а законодательных положений о комплексном использовании ее результатов в уголовно-процессуальном доказывании так и не разработано [11. С. 3].

Кроме того, несмотря на определенную законодательную эволюцию оперативно-розыскной деятельности, она пока не воздействует на традиционный комплекс представлений об оперативно-розыскной информации как информации недостоверной и полученной с грубейшими нарушениями прав человека и гражданина [12].

Преодоление комплекса этих представлений требует более эффективной деятельности всех правоохранительных и силовых структур, включая и органы предварительного расследования.

Литература

1. Драпкин Л.Я. Целенаправленность деятельности следователя и эффективность раскрытия преступлений // Проблемы криминалистики и доказывания при расследовании преступлений: межвузовский тематический сб. Барнаул: АГУ, 1990. С. 61–72.
2. Драпкин Л.Я. Об эффективности следственных действий // Материалы конф. по итогам научно-исследовательской работы за 1969 г. Свердловск: Свердл. юрид. ин-т, 1970. С. 147.
3. Фаткуллин Ф.Н. Актуальные вопросы эффективности советского уголовного процесса // Вопросы эффективности советского уголовного процесса. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. С. 3–27.
4. Томин В.Т., Попов А.П. Эффективное уголовное судопроизводство: управленческие, социальные и правовые аспекты. Пятигорск, 2003. 114 с.
5. Анашкин Г.З., Петрухин И.Л. Эффективность правосудия и судебные ошибки // Советское государство и право. 1968. № 8. С. 59–67.
6. Каминская В.И. Методы изучения практики применения уголовно-процессуального закона // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1969. Вып. 10. С. 69–81.
7. Якимов П.П. Изучение эффективности уголовно-процессуальных норм // Некоторые вопросы эффективности уголовного законодательства: сб. науч. тр. Свердловск, 1974. Вып. 29. С. 127–138.
8. Михайлов А.И. Понятие эффективности предварительного следствия // Проблемы уголовного судопроизводства: сб. науч. тр. Москва; Кемерово, 1998. С. 3–8.
9. Власов В.И. Расследование преступлений. Проблемы качества. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1988. 199 с.
10. Григорьев В.Н. Обнаружение признаков преступления органами внутренних дел. Ташкент, 1986. С. 56–59.
11. Гуцин А.Н., Громов Н.А., Царева Н.П. Оперативно-розыскная деятельность: совершенствование форм вхождения ее результатов в уголовный процесс: учеб.-практ. пособие. М.: Изд-ль И.И. Шумилова, 2003. 117 с.

12. Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности / под науч. ред. проф. В.Т. Томина. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001. 262 с.

Znikin Valery K. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

THE CONCEPT OF EFFECTIVENESS AND QUALITY OF A PRELIMINARY INVESTIGATION.

Key words: effectiveness of a preliminary investigation, quality of preliminary investigation.

There were and there still are many drawbacks connected, above all, with effectiveness and quality of crime investigation in the work of preliminary investigation bodies. A prerequisite for effective preliminary investigation is, firstly, legality of actions of interrogating officers and investigators when their actions are based on complete and thorough examination of all circumstances of the criminal case, analysis and evaluation of checked evidence in the course of making procedural decisions. The second prerequisite is a legal opportunity for interrogating officers and investigators to resolve real contradictions between the interests to achieve the aims of criminal procedure and the necessity to guarantee the rights and freedoms of citizens involved in this process. The third prerequisite is the opportunity to react to the majority of causes for instituting criminal proceedings and in the result to satisfy the sense of justice. Preliminary investigation should be economical in terms of any means and expenditures. It's necessary for both interrogating officers and investigators to organize the work in such an optimal way as to achieve qualitative results with the least manpower and timing budget. An essential condition of effective criminal procedure is the possibility to use various sources of information. Criminal procedure cannot be effective if estimated figures and accounting ratio established by the bodies involved in the procedure enable to evaluate the activity of their agencies positively even in such cases where the aim of criminal procedure has not been attained. Therefore, effectiveness of the preliminary investigation implies the level of attainment of aims and tasks at the stage of a preliminary investigation in the result of legal, reliable, economical, optimal and competent organizational and procedural actions of empowered officials.

Legal requirements to the quality of crime investigation are: legality, comprehensiveness, completeness and objectivity of examination of circumstances, reasonableness and motivation of charges. Each of the above requirements has its legal content but they make investigation qualitative only when taken together. The quality of investigation is connected with a positive final result and with logically completed proceedings; it includes the investigation in full, is inherent in it and is not reduced to the presence of one property or only separate characteristics.

Each of the examined concepts-effectiveness and quality of a preliminary investigation – expresses the degree of task solution and the level of aim attainment. It is evident that effectiveness covers, first of all, service expenditures, but quality – the requirements for enquiry and preliminary investigation.

REFERENCES

1. *Drapkin L.Ya.* Zelenapravlenost' deyatel'nosti sledovatelya i effektivnost' raskry-tiya prestupleniy // Problemy kriminalistiki i dokazyvaniya pri rassledovanii prestuple-niy: mezhvuzovskiy tematicheskiy sb. Barnaul: AGU, 1990. S. 61–72.
2. *Drapkin L.Ya.* Ob effektivnosti sledstvennykh deystviy // Materialy konf. po itogam nauchno-issledovatel'skoy raboty za 1969 g. Sverdlovsk: Sverdl. yurid. in-t, 1970. S. 147.
3. *Fatkulin F.N.* Aktual'nye voprosy effektivnosti sovetskogo ugolovnogo prozessa // Voprosy effektivnosti sovetskogo ugolovnogo prozessa. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 1976. S. 3–27.
4. *Tomin V.T., Popov A.P.* Effektivnoe ugolovnoe sudoproizvodstvo: upravlencheskie, so-zial'nye i pravovye aspekty. Pyatigorsk, 2003. 114 s.
5. *Anashkin G.Z., Petruchin I.L.* Effektivnost' pravosudiya i sudebnye oshibki // Sovet-skoe gosudarstvo i pravo. 1968. № 8. S. 59–67.
6. *Kaminskaya V.I.* Metody izucheniya praktiki primeneniya ugolovno-prozessual'nogo za-kona // Voprosy bor'by s prestupnost'yu. M., 1969. Vyp. 10. S. 69–81.
7. *Yakimov P.P.* Izuchenie effektivnosti ugolovno-prozessual'nykh norm // Nekotorye vo-prosy effektivnosti ugolovnogo zakonodatel'stva: sb. nauch. tr. Sverdlovsk, 1974. Vyp. 29. S. 127–138.
8. *Michaylov A.I.* Ponyatie effektivnosti predvaritel'nogo sledstviya // Problemy ugo-lovnogo sudoproizvodstva: sb. nauch. tr. Moskva; Kemerovo, 1998. S. 3–8.
9. *Vlasov V.I.* Rassledovanie prestupleniy. Problemy kachestva. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1988. 199 s.
10. *Grigor'ev V.N.* Obnaruzhenie priznakov prestupleniya organami vnutrennich del. Tashkent, 1986. S. 56–59.

11. *Guschin A.N., Gromov N.A., Zareva N.P.* Operativno-rozysknaya deyatel'nost': sovershenstvovanie form vchozhdeniya ee rezul'tatov v ugolovnyy prozess: ucheb.-prakt. posobie. M.: Izd-
l' I.I. Shumilova, 2003. 117 s.
12. Polyakov M.P. Ugolovno-prozessual'naya interpretaziya rezul'tatov operativno-rozysknoy
deyatel'nosti / pod nauch. red. prof. V.T. Tomina. N. Novgorod: Nizhegorodskaya pra-vovaya
akademiya, 2001. 262 s.

УДК 342.8

О.А. Кравченко

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ВЫЯВЛЕНИЮ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТОВЕРНОСТИ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ НАРОДА

Статья посвящена выявлению подходов к выявлению мер обеспечения достоверности волеизъявления народа. Используется формально-юридический метод исследования. Предлагается для реализации мер защиты волеизъявления народа выделить не только субъекта, к которому возможно применение названных мер, но и основание, саму меру воздействия к субъекту и, что важно, инстанцию, которой дозволено устанавливать необходимость защиты достоверности волеизъявления народа.

Ключевые слова: меры обеспечения достоверности волеизъявления народа, конституционно-правовая ответственность.

Там, где проводятся выборы, существует опасность искажения волеизъявления народа, в том числе и в нашей стране. Опасность такого искажения заключается в том, что сформированные в результате выборов органы власти являются не демократическими.

Представляется, что основная угроза институтам демократии путем искажения волеизъявления народа может возникнуть также со стороны избирательных комиссий.

Зарубежные авторы Д. Денис Дербишайр, Ян Дербишайр отмечают, что в таких странах где избирательные и счетные комиссии находятся под контролем «нужных людей», действует следующий принцип: «кто считает, тот и выбирает» [1. С. 107].

В этой связи в литературе подчеркивается, что в том случае, если выборы задуманы как свободные, то результаты выборов следует максимально оградить от мошенничества и подтасовок [2. С. 55].

Такие авторы, как А.С. Автономов, А.Ю. Бузин, А.В. Иванченко, В.И. Кривцов, А.В. Кынев, А.Е. Любарев, указывают, что представляется необходимым, чтобы избирательная комиссия несла ответственность за фальсификации, совершенные её членами, если сама комиссия эту фальсификацию не пресекла. По их мнению, фальсификации невозможны, если члены комиссии добросовестно исполняют свои обязанности [3. С. 127]. Эти же авторы указывают, что нормы, регулирующие голосование, подсчет голосов и подведение итогов голосования, не обеспечивают эффективных механизмов, препятствующих фальсификациям [3. С. 131].

В юридической литературе также отмечается, что в настоящее время либеральное избирательное законодательство не способствует выявлению действительного волеизъявления граждан путем свободных демократических выборов. Можно вводить массу правил учета и регистрации избирателей, выдвижения и регистрации кандидатов, ведения предвыборной агитации, финансирования выборов, голосования, подсчета голосов и т.д., но если отсутствуют реальные механизмы ответственности за нарушения этих правил

либо эти механизмы являются неэффективными или применяются по-разному к разным политическим партиям и кандидатам, то сами правила поведения и запреты воспринимаются как декоративные, не подлежащие безусловному исполнению [4. С. 58].

Проблемы ответственности за избирательные правонарушения и теоретически, и практически относятся к разряду ключевых вопросов избирательного права и выборов [4. С. 58].

Государственные органы и органы местного самоуправления, организующие выборы, на практике воплощающие конституционную концепцию демократии, не должны быть ограждены от мер воздействия на них в целях защиты волеизъявления народа от искажения при формировании органов народного представительства. Организаторы выборов являются участниками конституционно-правовых отношений, а значит, необходимы определенные стимулы, не позволяющие им нарушать Конституцию Российской Федерации.

В юридической литературе, так же как и в законодательстве, отсутствует указание на необходимость мер защиты волеизъявления народа от искажения при формировании народного представительства. Считаю такие меры необходимыми, и они должны быть направлены непосредственно на тех лиц, которые организуют выборы, т.е. на членов избирательных комиссий. Именно члены избирательных комиссий ввиду предоставленных им полномочий и возложенных на них конституционных задач имеют доступ к первичной избирательной документации, в которой отражено волеизъявление народа, и обладают всеми возможностями для искажения волеизъявления народа, а потому должны быть адекватные меры защиты для недопущения таких искажений. В настоящее время адекватных мер защиты волеизъявления граждан от искажения членами избирательных комиссий не существует.

Правильно указывал В.А. Виноградов: «Необходимость адекватных мер воздействия на субъектов конституционно-правовых отношений в целях защиты Конституции Российской Федерации вытекает непосредственно из закрепленных ею основ конституционного строя Российской Федерации как демократического правового государства, обязанного обеспечивать признание, соблюдение и защиту целого комплекса конституционных ценностей» [5. С. 12].

В связи с чем необходимо установление соответствующего механизма защиты волеизъявления народа от искажения при формировании институтов народного представительства, чтобы те субъекты, на которых возложена обязанность по достоверному выявлению волеизъявления народа, не допускали бы искажения такого волеизъявления. Речь идет либо о прямом нарушении конституционных запретов, либо о невыполнении конституционных функций, задач, обязанностей, возложенных на государственные и общественные органы, и должностных лиц и граждан [6], в данном случае членов избирательных комиссий. Причем этот механизм не может не пользоваться такими средствами, которые влекут наступление вредных последствий для субъектов, допустивших искажение волеизъявления народа.

При этом речь должна идти о мерах защиты волеизъявления народа от искажения, а не о конституционно-правовой ответственности за искажение волеизъявления народа ввиду того, что функция первой имеет только одну цель – карательную, цель наказания, тогда как меры защиты имеют целью защиту народа, данной ему Конституцией РФ власти, а значит, защиту конституционного строя, а также восстановление нарушенного конституционного порядка, касающегося достоверности определения волеизъявления народа, что не означает отсутствие при реализации указанных целей неблагоприятных последствий для лиц, совершивших недолжное поведение. Кроме того, реализация первой возможна без вины правонарушителя, тогда как для реализации второй необходим такой обязательный признак, как вина правонарушителя.

Так, С.Н. Братусь полагал, что ответственность без вины недопустима, по крайней мере в гражданском праве [7. С. 91]. Другие ученые, такие как С.С. Алексеев, Н.Г. Александров, О.А. Красавчиков, указывали, что ответственность без вины неприемлема даже в качестве исключения и в этих случаях можно говорить о мерах защиты [8. С. 279]. В отечественном праве меры защиты устанавливались, например, в Уголовном кодексе РСФСР 1926 г., который содержал положение о мерах социальной защиты. В настоящее время в латвийском законодательстве к корпоративным субъектам применяется не уголовная ответственность, а меры уголовно-правового характера [9. С. 204]. Преимущество таких мер, по мнению Е.Ю. Антоновой, такие авторы, как Н.В. Щедрин и А.А. Востоков, видят в том, что они могут применяться и при отсутствии, в том числе и субъективной стороны, причем установление этих мер позволит оказывать уголовно-правовое воздействие на любые коллективные образования, в том числе и на организации без образования юридического лица [9. С. 204]. Если брать государственное право, то практически всеми авторами вина признается как субъективное основание наступления конституционной ответственности [10. С. 94].

Необходимость применения не конституционно-правовой ответственности, а именно мер защиты волеизъявления народа от искажения, т.е. санкций без вины к правонарушителям – членам избирательных комиссий, – обусловлена особой ролью члена избирательной комиссии в установлении волеизъявления народа и его неограниченными возможностями искажения волеизъявления народа, а также тем, что права и обязанности каждого члена избирательной комиссии формально равны и решения, принимаемые от имени избирательной комиссии, по сути, являются решениями каждого члена избирательной комиссии, в особенности это касается тех решений, которые определяют итоги голосования или результаты выборов, т.е. решений, определяющих волеизъявление народа.

Исходя из того, что вина традиционно понимается как психическое отношение лица к содеянному в форме умысла или неосторожности (легкой или грубой) [10. С. 92], то установить вину какого-либо члена избирательной комиссии в искажении волеизъявления граждан трудно, хотя бы потому, что не он один принимает решения от имени избирательной комиссии. Кроме того, учитывая, что: 1) методы искажения волеизъявления народа очень многообразны; 2) возможности искажения волеизъявления народа любым

членом избирательной комиссии безграничны; 3) выявление искажения волеизъявления, как правило, доступно только члену избирательной комиссии – то любое, в том числе намеренное, искажение волеизъявления народа может трактоваться как проступок или ошибка, даже техническая. Введение признака вины повлечет невозможность привлечения к ответственности за искажение волеизъявления народа. Хотя существует мнение, согласно которому виной в избирательном праве, как и в конституционном праве, следует считать ошибки, упущения и любое иное пассивное отношение к выполнению своих обязанностей субъектом правоотношений, повлекшие нарушение законодательства о выборах, при условии, что у правонарушителя была возможность выбора варианта правомерного поведения, исходя из существующих обстоятельств [10. С. 167]. Иными словами, указывается на то, что достаточно, чтобы лицо имело обязанности и неправильно их исполнило или воздержалось от их исполнения, если при этом не было допущено порока его воли, т.е. на это лицо не было оказано давление в виде насилия или угрозы применения такого насилия.

Например, в Англии большинство преступлений относится к так называемым «*crimes of strict liability*», т.е. правонарушениям с объективной ответственностью, где ответственность за их совершение наступает независимо от вины правонарушителя и для привлечения к уголовной ответственности за данные уголовные проступки надо установить только факт правонарушения и лицо, его совершившее, однако доказывать наличие у правонарушителя *mens rea* не обязательно, поскольку здесь имеет место так называемое «объективное вменение», концепция которого развивается английскими судами с XIX в. [11].

Однако названная точка зрения противоречит сложившемуся в отечественной правовой науке принципу непривлечения к ответственности без вины.

Для реализации мер защиты волеизъявления народа необходимо выделить не только субъекта, к которому возможно применение названных мер, но и основание, саму меру воздействия на субъекта и, что важно, инстанцию, которой дозволено устанавливать необходимость защиты достоверности волеизъявления народа.

В качестве основания мер защиты достоверного волеизъявления народа предлагается использовать термин «деликт члена избирательной комиссии». Деликт члена избирательной комиссии (избирательный деликт) – это деяние (действие или бездействие) члена избирательной комиссии, не соответствующее должному поведению, предусмотренному Конституцией Российской Федерации или вытекающему из её смысла и установленных ею принципов, при котором искажается волеизъявление народа, и влекущее применение мер защиты волеизъявления народа от искажения. Такими действиями или бездействиями не исполняются или ненадлежащим образом исполняются конституционные обязанности члена избирательной комиссии по достоверному выявлению волеизъявления народа. Ведь нельзя же допустить того, что Конституция Российской Федерации, устанавливающая ч. 1 ст. 1 Россию в качестве демократического федеративного правового

государства, предполагала бы формирование органов народного представительства не демократическим путем, а на основе недостоверного волеизъявления народа.

В свою очередь, органами, осуществляющими организацию голосования, подсчет голосов, определение итогов голосования и результатов выборов, а в конечном счете органами, формирующими институты народного представительства, являются избирательные комиссии. Избирательные комиссии состоят из граждан, являющихся членами избирательных комиссий; любое решение, принимаемое членами избирательной комиссии, становится коллегиальным решением самой избирательной комиссии, основанным на формальном равенстве всех членов избирательной комиссии, а потому каждый член избирательной комиссии не может отстраняться от того решения или действия (бездействия) избирательной комиссии или любого её члена, которое влечет искажение волеизъявления народа. Там, где обнаружено искажение волеизъявления народа, ко всем членам соответствующей избирательной комиссии должны быть применены меры защиты волеизъявления народа от искажения.

Представляется, что в целях защиты достоверности волеизъявления народа в качестве меры такой защиты в избирательном праве следует установить штрафы. Идея штрафов не нова, её в конституционном праве предлагали такие авторы, как Н.М. Колосова [12] и В.О. Лучин [13. С. 382–383]. Л.В. Забровская в качестве формы конституционно-правовой ответственности указывала ущемление имущественного положения [14. С. 297]. В.А. Виноградов полагает, что такая мера не может быть отнесена к числу основных конституционно-правовых санкций, хотя им в пользу данного вывода конкретных доводов не приводится [5. С. 12].

Имеются также зарубежные аналоги конституционных штрафов. Например, в соответствии со ст. 2 разд. 3 гл. 1 ч. 2 Конституции штата Массачусетс Палата представителей штата имеет право подвергать при необходимости штрафам те тауны, в которых не проведены выборы её членов или не представлены их результаты так, как это предусмотрено Конституцией штата [15. С. 211].

Применительно к основанию наложения штрафа, т.е. тех обстоятельств, при которых согласно нормам права он накладывается, необходимо учитывать следующее.

Основанием наложения штрафа должен являться факт недолжного поведения соответствующих субъектов конституционно-правовых отношений. В том случае, когда речь идет о выборах, их организаторы должны провести голосование и подвести его итоги, определить результаты выборов, чтобы было исключено искажение волеизъявления народа. Когда такая задача не выполнена, то это, по справедливому замечанию В.А. Виноградова, отклонение от модели поведения, закрепленной конституционно-правовыми нормами [5. С. 22], а значит, должно влечь определенные меры защиты для народа, а для членов избирательных комиссий – санкции в виде наступления для лиц, отвечающих за надлежащее формирование органов народного представительства, неблагоприятных последствий.

Штраф как мера защиты от посягательств на конституционно установленную концепцию демократии, предусмотренную конституционно-правовой нормой, будет оказывать своё негативное воздействие на лицо или группу лиц за то, что они совершили недопустимое действие или бездействие, а также ошибку, в том числе и техническую, повлекшую искажение волеизъявления народа.

Последствия применения штрафа будут заключены в том, что, во-первых, государство официально осудило поведение указанных лиц; во-вторых, на этих лиц возложены определенные материальные лишения, а потому совершение ими названного деяния будет очень неблагоприятно.

Субъектами наложения штрафа будут являться члены избирательных комиссий, в том числе их председатели, заместители председателя и секретари.

В свою очередь, представляется, что в качестве инстанции, которая, установив искажение волеизъявления народа, могла бы налагать штраф, может быть суд.

Так, В.А. Виноградов, рассматривая конституционно-правовую ответственность, отдает предпочтение судебному порядку её реализации, поскольку востребование суда как независимого и беспристрастного по своей природе и в качестве такового участвующего в решении вопросов о применении мер конституционно-правовой ответственности предполагает соблюдение конституционных гарантий правосудия [5. С. 12].

Кроме того, исходя из правовых позиций Конституционного Суда РФ, внесудебный порядок применения мер ответственности является неконституционным.

Так, из абз. 2 п. 4.2 Постановления Конституционного Суда РФ от 11 июня 2002 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 64, пункта 11 статьи 32, пунктов 8 и 9 статьи 35, пунктов 2 и 3 статьи 59 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросами Верховного Суда Российской Федерации и Тульского областного суда» в случаях, когда отмена регистрации осуществляется не в связи с реализацией кандидатом права снять свою кандидатуру или с утратой им пассивного избирательного права, а является мерой ответственности (санкцией) за нарушения избирательного законодательства по основаниям, предусмотренным федеральным законом, соответствующее решение – как требующее исследования обстоятельств и доказывания фактов, которые должны быть положены в его основу, – может быть, по смыслу ст. 3, 32 и 46 Конституции Российской Федерации, принято лишь судом как органом государственной власти, осуществляющим правосудие и компетентным разрешить такой спор по существу.

Исследование обстоятельств и доказывание фактов искажения волеизъявления народа могут происходить с использованием процедуры, установленной ГПК РФ по делам, возникающим из публичных правоотношений, в том числе по делам о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации, но с использованием суда присяжных заседателей.

Так, согласно п. 1.2 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» суд соответствующего уровня, отменив решение комиссии об итогах голосования, о результатах выборов, может принять решение о проведении повторного подсчета голосов избирателей, участников референдума, если при проведении голосования или установлении его итогов, определении результатов выборов были допущены нарушения настоящего федерального закона, причем в случае, если допущенные нарушения не позволяют с достоверностью определить результаты волеизъявления избирателей, участников референдума, суд может признать итоги голосования, результаты выборов недействительными.

Таким образом, суд вправе фиксировать в том числе нарушения федерального закона при проведении голосования или определении его итогов, т.е. устанавливать при проведении названных действий искажение волеизъявления народа, а потому у суда должна быть обязанность при обнаружении такого рода искажений налагать штраф на членов избирательных комиссий.

Так, закон, предоставляя суду право применять такую конституционную меру воздействия на избирательные комиссии, как признание итогов голосования или определение результатов выборов недействительными, неоправданно оставляет в стороне и не затрагивает тех лиц, которые приняли коллегиальные решения, признанные судом незаконными, – конкретных членов избирательных комиссий. Действиям (бездействиям) этих лиц государством в лице суда должна быть дана негативная оценка, причем действие (бездействие) членов избирательной комиссии, повлекшее признание судом итогов голосования или определение результатов выборов недействительными, должно относиться только к тем действиям (бездействиям), которые допустили искажение волеизъявление народа и совершены ими при проведении голосования или установлении его итогов, а также определении результатов выборов.

Считаю, что необходима негативная конституционно-правовая оценка деятельности тех лиц, кто издал незаконные решения, т.е. каждого члена избирательной комиссии.

В связи с чем имеется предложение дополнить ст. 261 «Решение суда по делам о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации и его реализация» частью 1.2 следующего содержания: *«Суд, признав незаконным оспариваемое решение или действие (бездействие) избирательной комиссии, допустившее искажение волеизъявления народа при проведении голосования или установлении его итогов, определении результатов выборов, налагает на каждого члена комиссии штраф в размере 300 000 рублей».*

Указанная мера соизмерима с конституционно установленными целями и ценностями демократии и народного представительства в Конституции РФ, а также с характером совершенного нарушения. Эта мера направлена на защиту Конституции РФ.

В.А. Виноградов предлагает выделить три основания конституционно-правовой ответственности: 1) нормативное; 2) фактическое; 3) процессуальное [5. С. 23].

Считаю, что указанные основания применимы и для мер защиты достоверного волеизъявления народа и только при наличии всех оснований можно говорить о том, что соответствующая защита состоялась.

Таким образом, основаниями наложения штрафа на членов комиссии будут являться следующие. Так, Конституция Российской Федерации устанавливает, что формирование органов народного представительства должно происходить без искажения волеизъявления народа (нормативное основание), в том случае, если члены избирательной комиссии при организации голосования, установлении их итогов и определении результатов выборов, установили итоги голосования или определили результаты выборов, т.е. сформировали органы народного представительства с искажением волеизъявления народа (фактическое основание), то все члены избирательной комиссии подвергаются штрафу, накладываемому на них судом (процессуальное основание).

Когда речь идет о фактическом основании, то следует иметь в виду, что правонарушение членов избирательной комиссии, установивших итоги голосования или определивших результаты выборов с искажением волеизъявления народа, заключается в том, что члены избирательной комиссии при проведении голосования или установлении его итогов, определении результатов выборов недостоверно определили волеизъявление избирателей либо создали условия для недостоверного определения волеизъявления избирателей путем прямого или ошибочного, в том числе технического, искажения волеизъявления народа, при котором волеизъявление неправильно учтено или учтено неверно (например, внесением недостоверных данных в избирательные документы), а также нивелированием волеизъявления избирателей, т.е. избирателей, которые выразили, изъявили свою волю и проголосовали, но волеизъявление которых при этом нивелировано (например, путем вброса бюллетеней, многократным голосованием одним лицом, в том числе и за других лиц и т.п.). При нивелировании волеизъявления избирателей механизм искажения таков, что нарушается принцип «один избиратель – один голос» и не обеспечиваются равные условия участия всех избирателей в выборах, поскольку, например, там, где на избирательных участках произошел вброс бюллетеней, то избиратели этих участков и тех участков, где не было вброса бюллетеней, являются неравноправными. Таким образом, фактическое основание деликта члена избирательной комиссии заключается в том, что его действия (бездействия) при проведении голосования, подведении его итогов и определении результатов выборов не обеспечили необходимое условие адекватности результатов выборов волеизъявлению народа.

Приведенное фактическое основание применения санкций есть та четкая граница, которая проходит между объективно непротивоправным поведением и правонарушением.

При этом необходимо учитывать, что санкция за совершение названного правонарушения применима тогда, когда у членов избирательной комиссии

имелась возможность для соблюдения Конституции РФ, федеральных законов, законов субъектов Федерации и правовых актов органов местного самоуправления, но данными лицами не были предприняты все зависящие от них меры по их соблюдению. Данное положение необходимо, поскольку известны случаи искажения членами избирательных комиссий волеизъявления народа под влиянием насилия или угрозы его применения. Причем в этом случае речь не идет о том, имелась ли у члена избирательной комиссии реальная возможность избежать правонарушения. Следует презюмировать то обстоятельство, что член избирательной комиссии, взявший на себя конституционную обязанность по оказанию содействия в формировании органов народного представительства демократическим путем, тем путем, который предусмотрен Конституцией РФ, а значит, в силу своей значимости вовлеченный в орбиту конституционно-правового регулирования, всегда имеет возможность избежать правонарушения, т.е. избежать искажения волеизъявления народа при проведении голосования, установлении его итогов и определении результатов выборов, но, конечно же, за исключением случаев применения насилия к нему, к его близким или другим членам избирательной комиссии, причем такое насилие или угроза может быть только в период проведения голосования, установления его итогов и определения результатов выборов. Если членом избирательной комиссии, который при воздействии на него насилия или угрозы применения насилия искажил волеизъявление народа, и им немедленно, после прекращения в отношении его таких действий, не заявлено в правоохранительные органы, то в таком случае он не может быть освобожден от применения к нему мер защиты волеизъявления народа от искажения. О такой опасности, как насилие и угрозы при проведении выборов, предупреждал ещё К.П. Победоносцев, он писал: «Наряду с подкупом пускаются в ход насилие и угрозы, организуется выборный террор, посредством которого шайка приводит насильно своего кандидата» [16. С. 35–36]. Ведь нельзя же подвергать человека санкции тогда, когда он, совершая проступок, не обладал свободой воли. Правильно указывает А.И. Рарог, что человек несет полную ответственность за свои проступки только при условии, что он совершил их, обладая свободой воли, понимаемой как способность выбирать линию социально значимого поведения, отдавать отчет своим действиям и руководить ими [17. С. 124].

Таким образом, любое недолжное поведение (противоправное деяние в виде действия или бездействия) члена избирательной комиссии при проведении голосования, установлении его итогов и определении результатов выборов, которое привело (причинная связь между деянием и вредом, причиненным народу, которая может в значительной мере, а то и полностью отсутствовать) к искажению волеизъявления народа (последствия правонарушения в виде причинения вреда народу), должно влечь для указанного лица соответствующую санкцию, т.е. меру защиты волеизъявления народа от искажения.

Литература

1. *Дербишайр Д.* Денис, Дербишайр Ян. Политические системы мира: в 2 т.: пер. с англ. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2004. Т. 1. 494 с.
2. *Хэллоуэлл Джон Х.* Моральные основы демократии: пер. с англ. М.: ППП (Проза. Поэзия. Публицистика), 1993. 144 с.
3. *Российские выборы в контексте международных избирательных стандартов: материалы междунар. конф.* / под ред. А.В. Иванченко и А.Е. Любарева. М.: Аспект Пресс, 2006. 348 с.
4. *Колюшин Е.И.* Выборы и избирательное право в зеркале судебных решений. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 384 с.
5. *Виноградов В.А.* Понятие и особенности конституционно-правовой ответственности: проблемы России, опыт зарубежных стран. М.: Институт права и публичной политики, 2003. 117 с.
6. *Лучин В.О.* Ответственность в механизме реализации Конституции // *Право и жизнь.* 1992. № 1. С. 36–38.
7. *Братусь С.Н.* Юридическая ответственность и законность (очерк теории). М., 1976. 310 с.
8. *Алексеев С.С.* Общая теория права. М., 1981. Т. 1. 360 с.
9. *Антонова Е.Ю.* Концептуальные основы корпоративной (коллективной) уголовной ответственности. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2011. 421 с.
10. *Кондрашев А.А.* Конституционно-правовая ответственность в Российской Федерации: теория и практика. М.: Юристъ, 2006. 345 с.
11. *Гуцев В.Е., Александров А.С.* Народное обвинение в уголовном суде. Н. Новгород: Нижегородский юридический институт МВД РФ, 1998. URL: http://kalinovsky-k.narod.ru/b/aleksandrov_1998/index.html (дата обращения: 13.06.2013).
12. *Колосова Н.М.* Оставьте неприкосновенность депутатам Государственной Думы // *Независимая газета.* 2000. 12 сент.
13. *Лучин В.О.* Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М., 2002. 687 с.
14. *Лучин В.О., Забровская Л.В.* Юридическая природа конституционных деликтов // *Право и гражданское общество в современной России: сб. науч. ст.* М., 2003.
15. *Соединенные Штаты Америки:* Конституция и законодательные акты. М., 1993. 766 с.
16. *Победоносцев К.П.* Великая ложь нашего времени. М.: Русская книга, 1993. 639 с.
17. *Уголовное право России. Общая часть* / под ред. А.И. Рарога. 3-е изд., с изм. и доп. М.: Эксмо, 2009. 496 с.

Kravchenko Oleg A. (Stavropol, Russian Federation).

PRINCIPAL APPROACHES TO THE DETECTION OF MEASURES SECURING THE ASSURANCE OF EXPRESSION OF PEOPLE' WILL.

Key words: measures securing the assurance of expression of people' will, constitutional legal liability.

State and local bodies engaged in the organization of elections and thus making the constitutional concept of democracy real must not be subjected to influence in order to protect the will of people against falsification when the people's representative bodies are formed. The election campaign managers are the participants of constitutional relations and should have some incentives which will not enable them to violate the Constitution of the Russian Federation. Both legal literature and legislation doesn't contain any measures of protection of the will of people against falsification when people's representative bodies are formed. I believe these measures to be necessary for the election campaign managers i.e. members of election commissions. Due to the powers and constitutional tasks conferred on the members of election commissions they have a permit to work with source documents reflecting the will of people and thus have all possibilities to falsify people's will and therefore there should be adequate measures to prevent these falsifications. There are no adequate measures for protection of the will of people against falsification by the members of election commissions.

The author proposes the term "tort of the election commission member" to be used as the basis for measures securing the assurance of expression of people' will. The tort of the election commission member (electoral tort) is an act (or omission) of the election commission member which is inconsistent with proper conduct under the Constitution of the Russian Federation and this results in the falsification of people's will and requires the application of measures securing the assurance of expression of

people' will. The constitutional duties of the election commission members securing the assurance of expression of people's will cannot be properly performed by such acts or omissions. I think that there should be a constitutional legal evaluation of the activity of those people who have issued illegal decisions i.e. of each member of the election commission.

In this connection the author proposes to add Part 1.2 to Article 261 "Court decisions and their realization in cases over protection of electoral rights of the Russian citizens and their rights to participate in referendums". The content of Part 1.2 should be the following: "Having declared the decisions or acts (omissions) of the election commission which falsified the will of people either during voting or when stating its results to be illegal, the court can fine each member of the commission to 300 000 rubles. The above measure is commensurate with the constitutionally established goals and values of democracy and people's representation enshrined in the Constitution of the Russian Federation as well as with the character of the committed violation. This measure is aimed at the protection of the Constitution of the Russian Federation.

REFERENCES

1. *Derbishayr D. Denis, Derbishayr Yan.* Politicheskie sistemy mira: v 2 t.: per. s angl. M.: RI-POL_KLASSIK, 2004. T. 1. 494 s.
2. *Chellouell Dzhon Ch.* Moral'nye osnovy demokratii: per. s angl. M.: PPP (Proza. Poeziya. Publizistika), 1993. 144 s.
3. *Rossiyskie vybory v kontekste mezhdunarodnykh izbiratel'nykh standartov: materialy mezhdunar. konf. / pod red. A.V. Ivanchenko i A.E. Lyubareva.* M.: Aspekt Press, 2006. 348 s.
4. *Kolyushin E.I.* Vybory i izbiratel'noe pravo v zerkale sudebnykh resheniy. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Norma: INFRA-M, 2012. 384 s.
5. *Vinogradov V.A.* Ponyatie i osobennosti konstituzionno-pravovoy otvetstvennosti: problemy Rossii, opyt zarubezhnykh stran. M.: Institut prava i publichnoy politiki, 2003. 117 s.
6. *Luchin V.O.* Otvetstvennost' v mekhanizme realizatsii Konstitutsii // *Pravo i zhizn'*. 1992. № 1. S. 36–38.
7. *Bratus' S.N.* Yuridicheskaya otvetstvennost' i zakonnost' (oчерk teorii). M., 1976. 310 s.
8. *Alekseev S.S.* Obschaya teoriya prava. M., 1981. T. 1. 360 s.
9. *Antonova E.Yu.* Konseptual'nye osnovy korporativnoy (kollektivnoy) ugovnoy otvetstvennosti. SPb.: Yuridicheskiy zentr-Press, 2011. 421 c.
10. *Kondrashev A.A.* Konstituzionno-pravovaya otvetstvennost' v Rossiyskoy Federatsii: teoriya i praktika. M.: Yurist', 2006. 345 s.
11. *Gushev V.E., Aleksandrov A.S.* Narodnoe obvinenie v ugovnom sude. N. Novgorod: Nizhegorodskiy yuridicheskiy institut MVD RF, 1998. URL: http://kalinovsky-k.narod.ru/b/aleksandrov_1998/index.html (data obrascheniya: 13.06.2013).
12. *Kolosova N.M.* Ostav'te neprikosnovennost' deputatam Gosudarstvennoy Dumy // *Nezavisimaya gazeta*. 2000. 12 sent.
13. *Luchin V.O.* Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. Problemy realizatsii. M., 2002. 687 s.
14. *Luchin V.O., Zabrovskaya L.V.* Yuridicheskaya priroda konstituzionnykh deliktov // *Pravo i grazhdanskoe obschestvo v sovremennoy Rossii: sb. nauch. st.* M., 2003.
15. *Soedinennye Shtaty Ameriki: Konstitutsiya i zakonodatel'nye akty.* M., 1993. 766 s.
16. *Pobedonoshev K.P.* Velikaya lozh' nashego vremeni. M.: Russkaya kniga, 1993. 639 s.
17. *Ugovnoe pravo Rossii. Obschaya chast' / pod red. A.I. Raroga.* 3-e izd., s izm. i dop. M.: Eksmo, 2009. 496 s.

УДК 343.137.2

Ю.В. Кувалдина

СОКРАЩЕННОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА (ГЛ. 32.1 УПК)¹

Статья посвящена процедуре сокращенного дознания (гл. 32.1 УПК). На основе сравнительно-правового анализа новой процедуры с ее историческим прототипом – протокольной формой досудебной подготовки материалов – автор исследует круг дел, по которым применяются производства, их сроки, процессуальный статус участников, особенности предмета и процесса доказывания, организации и структуры процедур, и делает вывод об их процессуальной природе.

Ключевые слова: сокращенное дознание, протокольная форма досудебной подготовки материалов.

Федеральным законом № 23-ФЗ от 4 марта 2013 г. для разрешения определенных категорий уголовных дел введена еще одна упрощенная уголовно-процессуальная форма – сокращенное дознание (гл. 32.1 УПК РФ). Вместе с тем это не первая и не абсолютно новая из отечественных процедур, которая влечет упрощение и ускорение досудебного производства по делу².

Наиболее близкой по своей сущности к процедуре сокращенного дознания является протокольная форма досудебной подготовки материалов, которая была введена Указом Верховного Совета РСФСР от 24.01.1985 г., просуществовала около 20 лет и была отменена Федеральным законом № 177-ФЗ от 18.12.2001. Основываясь на сравнительно-правовом анализе дознания в сокращенной форме и советской процедуры, попробуем ответить на вопрос: что положительно нового законодателю удалось привнести в развитие идеи упрощения досудебного производства введением дознания в сокращенной форме?

Сразу отметим, что мы не сторонники обеих процедур. Отдаем себе отчет в том, что внедрение сокращенного дознания вовсе не является результатом включения России в общемировую практику реализации идеи дифференциации уголовно-процессуальной формы, направленной на действительное обеспечение права на свободный доступ к справедливому и скорому правосудию, а скорее свидетельствует о подчинении законодателя и практиков изменчивой политической воле и нестабильной экономической ситуации. Однако то обстоятельство, что уже сегодня сокращенное дознание применяется на практике, а нормативная конструкция процедуры наводит на мысль о том, что объемы ее использования в кратчайшие сроки будут сопоставимы с применением особого порядка судебного разбирательства, предусмотренного гл. 40 УПК³, вынуждает обратиться к вопросу об эффективности предложен-

¹ Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ (грант № 13-13-63003).

² Например, ст. 49 УУС 1864 г., ст. 105 УПК РСФСР 1923 г., ст. 25, 28, 28.1 УПК РФ и т.д.

³ В 2012 г. федеральными районными судами в особом порядке судебного разбирательства, предусмотренном гл. 40 УПК, было рассмотрено 301,3 тыс. уголовных дел, или 61,9 %; судами областно-

ной законодателем модели. Повышение эффективности уголовного судопроизводства – единственная цель, для достижения которой допустимо упрощать уголовное судопроизводство. Уголовный процесс может считаться эффективным, если его цели и задачи достигаются с наименьшим ущербом для различных социальных ценностей, права участников обеспечены гарантиями, учтены интересы каждого из них в процессе. В соответствии с действующим УПК целью уголовного процесса признается разрешение уголовно-правового конфликта; задачами – защита прав лиц, потерпевших от преступления, а также личности от незаконного или необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод; средством их достижения – справедливая состязательная процедура, соответствующая по процессуальным, временным и материальным затратам фактической и юридической сложности дела.

1. О круге дел. Протокольная форма досудебной подготовки материалов применялась не по всем делам, подследственным органам дознания (от 16 – в момент введения до 50 составов преступлений впоследствии). Изъятие дел о некоторых преступлениях (вымогательство, умышленное причинение средней тяжести вреда и др.) из круга тех, по которым возможна подготовка материалов в протокольной форме, было обусловлено потребностью проведения по ним значительного объема следственных действий и увеличением в связи с этим временных затрат. Это же обстоятельство послужило и причиной продления первоначально установленного УПК РФ срока дознания – с 15 дней (ст. 223 в редакции Федерального закона № 177-ФЗ от 18.12. 2001) до 20 дней (ст. 223 в редакции Федерального закона от 04.07.2003 № 92-ФЗ), а затем до 30, 60 дней и 6 месяцев (ст. 223 УПК РФ в действующей редакции). Сокращенное дознание распространяется на все дела, подследственные органам дознания (более 300 составов преступлений). Однако 15-дневного срока дознания в сокращенной форме (ст.226.6) с учетом возможности его продления до 20 дней (ст. 226.7) также недостаточно, например, для получения результатов экспертизы, даже если повод и основание для возбуждения уголовного дела будут проверяться 30 дней, а экспертиза назначена до возбуждения дела, как это допускает нынешняя редакция ст. 144 УПК.

На наш взгляд, в форме сокращенного дознания должны расследоваться лишь специально, точно отобранные уголовные дела. При этом нужно руководствоваться как минимум тремя критериями: 1) категория преступления. Отбирать дела для расследования в форме сокращенного дознания следует только из дел о преступлениях небольшой и средней тяжести; 2) совершение преступления в условиях очевидности, т.е. когда лицо, его совершившее, известно (явка с повинной, задержание с поличным и др.); 3) несложность доказывания. Отказ от традиционной формы расследования допустим лишь в условиях ясности и бесспорности всех обстоятельств совершенного преступления, установленных при активном содействии подозреваемого, обвиняемого расследованию, в том числе путем дачи полных и правдивых показаний.

го звена – 807 уголовных дел, что в 2,5 раза больше, чем 2011 г.; мировыми судьями – 270 тыс. уголовных дел, или 63,5 %. См.: Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2012 году (<http://www.cdep.ru/index.php?id=80&item=1911>).

Поэтому решение советского законодателя о том, какие дела могут быть подготовлены в протокольной форме путем перечисления их в ст. 414 УПК РСФСР, представляется более логичным.

2. О сроках. Досудебная подготовка материалов в протокольной форме ограничена 10-дневным сроком с момента поступления сообщения о преступлении. Возможность продления этого срока УПК РСФСР не предусматривалась. Для назначения судебного заседания согласно ст. 419 УПК РСФСР установлен сокращенный срок – не позднее 10 дней (в редакции Закона РФ от 29.05.1992 № 2869-1 – 14 дней) с момента поступления материалов, подготовленных в протокольной форме, в суд, а сам срок рассмотрения дела в суде не ограничен.

Для дознания в сокращенной форме установлен 15-дневный срок, который исчисляется со дня вынесения постановления об этом до направления материалов дела с обвинительным постановлением прокурору. Вместе с тем сокращенному дознанию предшествует ряд связанных с ним процессуальных действий. Во-первых, постановление о производстве дознания в сокращенной форме дознаватель выносит в течение 24 часов с момента поступления ходатайства от подозреваемого, которое последний вправе заявить в течение 2 суток со дня, когда ему было разъяснено такое право (чч. 2, 3 ст. 226.4). Право заявить ходатайство должно быть разъяснено подозреваемому до первого допроса (ч. 1 ст. 226.4). Поскольку при допросе подозреваемого обязательно должен присутствовать защитник, на обеспечение участия его дознавателю потребуется еще как минимум 24 часа. С учетом этих процессуальных действий процедура продлевается до 19 дней. Кроме того, сокращенному может предшествовать обычное дознание, поскольку дознаватель самостоятельно решает, когда ему допросить подозреваемого – в начале или ближе к окончанию обычного дознания.

Во-вторых, срок сокращенного дознания может быть продлен прокурором еще на 5 дней (всего до 20 дней) в случаях, предусмотренных ч. 9 ст. 226.7 УПК РФ.

В-третьих, производству дознания в сокращенной форме предшествует стадия возбуждения уголовного дела, продолжительность которой может составлять от 3 до 30 суток (чч. 1–3 ст. 144 УПК). Однако имеются два обстоятельства, которые позволяют предположить, что при наличии предпосылок для проведения сокращенного дознания срок проверки сообщения о преступлении будет максимальным. Это – расширение круга процессуальных проверочных действий (чч. 1, 1.1 ст. 144), с одной стороны, и упрощение доказывания по делам, расследуемым в форме сокращенного дознания (ст. 226.5), – с другой.

В-четвертых, досудебное производство при использовании сокращенной формы дознания может оказаться более продолжительным, если обнаружатся предусмотренные нормами гл. 32.1 УПК основания перехода из сокращенной формы дознания в обычную на любой стадии уголовного процесса. Безусловно, такой механизм необходим, но основания для перехода должны быть четко продуманы, чего не скажешь о части из тех, которые предложены законодателем (ч. 2 ст. 226.2, ст. 226.7, 226.8, 226.9 УПК). Например, дознаватель принимает решение о переходе с сокращенного дознания в обычное, если до

передачи дела прокурору с обвинительным постановлением будут установлены обстоятельства, исключающие возможность производства сокращенного дознания (ч. 2 ст. 226.2). Судя по условиям, при наличии которых дознание может быть произведено в сокращенном порядке, и обстоятельствам, исключающим возможность использования этой процедуры, такие ситуации не редки. Однако избежать их могло бы правильное установление последовательности производства процессуальных действий, регламентирующих порядок заявления подозреваемым ходатайства о производстве сокращенного дознания и рассмотрения его дознавателем. На момент возбуждения уголовного дела могут быть уже известны такие условия для производства дознания в сокращенной форме, как возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица; возбуждение уголовного дела по признакам преступления, подследственного органам дознания; подозреваемый не является несовершеннолетним и лицом, указанным в ст. 447 УПК. Остальные условия – отсутствие возражения потерпевшего против производства дознания в сокращенной форме, признание подозреваемым своей вины, его согласие с характером и размером вреда, причиненного преступлением, правовой оценкой деяния, данной в постановлении о возбуждении уголовного дела; владение подозреваемым языком судопроизводства – возможно установить лишь в ходе допроса потерпевшего и подозреваемого. В этой связи считаем, что допросы указанных лиц необходимо признать обязательными для процедуры сокращенного дознания следственным действиями, а дознавателя следует обязать разъяснять подозреваемому право заявить ходатайство о производстве сокращенного дознания на его допросе, который должен быть произведен сразу же, как выяснится наличие условий, предусмотренных п. 1 ч. 2 ст. 226.1, пп. 1, 3, 4, 6 ст. 226.2 УПК.

Такое основание перехода, как невозможность ознакомления сторон с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела в течение 3 суток с момента составления обвинительного постановления (ч. 5 ст. 226.7), также представляется нерациональным. Оно лишает подозреваемого права на особый порядок судебного разбирательства и смягчение наказания до пределов, установленных ч. 6 ст. 226.9 УПК, вследствие ненужного увеличения срока предварительного расследования. Переход в обычное дознание по этому основанию осуществляется лишь для того, чтобы ознакомить стороны с материалами дела и составить обвинительный акт, в основу которого, однако, будет положен «облегченный набор доказательств» [1. С. 27], доставшийся от сокращенного дознания.

Необоснованным, на наш взгляд, является переход в обычную форму дознания и в случае возражения потерпевшего против сокращенной процедуры. Потерпевшему должно быть предоставлено право высказать свое мнение по ходатайству подозреваемого о применении сокращенной процедуры судопроизводства. Поэтому при наличии предпосылок для этого дознаватель обязан разъяснить потерпевшему особенности и последствия сокращенного дознания и особого порядка судебного разбирательства, а также выяснить его мнение до передачи дела в суд. Отраженное в материалах дела мнение потерпевшего должно учитываться судом и при неявке его в судебное заседание. В случае участия потерпевшего в судебном заседании ему должна быть предос-

тавлена возможность довести до суда свою позицию по существу рассматриваемых вопросов, в том числе возражать против продолжения производства по делу в особом порядке. Однако мнение потерпевшего при решении вопроса о производстве по делу в форме сокращенного судопроизводства не должно быть определяющим, а сама форма никак не ущемляет его права. Кроме того, потерпевшему предоставлено право заявлять ходатайства о производстве следственных и иных процессуальных действий, необходимость в которых – наиболее вероятная причина, по которой потерпевший может возражать против сокращенного дознания. Однако пробел, имеющийся в нормах пп. 2, 3 ч. 6 ст. 226.7 УПК, должен быть устранен. Так, право заявлять ходатайства о производстве следственных и иных процессуальных действий, направленных на получение новых доказательств и проверку уже собранных, предоставлено потерпевшему только при ознакомлении с материалами дела. Но ознакомление с материалами дела – это право потерпевшего, которым он может и не воспользоваться. Считаем, что возможность заявлять такие ходатайства должна быть предоставлена потерпевшему в любое время производства сокращенного дознания. В то же время потерпевший и преимуществ никаких от сокращенной формы судопроизводства не получает. Поэтому следовало бы предусмотреть в качестве обязательного условия производства по делу по правилам, приведенным гл. 32.1 УПК, возмещение вреда, причиненного потерпевшему преступлением.

Основанием для направления дела прокурором для производства дознания в общем порядке является установление существенных нарушений требований УПК при производстве по уголовному делу, повлекших ущемление прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Представляется, что такие нарушения могут быть устранены другими процессуальными средствами – обращением участников процесса с жалобой в порядке, предусмотренном гл. 16 УПК, осуществлением прокурором его надзорных полномочий, в том числе по признанию недопустимыми доказательств, полученных с нарушением закона.

Наконец, постановление о назначении судебного заседания по делу, расследованному в форме сокращенного дознания, принимается и судебное заседание начинается в общие сроки, установленные УПК РФ.

С учетом изложенного можно заключить, что российская сокращенная процедура по срокам практически не уступает обычному 30-дневному дознанию и является более продолжительной (до 30 дней стадия возбуждения уголовного дела + до 24 дней стадия предварительного расследования + 3 дня утверждение обвинительного постановления прокурором + до 44 дней стадия подготовки уголовного дела к судебному заседанию), чем протокольная форма досудебной подготовки материалов (10 дней досудебное производство + 5 дней санкционирование протокола прокурором + 10 дней до начала судебного заседания).

Таким образом, утилитарная цель – упрощение и ускорение уголовного судопроизводства – скорее будет достигнута в советской процедуре, но не в российской. Тогда возникает другой вопрос: с какой целью в действительности введена процедура сокращенного дознания?

3. О процессуальном статусе участников. Лицо, в отношении которого проводилась досудебная проверка в протокольной форме, не находилось в статусе подозреваемого, поскольку дело не возбуждалось. Оно именовалось правонарушителем и никаких процессуальных прав не имело. Права, о которых говорилось в ст. 415 УПК РСФСР, – на разъяснение сущности обвинения, ознакомление с материалами дела, заявление ходатайств, обжалование действий органа дознания, а также права на защиту появлялись у лица по окончании подготовки материалов дела в протокольной форме, после того как оно становилось лицом, в отношении которого возбуждено уголовное дело, а фактически обвиняемым.

В российской процедуре лицо имеет статус подозреваемого, а соответственно, и весь объем процессуальных прав, закрепленных ст. 46 УПК. Вместе с тем никаких дополнительных прав у подозреваемого в связи с производством сокращенного дознания не возникает. Кроме того, недостаточны и гарантии от принуждения к признанию вины и незаконному осуждению. По сути, их две – запрет на проведение дознания в сокращенной форме в отношении несовершеннолетних; лиц, не владеющих языком судопроизводства, лиц, в отношении которых имеется основание для применения принудительных мер медицинского характера; лиц, обладающих служебным иммунитетом, и возможность перехода в обычное дознание по ходатайству подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, а также по решению прокурора или суда в случае самооговора.

Кроме того, законодатель ввел такую процессуальную фигуру, как лицо, участвующее в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, закрепив за ним права на свидетельский иммунитет, квалифицированную юридическую помощь, обжалование действий (бездействия) и решений органов уголовного преследования, принятие в отношении его мер безопасности (п. 1.1 ст. 144). Вместе с тем ничего нового в регулирование положения таких лиц в стадии возбуждения уголовного дела законодатель не внес. Все эти права гарантированы Конституцией РФ, УПК РФ и соответствующими решениями Конституционного Суда РФ¹. Законодатель говорит, что такое лицо имеет и другие права, предусмотренные кодексом, однако не указывает те его статьи, в которых они закреплены, равно как ничего не говорит об обязанностях и ответственности такого лица. Очевидно, обязанностей у таких лиц никаких нет, поскольку процессуальные обязанности и ответственность за их невыполнение появляются только после возбуждения уголовного дела.

В то же время в стадии судебного разбирательства, поскольку никаких особых правил ее производства по делу, по которому досудебное производство осуществлялось в протокольной форме, не устанавливается, подсудимый обладал всеми правами в соответствии с общим условием процессуального равенства сторон, в том числе на представление и исследование доказательств, дачу показаний. Ходатайствуя о производстве дознания в сокращен-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова», ст. 51 Конституции РФ, п. 40 ст. 5, ст. 123–127 УПК РФ.

ной форме, подозреваемый автоматически соглашается на особый порядок судебного разбирательства, который лишает его права на полноценное рассмотрение вопроса о его виновности в суде, обжалование приговора по мотиву необоснованности, ограничивает право на участие в исследовании доказательств только теми доказательствами, которые содержатся в обвинительном постановлении.

4. О предмете доказывания. Согласно ст. 226.5 УПК РФ доказывание по делам, расследуемым в форме сокращенного дознания, осуществляется в объеме, необходимом для установления события преступления, виновности лица, характера и размера вреда, причиненного преступлением. Полагаем, что обстоятельства, предусмотренные ст. 73 УПК, должны быть доказаны по любому уголовному делу. Соблюдение этого правила приобретает особое значение в новой процедуре, в частности для установления условий ее применения. Другое дело, что круг обстоятельств, определенный ст. 73 УПК, несовершенен и данный факт не был учтен законодателем при формулировании предмета доказывания по делам, расследуемым в форме сокращенного дознания. Так, для установления условия, предусмотренного п. 1, ч. 2 ст. 226.1, обстоятельств, перечисленных в пп. 1, 3–5 ч. 1 ст. 226.2 УПК, необходимо установить наличие деяния и субъекта преступления, обстоятельств, указанных в п. 2 ч. 1 ст. 226.2, – данных, характеризующих личность. Пренебрежительное отношение законодателя к установлению обстоятельств, характеризующих личность подозреваемого, при производстве сокращенного дознания не поддается логическому объяснению. Отчасти этот пробел может быть восполнен в судебном заседании. Так, судья вправе приобщить к уголовному делу и учесть при определении меры наказания надлежащим образом оформленные документы, содержащие дополнительные данные о личности подсудимого, в том числе о наличии у него иждивенцев, а также иные данные, которые могут быть учтены в качестве обстоятельств, смягчающих наказание (ст. 226.9 УПК).

На наш взгляд, хотя предмет доказывания по делам, по которым досудебное производство осуществляется в протокольной форме, тоже является усеченным, чч. 1 и 2 ст. 415 УПК РСФСР во взаимосвязи более точно и полно определяют его. В частности, установлению подлежат: наличие преступления; его обстоятельства, к которым относятся место, время, способ совершения преступления, последствия; наличие потерпевшего, характер и размер причиненного ему ущерба и иные существенные обстоятельства; личность правонарушителя, его виновность, мотивы; обстоятельства, характеризующие личность правонарушителя.

5. Об особенностях процессуальной формы. Обе конструкции характеризуются изъятием отдельных этапов судопроизводства, процессуальных институтов, принципов уголовного процесса и общих условий стадий. Такие изъятия проявляются в следующем:

а) досудебное производство. Производство, урегулированное гл. 34 УПК РСФСР, не предусматривало ни стадии возбуждения уголовного дела, ни стадии предварительного расследования. Подготовка материалов осуществлялась традиционными для проверки сообщения о преступлении способами – получение объяснений от правонарушителя, очевидцев, иных лиц, истребо-

вание материалов. Обычные для двух первых стадий уголовного процесса решения заменены протоколом, в котором содержались сведения обо всех значимых для возбуждения дела и привлечения в качестве обвиняемого обстоятельствах преступления, а также формулировалось обвинение¹.

Применению процедуры, предусмотренной гл. 32.1 УПК РФ, предшествует стадия возбуждения уголовного дела, которая осуществляется в общем порядке. При этом перечень процессуальных действий, в том числе следственных, которые может осуществлять дознаватель для проверки сообщения о преступлении, стал значительно шире. Так, к исследованию предметов, трупов, документов, проведению документальных ревизий и проверок, привлечению специалистов к участию в них, даче поручений о производстве оперативно-розыскных мероприятий органу дознания добавились получение объяснений, истребование предметов и документов, их изъятие, получение образцов для сравнительного исследования. В стадии возбуждения уголовного дела также теперь могут быть произведены, кроме осмотра места происшествия, осмотра трупа, освидетельствования, такие следственные действия, как осмотр предметов и документов, назначение экспертизы, участие в ее производстве и получение заключения в разумные сроки (ч. 1 ст. 144 в редакции Федерального закона № 23 от 04.03.2013).

Одновременно законодатель освободил дознавателя от обязанности собирать доказательства после возбуждения уголовного дела, если событие преступления, виновность подозреваемого, характер и размер вреда, причиненного преступлением, установлены средствами доследственной проверки. Согласно ст. 226.5 дознаватель обязан произвести только те следственные и иные процессуальные действия, непроведение которых может повлечь за собой невозможную утрату следов преступления или иных доказательств. С учетом конкретных обстоятельств дела дознаватель вправе не проверять доказательства, если они не были оспорены сторонами, не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения, не назначать судебную экспертизу, если до возбуждения уголовного дела получено заключение специалиста, не производить иные следственные и процессуальные действия, направленные на установление фактических обстоятельств, сведения о которых содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, если такие сведения отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ.

Замена следственных действий их менее надежными аналогами приведет к тому, что из доказательств в их традиционном понимании в основу обвинения будут положены лишь признательные показания подозреваемого, подкрепленные данными, полученными до возбуждения уголовного дела, без соблюдения правил, предъявляемых УПК к производству следственных действий, но которым в новой процедуре придается значение полноценных доказательств. Это повышает вероятность нарушений законности при производ-

¹ В первоначальной редакции определение о возбуждении уголовного дела на основании протокола об обстоятельствах совершенного преступления выносил суд. Однако Постановлением Конституционного суда РФ от 28.11.1996. № 19-П ст. 418 УПК РСФСР в части полномочий суда по возбуждению дела и формулированию обвинения признана не соответствующей Конституции РФ. Эти полномочия переданы начальнику органа дознания.

стве сокращенного дознания, злоупотреблений стороны обвинения при получении признания вины. В этой связи применительно к процедуре сокращенного дознания следовало бы продублировать положение ч. 2 ст. 77 УПК, указав, что «производство по делу в форме сокращенного дознания возможно только при наличии достаточных доказательств, дающих основания для подозрения против конкретного лица» [2. С. 14]. В свою очередь простота способов получения доказательств в этой процедуре может оказаться заманчивой для их применения при производстве обычного дознания и предварительного следствия. Тем более что положения о расширении круга доследственных проверочных действий и возможности использования полученных в ходе проверки сообщения о преступлении сведений в качестве доказательств закреплены в ст. 144 УПК, которая регулирует общий порядок возбуждения дел, подследственных и органам дознания, и органам следствия;

б) судебное производство. Стадии предания суду и судебного разбирательства по делу, по которому подготовка осуществлялась в протокольной форме, проводились в общем порядке. Это означало, что в судебном заседании материалы, полученные в ходе досудебной подготовки, непосредственно исследовались судом, т.е. проходили процедуру легализации в качестве доказательств. Судья исследовал материалы, представленные органом дознания, в полном объеме, мог по своей инициативе истребовать доказательства, а в случае необходимости выяснения дополнительных существенных обстоятельств, которые не могли быть установлены в судебном заседании, направить дело для производства дополнительного расследования.

Глава 32.1 УПК РФ закрепляет, что уголовное дело, расследование по которому осуществлялось в форме сокращенного дознания, рассматривается судом в особом порядке (ст. 226.9). Вместе с тем законодатель противоречив в решении вопроса о пределах такого особого порядка. Если исходить из положений ст. 316 УПК, то судебное следствие в особом порядке судебного разбирательства отсутствует совсем. Могут быть исследованы лишь обстоятельства, характеризующие личность подсудимого. Если же руководствоваться ч. 2 ст. 226.9 УПК, то судебное следствие проводится в усеченном виде – исследуются и оцениваются те доказательства, которые указаны в обвинительном постановлении, а также дополнительные данные о личности подсудимого, содержащиеся в надлежащем образом представленных документах. Данное нормативное положение неоднозначно было воспринято практикой. Так, Моздокским районным судом Республики Северная Осетия-Алания по уголовному делу № 1-128/13, возбужденному в отношении Иванова И.Н. по ч. 1 ст. 228 УК РФ, 11 июня 2013 г. вынесен обвинительный приговор в особом порядке судебного разбирательства¹. В приговоре суд указал следующее: «Обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно, подтверждается доказательствами, указанными в обвинительном постановлении, которые, в свою очередь, суд оценивает как последовательные, логичные и согласующиеся между собой, устанавливающие одни и те же факты, полностью изобличающие подсудимого в совершении преступления, и, соответ-

¹См.: Решения судов РФ / Арбитражные суды и Суды общей юрисдикции // [sudact.ru/ regular/ doc/u4LfuvkocbW/](http://sudact.ru/regular/doc/u4LfuvkocbW/)

венно, признает их достоверными, правдивыми и достаточными для разрешения уголовного дела». Анализ и оценка доказательств, собранных по результатам расследования в сокращенной форме, в приговоре судом не приводятся. Дигорским районным судом Республики Северная Осетия-Алания в отношении подсудимого Олисаева М.Б. по ч. 1 ст. 222 УК РФ был постановлен обвинительный приговор, в котором суд привел и оценил исследованные в судебном заседании доказательства, изложенные в обвинительном постановлении: протокол допроса подозреваемого, протокол допроса свидетеля, объяснения очевидцев, справка эксперта, протокол о признании вещественными доказательствами, протокол обследования домовладения¹.

Положения ч. 2 ст. 326.9 УПК РФ с учетом положений ч. 7 ст. 316 УПК, закрепляющих, что обвинительный приговор судья постановляет лишь тогда, когда убедится в обоснованности обвинения и подтверждении его доказательствами, собранными по делу, следует оценить положительно. Однако нельзя признать правильным установленное этой же частью ст. 226.9 ограничение самостоятельности суда в исследовании доказательств только теми, которые изложены в обвинительном постановлении, т.е. усмотрением дознавателя. Представляется, что суд должен иметь возможность исследовать все доказательства, которые есть в материалах дела, дознание по которому осуществлялось в сокращенной форме.

Сокращение предмета доказывания в процедуре сокращенного дознания, имеющее своим следствием изменения в организации и структуре процесса, позволяет сделать несколько выводов о сущности рассматриваемых процедур. При всех недостатках, связанных с невозможностью обеспечения в этой процедуре надлежащего уровня защиты прав личности в уголовном процессе, нужно отметить большую логичность в определении природы и построении этой процедуры. Во-первых, протокольная форма досудебной подготовки материалов является отдельной, самостоятельной процедурой, альтернативой обычному досудебному производству по делу. Конструкция протокольной формы вполне сравнима со многими упрощенными процедурами, которые применяются в государствах как англо-американской, так и романо-германской правовых систем. Упрощение досудебного производства в зарубежных странах достигается за счет осуществления полицией минимальных процессуальных действий по подготовке материалов для судебного разбирательства и постановления приговора (разрешение дел об уголовных проступках и деликтах полицейскими трибуналами во Франции, приказ о наказании по малозначительным преступлениям в Германии, суммарное производство в Англии и США и т.д.). Во-вторых, протокольная форма досудебной подготовки материалов – деятельность, хотя и процессуальная, но имеющая в большей степени сходство с полицейским дознанием во Франции и США. Поскольку дело не возбуждалось, следственные действия, за исключением осмотра места происшествия, не производились и меры пресечения не применялись. Если же возникала необходимость в том или другом, досудебное производство далее осуществлялось в форме предварительного следствия

¹См.: Решения судов РФ/ Арбитражные суды и Суды общей юрисдикции // [sudact.ru/ regular/ doc/ T502VLIQBCWO/](http://sudact.ru/regular/doc/T502VLIQBCWO/)

или дознания по общим правилам, установленным УПК РСФСР. В-третьих, упрощение и ускорение досудебного производства в советской процедуре компенсируется производством судебного разбирательства в обычной форме, в котором материалы, полученные средствами доследственной проверки, суд принимает в качестве доказательств только после их исследования с соблюдением правил о непосредственности и устности судебного заседания.

Идею упрощения уголовного процесса законодатель реализовал не путем создания новой автономной досудебной процедуры. Сокращенное дознание, которое он создал, – это одна из форм стадии предварительного расследования или разновидность дознания. А поскольку это так, мы ждем от процедуры традиционно присущих стадии предварительного расследования институтов, лишь за некоторыми изъятиями. Вместо этого получаем производство, в котором нет ни предварительного расследования, ни судебного разбирательства. Есть лишь доследственная проверка, материалы которой без проверки принимаются сначала органом дознания, а затем судом в качестве доказательств. Таким образом, мы не только не устранили выделенный в Концепции судебной реформы, утвержденной Постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г., порок уголовной юстиции как использование административных процедур, особенно в стадии возбуждения уголовного дела, смешение процессуальной и непроцессуальной деятельности, но еще больше усугубили проблему. Теперь два этапа производства по делу – возбуждение дела и предварительное расследование – слиты в один. Постановление о возбуждении уголовного дела уже не выполняет своего предназначения – акта, после вынесения которого материалы, полученные в ходе проверки сообщения о преступлении, оформляются следственным путем в качестве доказательств. Не вписывается новая процедура и ни в один известный исторический тип досудебного производства. Если бы в данной форме обеспечивался надлежащий судебный контроль, можно было бы сказать, что она тяготеет к немецкому типу. Однако строгого судебного контроля здесь не обеспечивается. Поскольку сокращенное судопроизводство, предусмотренное гл. 32.1 УПК, связано со смягчением наказания в обмен на признание вины, можно говорить о его близости к англо-американскому типу судопроизводства. Не стало сокращенное дознание и усовершенствованной, насыщенной ставшими доступными благодаря судебной реформе процессуальными гарантиями протокольной формой досудебной подготовки материалов.

Таким образом, законодатель предложил конструкцию не упрощенную, а граничащую с процессуальным упрощенчеством. Мы разделяем точку зрения тех авторов, которые считают недопустимым одновременное упрощение досудебного и судебного производства [3. С. 14]. Даже в процедурах, предусмотренных гл. 40 и 40.1 УПК, упрощенное судебное разбирательство компенсируется сохранением стадии предварительного расследования в полном объеме. В этих производствах судья хотя бы по письменным материалам дела оценивает соблюдение органами уголовного преследования формы собирания и закрепления доказательств и на этой основе делает вывод об обоснованности обвинения допустимыми доказательствами. На наш взгляд, единственным средством обеспечения жизнеспособности новой процедуры является введение обычного судебного разбирательства по делам, по которым дозна-

ние осуществлялось в сокращенной форме. В этом случае досудебное производство можно было бы максимально сократить и упростить, вплоть до того, что возложить на органы дознания обязанность собрать лишь самые общие сведения о пострадавшем, лице, совершившем преступление, очевидцах и передать эти сведения в суд. А суд в судебном заседании, построенном на началах справедливости, гласности, равноправия сторон и непосредственности, уже проверит относимость, достоверность и допустимость их использования в качестве доказательств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирнов А.В. Дознание в сокращенной форме: еще раз о духе законов // Уголовный процесс. 2013. № 6. С. 22–31.
2. Александров А.С., Лапатников М.В. Сокращенное дознание: новеллы УПК РФ и сложности их применения // Уголовный процесс. 2013. № 4. С. 12–19.
3. Лазарева В.А. Негативные последствия грядущих изменений в процедуре дознания // Уголовный процесс. 2012. № 8. С. 10–17.

Kuvaldina Yulia V. Samara State University (Samara, Russian Federation).

REDUCED LEGAL PROCEEDINGS: YESTERDAY, TODAY AND TOMORROW (CHAPTER 32.1 OF THE CRIMINAL PROCEDURAL CODE).

Key words: reduced investigation, protocol form of the pretrial preparation of materials.

The goal of the present research is the definition of the nature of a reduced investigation procedure (Chapter 32.1 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation) introduced by the Federal Law 4.03.2013, № 23-FL. The tasks of the research are: ascertainment of the range of cases where such a proceeding can be used, its objective time limits, peculiarities of the position of a person involved in this procedure, its structure, specificity of the subject, means and ways of proof. The principal method used is a comparative-legal one. The problems connected with the application of the procedure of reduced investigation are examined through the prism of its comparative- legal analysis with its historical prototype- a protocol form of the pretrial preparation of materials (Chapter 32.1 of the Criminal Procedural Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic).

Results of the research showed that legislators once again demonstrated misunderstanding of the goal of introduction of such procedures. They concentrated on acceleration and simplification of investigation. But these are only the consequences of the procedure while its aims - protection of individual rights and resolution of criminal legal conflicts on the basis of a compromise- remain unattainable.

The author comes to the conclusion about the necessity to: 1) conduct usual trials in cases investigated in the reduced form; 2) select cases for the procedure of a reduced investigation. Obvious crimes of little or medium gravity and crimes simple for investigation can be referred to this group; 3) make additional warranties for taking testimony from suspects; 4) return to the usual subject of proof if only to establish conditions necessary for the procedure; 5) include such elements of the process of proof as collection and verification of evidence and transfer of proof as a whole to the stage of institution of a criminal case.

In the course of the above procedure interrogating officers are not obliged to collect evidence and check the materials which they got before the institution of a case. Neither prosecutors nor courts verify evidence under this procedure. The verdict of guilty is passed without investigation and trial if the accused pleads guilty of a crime.

Thus, the procedure of a reduced investigation as it is determined in Chapter 32.1 of the Criminal Procedural Code cannot increase the effectiveness of hearing of criminal cases and needs some improvement.

REFERENCES

1. Smirnov A.V. Doznanie v sokraschennoy forme: esche raz o duche zakonov // Ugolovnyy pro-zess. 2013. № 6. S. 22–31.
2. Aleksandrov A.S., Lapatnikov M.V. Sokraschennoe doznanie: novelly UPK RF i slozhno-sti ich primeneniya // Ugolovnyy prozess. 2013. № 4. S. 12–19.
3. Lazareva V.A. Negativnye posledstviya gryaduschich izmeneniy v prozedure doznaniya // Ugolovnyy prozess. 2012. № 8. S. 10–17.

УДК 343.9

К.Ю. Логинова

МОТИВЫ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Статья посвящена изучению мотивов имущественных преступлений несовершеннолетних. Раскрывается содержание и смысловое наполнение мотивов имущественных преступлений в зависимости от потребностей, лежащих в основе мотивации преступления, возраста совершившего преступление несовершеннолетнего, его пола, механизма зарождения мотива, определенного вида преступного посягательства. Проводится сравнение полученных результатов с данными криминологических публикаций прошлых лет.

Ключевые слова: несовершеннолетний, мотив, имущественное преступление, корыстная цель, потребность.

Интерес криминологов к проблеме мотивов преступлений несовершеннолетних не ослабевал ни в советский период, не ослабевает он и в настоящее время. И это не случайно. Как известно, мотив является детерминантой преступления, опредмечивающей потребности личности и стимулирующей ее криминальное поведение [1. С. 52–53]. Мотив преступления как внутреннее субъективное побуждение к действию определяется преимущественно образом жизни и воспитания несовершеннолетнего, нравственными, правовыми ценностями, стереотипами, господствующими в обществе и воспринятыми подростками. Соответственно, в мотивах преступлений несовершеннолетних раскрываются присущие им свойства и качества, выражается их отношение к основным социальным ценностям общества.

Имущественные преступления (преступления против собственности) в структуре преступности несовершеннолетних традиционно составляли и составляют основной массив. Как показало изучение уголовных дел¹, имущественные преступления несовершеннолетними совершались с целью завладеть чужим имуществом и обратить его в свою пользу, распорядиться им по своему усмотрению, т.е. с корыстной целью. Мотивы же этих преступлений различались. Они имели свое «уникальное» содержание и смысловое наполнение в зависимости от тех конкретных потребностей и интересов, которые в итоге и формировали мотив преступления.

Как показало исследование, среди мотивов имущественных преступлений несовершеннолетних преобладающими были мотивы (68 %), представляющие собой побуждение к совершению имущественного преступления для удовлетворения личных материальных потребностей и интересов за счет других лиц (корыстный мотив). Этот мотив не был связан со стремлением к накопительству, стяжательству как к таковым, он имел утилитарный характер. По таким мотивам было совершено подавляющее большинство преступлений

¹ Было исследовано 430 уголовных дел о преступлениях против собственности, совершенных несовершеннолетними, рассмотренных судами Кемеровской области в 2004–2012 гг.

против собственности (68 %), в том числе 52 % краж, 75 % грабежей, 51 % разбоев, 54 % вымогательств, 26 % угонов.

Стоит сказать, что корыстные мотивы в каждом преступлении имели разное содержание в зависимости от того, какие именно материальные потребности лежали в основе мотивации преступления. Исследование показало, что корыстные мотивы имущественных преступлений несовершеннолетних выражали «стремление завладеть материальными средствами для обеспечения нетрудового образа жизни» (38 %); «стремление удовлетворить потребность в спиртном, в наркотиках» (33 %); «стремление выглядеть не хуже других» (так называемый «престижный» мотив – 25 %); «стремление устранить материальную необеспеченность» (4 %).

Как видим, для большей части преступников, совершивших имущественные преступления по корыстным мотивам, было характерно стремление путем совершения преступления завладеть материальными средствами для обеспечения нетрудового образа жизни (38 %). Мотив «стремление завладеть материальными средствами для обеспечения нетрудового образа жизни» выражал, как правило, стремление несовершеннолетнего удовлетворить путем преступления свои потребности в предметах личного потребления, а также в ведении красивого, веселого образа жизни (связанного с посещением кафе, баров, дискотек, ночных клубов и т.п.). В этом мотиве довольно ярко выразились присущие большинству несовершеннолетних преступников материальные потребности в «своих» деньгах для обеспечения «праздного», нетрудового образа жизни. Изучение уголовных дел показало, что в основе этого мотива также лежало стремление несовершеннолетних преступников «уйти» от финансовой зависимости взрослых (родителей, опекунов) и путем преступления приобрести собственные денежные средства, которыми можно распорядиться по своему усмотрению. Именно поэтому основным предметом преступного посягательства имущественных преступников, совершивших преступление по этому корыстному мотиву, становились деньги – в каждом втором случае совершения подростками краж и разбойных нападений, в каждом третьем случае грабежей. Примечательно, что мотив «стремление завладеть материальными средствами для обеспечения нетрудового образа жизни» был наиболее характерен для юношей (71 %). Девушками по такому мотиву было совершено только каждое третье имущественное преступление (29 %).

Как показало исследование, в мотивационной сфере личности части несовершеннолетних имущественных преступников доминировали материальные потребности, нередко деформированные, асоциальные. Такой асоциальной (можно сказать, извращенной) потребностью была потребность подростков в спиртном, в наркотиках. Изучение мотивов преступлений показало, что мотив «потребность в спиртном, в наркотиках» составил треть всех мотивов имущественных преступлений (33 %) несовершеннолетних. Следует отметить, что потребность в алкоголе, реже в наркотиках, часто определяла содержание и такого распространенного мотива имущественных преступлений, как «стремление завладеть материальными средствами для обеспечения нетрудового образа жизни» (напомним, что к этому мотиву нами отнесены побуждения, выражающие стремления несовершеннолетнего получить материальные средства для ведения «праздного», веселого образа жизни). Надо ска-

зять, что в целом ряде случаев пристрастие к спиртному, желание получить особые приятные ощущения, наслаждение, эйфорию непосредственно обусловливали и направленность преступных действий на завладение именно спиртными напитками. Так, по изученным уголовным делам винно-водочные изделия (в том числе и пиво) как предмет преступления составили 4 %. Также нельзя не отметить, что каждый третий несовершеннолетний, успевший распорядиться похищенным (вещами, деньгами), использовал полученные средства для приобретения спиртных напитков или наркотиков. При этом следует сказать, что данный мотив нередко выражал стремление лица получить «разовое» удовлетворение своей низменной потребности в основном сразу же после совершения преступления. В то же время каждый третий грабитель и разбойник из числа несовершеннолетних совершал преступление, уже находясь в состоянии алкогольного опьянения. Мотив «потребность в спиртном, в наркотиках», так же как и рассмотренный выше мотив «стремление завладеть материальными средствами для обеспечения нетрудового образа жизни», доминировал среди юношей (81 %), и только каждая пятая девушка (19 %) совершала имущественное преступление ради приобретения спиртного или наркотиков.

В четвертой части преступлений несовершеннолетних, совершенных по корыстным мотивам, характерными были «престижные» материальные потребности, т.е. потребности, связанные с ориентацией лица на своеобразное «статусное» потребление. Преступники, совершившие преступления по «престижному» мотиву, стремились получить средства для приобретения модных, редких, «престижных» вещей, обладание которыми дало бы им, по их мнению, возможность самоутвердиться, повысить свой статус, авторитет, уважение в группе. Стремление несовершеннолетних (особенно девушек) выглядеть не хуже других, потребность в красивых и модных, «престижных» вещах сами по себе, на наш взгляд, не носят негативного характера. Однако потребности и стремления такого рода, обуславливая преступление, показывают бедность интересов, нравственную несформированность личности несовершеннолетних, избравших преступление как способ их удовлетворения. Как справедливо отмечается в криминологической литературе, опасность неразумной, извращенной потребности в красивых вещах в том, что она замещает собой иные человеческие потребности и интересы; обладание какой-либо вещью рассматривается в таком случае индивидом в качестве единственной цели человеческой деятельности [4. С. 47–48]. Неудивительными в данной связи выглядят суждения имущественных преступников о главных ценностях в их жизни. На первое место по значимости несовершеннолетние поставили собственное личное благополучие, материально обеспеченную жизнь, а также отдых и развлечения (52 %); на второе место: общественное признание, авторитет и уважение (29 %); на третье – хорошо оплачиваемую работу и счастливую семейную жизнь (19 %). Для сравнения: в 1980-е гг. ориентация на материальные ценности была значительно меньше. Основными целями в жизни у несовершеннолетних преступников были: найти интересную любимую работу, встретить верных друзей, любимого человека, получить образование (среднее или высшее) [5. С. 79, 83–84]. Примечательно, что среди всех преступников, совершивших преступление по «престижному»

мотиву, большую часть составили девушки (63 %). И только каждый третий юноша (37 %) совершил преступления против собственности ради потребности выглядеть не хуже других, доказать свою значимость.

Изучение мотивов имущественных преступлений показало, что в ряде случаев имущественные преступления были связаны с действительной материальной необеспеченностью несовершеннолетних, их совершивших. Материальная необеспеченность, побудившая этих подростков совершить преступление, была вызвана рядом неблагоприятных жизненных обстоятельств. В одних случаях эти обстоятельства не зависели от воли преступников (болезнь, смерть близких, потеря трудоспособности родителей, опекунов и т.п.). Таких подростков, действительно оказавшихся в трудной жизненной ситуации, без достаточных средств к существованию, было немного – 8 %. В других случаях материальные затруднения «создавались» преимущественно самими несовершеннолетними в связи с побегом из дома, с отсутствием нормальных отношений с родителями, опекунами.

Надо отметить, что материальная необеспеченность порой носила субъективный характер; она воспринималась подростками как нужда, хотя в действительности таковой не являлась. Субъективная «нужда» была связана с завышенными притязаниями самих подростков. Они ориентировались на более высокий материальный уровень жизни, чем тот, который позволял иметь доход семьи несовершеннолетнего или его собственный. Изучение уголовных дел показало, что к «жизненно важным» для них предметам юноши в возрасте 14–15 лет относили горный велосипед, компьютерную приставку; юноши в возрасте 16–17 лет – МПЗ-плеер, GPRS-навигатор для транспортных средств, мобильный компьютер и т.п. Девушки в возрасте 14–15 лет «жить не могли» без часов фирмы Romanson в золотом корпусе, сумки из натуральной кожи, а 16–17-летние преступницы – без золотых украшений с бриллиантами, автомобиля. Возникший конфликт между желаемым и действительным в итоге приводил к совершению имущественных преступлений.

В криминологической литературе не раз отмечалось, что потребностям и интересам личности несовершеннолетнего преступника присущи определенные негативные особенности: нарушение равновесия между различными видами потребностей (материальными и духовными), общая бедность, а нередко и извращенный характер некоторых из них, аморальность и преступность их удовлетворения, различие мотивов в зависимости от рода занятий и пола преступников [6. С. 48–49]. Исследование показало, что отмеченная ранее особенность не потеряла актуальности и в настоящее время. Оно также показало, что мотивы имущественных преступников зависели от рода их занятий и пола. Так, среди юношей, не работавших и не учащихся ко времени совершения преступления, абсолютное большинство (до 85 %) совершило преступление по мотивам «потребность в спиртном», «стремление обеспечить нетрудовой образ жизни». У работавших, учащихся юношей по данным мотивам совершила преступление только третья часть (32 %), по «престижным» – чуть больше половины всех изученных (52 %), остальные – по иным рассмотренным мотивам. Среди девушек неработающие и неучащиеся совершили преступления по следующим мотивам: «потребность в спиртном» – 13 %; «материальная необеспеченность» – 34 %; «стремление обеспечить нетрудо-

вой образ жизни» – 53 %. У учащихся и работавших девушек мотивы кардинально отличались от мотивов неработающих. Мотив «потребность в спиртном» составил 7 %; «материальная необеспеченность» – 2 %; «престижный» – 61 %; «стремление обеспечить нетрудовой образ жизни» – 11 %; иные – 19 %.

Вторую группу мотивов имущественных преступлений несовершеннолетних составили мотивы, не имеющие, строго говоря, корыстного характера. Ряд преступлений был обусловлен не столько стремлением к незаконному обогащению и удовлетворению потребностей в имущественных благах, сколько возрастными особенностями несовершеннолетних. Мотивы, в которых нашли отражение возрастные особенности несовершеннолетних преступников, лежали в основе каждого третьего имущественного преступления (32 %). Следует отметить, что эти мотивы были неоднородными. Так, в одних случаях возрастные особенности при совершении имущественных преступлений проявились, говоря словами А.И. Долговой, в «мотивах роста», причем в противоречивой форме, путем доказывания значимой для подростка группе, что «я, как вы» и наряду с этим, что «я – личность», причем в последнем случае чаще всего в процессе взаимодействия с другими субъектами [3 С. 64]. По таким мотивам было совершено более половины имущественных преступлений этой группы (57 %). В других случаях мотивы, связанные с возрастными особенностями несовершеннолетних, выражали их стремление привлечь к себе внимание, вызвать зависть, восхищение, завоевать авторитет сверстников, членов «своей» группы ради желания развлечься «за компанию». Такие мотивы обусловили совершение 12 % краж, 21 % разбоев, 25 % грабежей, 10 % угонов и 5 % вымогательств.

Также следует отметить, что все мотивы имущественных преступлений различались не только по содержанию (в зависимости от потребностей и интересов, которые в итоге и формировали мотив преступления), но и по механизму их возникновения. Исследование показало, что подавляющее большинство преступлений (67 %) несовершеннолетние совершали по «внешнему» (ситуативному) мотиву. Так, каждая вторая кража (51 %), вымогательство (48 %), грабеж (67 %), угон (59 %), подавляющее число разбоев (80 %) совершались ими без предварительной подготовки. Умысел совершить преступление, как правило, возникал у преступников внезапно; подростки лишь использовали случайно возникшую «благоприятную» жизненную ситуацию для совершения преступления против собственности (например, при распитии спиртных напитков, при провоцирующем поведении потерпевшего и т.п.).

Только третья часть всех имущественных преступлений (33 %) была совершена преднамеренно, «по плану». В таких случаях несовершеннолетние, имея заранее обдуманый план действий, совершали имущественные преступления ради удовлетворения своих материальных потребностей («внутренний» мотив). Особенно значительной была доля «внутренних» мотивов при совершении подростками краж (49 %) и вымогательств (52 %). Стойкое антиобщественное поведение и неуважение к установленным в обществе правилам поведения приводили к тому, что нередко подростки сами сознательно создавали «благоприятные» ситуации для совершения преступлений. Особенно это было характерным для групп несовершеннолетних, когда подро-

ток не мог противостоять «авторитетному» влиянию других членов группы, не мог нарушить принятые в группе обязательные для выполнения правила поведения и вынужден был «идти на преступление вместе со всеми». Под влиянием группы несовершеннолетними была совершена третья часть всех краж и угонов (35 и 33 % соответственно), каждый четвертый разбой (25 %), почти каждый пятый грабеж и вымогательство (18 и 17 % соответственно).

Ретроспективный обзор криминологических публикаций прошлых лет позволяет говорить, что за последние тридцать–сорок лет мотивы имущественных преступлений несовершеннолетних претерпели качественные и количественные изменения. Так, в 60–70-е гг. XX в. преступления против собственности несовершеннолетние совершали преимущественно по мотивам озорства, ложно понимаемого чувства товарищества. Часто преступление было спровоцировано и своеобразными положительными стремлениями, увлечениями и интересами несовершеннолетнего [4]. В 80–90-е гг. только у 18,5 % осужденных несовершеннолетних прослеживался типично корыстный мотив. Все иные имущественные преступления несовершеннолетних были обусловлены в основном стремлением иметь престижные вещи и через них утвердить свой авторитет, свое «я» [2]. Нельзя не заметить значительного увеличения в последнее время числа преступлений, совершенных по корыстным мотивам (с 18,5 до 34 %).

Можно сказать, что в современных корыстных мотивах имущественных преступлений проявилась утилитарная, потребительская ориентация несовершеннолетних на удовлетворение собственных материальных потребностей за счет других лиц. Эти потребности, как правило, были изначально «субъективно» завышены (стремление иметь вещи с высокими потребительскими свойствами под влиянием моды, принадлежности к определенной группе и т.п.) либо были в большинстве своем мнимыми, надуманными. Нередко потребности носили негативный характер. Так, если в 80–90-е гг. только у 10 % осужденных мотивом преступления было стремление приобрести спиртное [2. С. 33–34], то сейчас аналогичный мотив встречался в каждом третьем преступлении несовершеннолетнего (33 %). Значительно возросло число преступлений, совершенных несовершеннолетними по «престижным» мотивам. Если в 80–90-е гг. XX в. около 4 % всех лиц, совершивших кражи, стремились получить в результате совершения преступления деньги на покупку модных, «престижных» вещей и только 8 % совершали кражу ради потребности в красивой жизни, то сейчас каждый третий несовершеннолетний (38 %) совершил преступление ради получения материальных средств для красивой, нетрудовой жизни, а каждый четвертый (25 %) – по «престижным» мотивам. Следует также сказать, что во второй половине XX в. почти половина всех имущественных преступлений (40 %) была связана с действительной материальной необеспеченностью лиц, совершивших преступления [6. С. 33]. В настоящее же время по таким мотивам имущественные преступления совершались в пять раз реже – только каждое 25-е преступление (4 %) вызвано действительно тяжелым материальным положением несовершеннолетнего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонян Ю.М., Голубев В.П., Кудряков Ю.Н. Личность корыстного преступника. Томск, 1989. 193 с.
2. Елисеев С.А., Прокументов Л.М. Общеуголовные корыстные преступления: криминологическая характеристика, уголовная ответственность. Томск, 1991. 78 с.
3. Прокументов Л.М. Криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних: (Региональный аспект). Томск, 2004. 106 с.
4. Елисеев С.А. Вопросы теории и практики предупреждения корыстных преступлений. Томск, 1989. 110 с.
5. Долгова А.И. Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних. М.: Юрид. лит., 1981. 160 с.
6. Кудрявцев В.Н. Механизм преступного поведения. М., 1981. 135 с.

Loginova Ksenia Yu. Novokuznetsk Institute of Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russian Federation).

MOTIVES FOR PROPERTY CRIMES COMMITTED BY JUVENILES.

Key words: juvenile, motive, property crimes, mercenary motives, needs.

A motive for a crime as an inner subjective action tendency is determined foremost by the lifestyle and upbringing of a juvenile, by moral and legal values, stereotypes predominating in a society and accepted by juveniles. Accordingly, the motives for crimes committed by juveniles reveal their characteristics, qualities and their attitude to principal social values.

The research showed that the predominant (68%) motive for property crimes of juveniles was satisfaction of individual material needs and interests at the expense of other people (a mercenary motive). This motive was not connected with striving for hoarding and money grabbing as such but had a utilitarian character. It is worth saying that in each crime mercenary motives had different content depending on the character of material needs. It was showed in the research that mercenary motives of property crimes committed by juveniles expressed "the striving to take possession of material resources to ensure idle life" (38%); "the striving to satisfy the need for alcoholic drinks and drugs" (33%); "the desire to look not worse than others" (the so-called "motive of prestige")—25%; "the desire to eliminate material insecurity" (4%).

The motives without profit comprised the second group of motives. A number of crimes were caused not by striving for illegal enrichment and satisfaction of material needs but by age peculiarities of juveniles. One in three property crimes (32%) included the motives which reflected the age peculiarities of juveniles. The crimes were committed because of a "growth motive" which combined the desire to prove a personal pertinence, authority, dominance in a group and desire "to follow the crowd". More than 57% of such property crimes were committed because of these motives. In other cases the motives connected with age peculiarities of juveniles expressed their desire to attract attention, make other jealous, excite admiration, earn a great reputation among peers and group mates and just for fun "for a team".

All motives for property crimes differed in content and causes for crimes.

REFERENCES

1. *Antonyan Yu.M., Golubev V.P., Kudryakov Yu.N.* Lichnost' korystnogo prestupnika. Tomsk, 1989. 193 s.
2. *Eliseev S.A., Prozumentov L.M.* Obscheugolovnye korystnye prestupleniya: kriminologicheskaya charakteristika, ugovnaya otvetstvennost'. Tomsk, 1991. 78 s.
3. *Prozumentov L.M.* Kriminologicheskaya charakteristika prestupnosti nesovershenno-letnich: (Regional'nyy aspekt). Tomsk, 2004. 106 s.
4. *Eliseev S.A.* Voprosy teorii i praktiki preduprezhdeniya korystnykh prestupleniy. Tomsk, 1989. 110 s.
5. *Dolgova A.I.* Sozial'no-psichologicheskie aspekty prestupnosti nesovershennoletnich. M.: Yurid. lit., 1981. 160 s.
6. *Kudryavtsev V.N.* Mechanizm prestupnogo povedeniya. M., 1981. 135 s.

УДК 343.85

А.Д. Никитин

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА

В статье рассматриваются основные, базовые требования, предъявляемые к постпениitenciарному административному надзору как особому правовому режиму. Автор выделяет и раскрывает следующие специальные принципы административного надзора: криминологической обоснованности, индивидуализации и дифференциации, экономии принудительных средств, гласности.

Ключевые слова: административный надзор, специальные принципы.

Определяя специальные принципы постпениitenciарного административного надзора, вначале оговоримся, что, как указывали ранее [1], он будет пониматься в широком смысле, в качестве специфического правового режима, правопорядка деятельности органов внутренних дел (и иных государственных органов) и поднадзорных лиц, в отношении которых этот правопорядок (режим) установлен. Именно такое понимание позволяет более полно определить его общеправовые и специальные принципы.

Под специальными принципами следует понимать основные, базовые требования, предъявляемые к указанному специфическому постпениitenciарному режиму. Один из исследователей административного надзора в советский период, А.С. Бондаренко, выделял такие принципы административного надзора, как социалистическая законность, социалистический гуманизм, сочетание убеждения и принуждения, участие общественности в осуществлении надзора, индивидуальный подход к поднадзорным, привлечение поднадзорных к общественно полезному труду, гласность административного надзора [2. С. 8]. Очевидно, что некоторые из перечисленных выше принципов – общеправовые, а отдельные специальные принципы ныне неприменимы к административному надзору. С учетом проведенных в аналогичной сфере исследований криминологов административному надзору свойственны или должны быть свойственны и иные специальные принципы. К ним должны быть отнесены следующие специальные принципы: криминологической обоснованности, индивидуализации и дифференциации, экономии принудительных средств, гласности.

Криминологическая обоснованность постпениitenciарного административного надзора предполагает, что его установление должно быть основано на данных своего рода криминологического прогноза и нацелено на сокращение рецидивной преступности с учетом ее уровня, динамики и структуры. Здесь вполне допустима аналогия с криминологической обоснованностью норм уголовного права, которые имеют в том числе и аналогичную направленность. Как обоснованно утверждал В.Д. Филимонов, «проблема социальной обусловленности уголовного права – многоплановая проблема. Центральное место занимает в ней проблема обусловленности содержащихся в

нем требований к объективным закономерностям общественного развития. Ее важной составной частью является изучение зависимости содержания уголовно-правовых норм от причин, состояния, структуры и динамики преступности, личности преступника и некоторых других криминологических явлений» [3. С. 3–4]. Таким образом, закрепление в современном российском законодательстве постпенитенциарного административного надзора объективно необходимо. Известно, что уровень рецидивной преступности в нашей стране ныне довольно высок. Согласно исследованию В.В. Городнянской, ее уровень среди лиц, освобожденных из исправительных колоний общего и строгого режимов в 2006–2007 гг., составлял 48,5% [4. С. 50–51]. Это в том числе означает, что имевшихся на момент освобождения осужденных правовых средств предупреждения рецидивной преступности явно не хватало. Следовательно, появление постпенитенциарного административного надзора в целом обосновано. Поскольку постпенитенциарный административный надзор был известен и ранее действовавшему отечественному законодательству, имеется и определенный положительный опыт его применения. Еще в советский период большинство исследователей признавали его эффективным средством предупреждения рецидивной преступности [2. С. 25–26]. Отчасти о его эффективности может свидетельствовать и уровень рецидивной преступности, который, по данным 1978 г., составлял 22% [4. С. 51].

Криминологическая обоснованность постпенитенциарного административного надзора состоит и в оптимальном (необходимом и достаточном) определении круга лиц, в отношении которых он должен устанавливаться. Одним из важных критериев для его установления должно служить поведение осужденных, дающее основание с большей степенью вероятности предполагать возможность совершения ими новых преступлений после освобождения. Иными словами, речь идет о прогнозировании такого поведения. Известно, что в значительной части категории лиц, к которым может быть применен постпенитенциарный административный надзор (как и весь этот институт в целом), заимствованы из прежнего законодательства. Вместе с тем в современных условиях личность освобожденных из мест лишения свободы существенно изменилась, что порождает необходимость проведения новых глубоких научных криминологических исследований. Основанием применения административного надзора должна выступать категория сравнительно большей рецидивоопасности лица, освобожденного из мест лишения свободы. Сейчас согласно ч. 1 ст. 3 Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» он устанавливается при наличии определенных оснований в отношении совершеннолетнего лица, освобождаемого или освобожденного из мест лишения свободы и имеющего непогашенную либо неснятую судимость за совершение: 1) тяжкого или особо тяжкого преступления; 2) преступления при рецидиве преступлений; 3) умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего. В соответствии с ч. 3 ст. 3 названного федерального закона административный надзор за указанными лицами устанавливается в случае, если: 1) лицо в период отбывания наказания в местах лишения свободы признавалось злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания; 2) лицо, отбывшее уголовное наказание в виде лишения свободы и имеющее

непогашенную либо неснятую судимость, совершает в течение одного года два и более административных правонарушения против порядка управления и (или) административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность и (или) на здоровье населения и общественную нравственность. В отношении совершеннолетнего лица, освобожденного или освобожденного из мест лишения свободы и имеющего непогашенную либо неснятую судимость за совершение преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего, а также за совершение преступления при опасном или особо опасном рецидиве преступлений, административный надзор устанавливается независимо от наличия указанных оснований (ч. 2 ст. 3). При отсутствии данных оснований административный надзор устанавливается и в отношении лица, совершившего в возрасте старше восемнадцати лет преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, и страдающего расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости (ч. 2.1 ст. 3).

Совершенно очевидно, что законодатель при определении круга лиц, в отношении которых следует устанавливать административный надзор, исходил прежде всего из большой степени вероятности совершения ими новых преступлений. Однако этот перечень вызывает и определенные сомнения. В него, в частности, не вошли самые рецидивоопасные преступления. Как было отмечено в юридической литературе, «уровень специального рецидива при хищениях достигает 87 %, что, очевидно, свидетельствует не только о большой распространенности корыстных мотивов в психологии рецидивистов, но и об устойчивости антисоциальной направленности таких лиц» [4. С. 57]. Высокий уровень рецидива данной категории преступлений отмечается и при условно-досрочном освобождении [5. С. 9]. Таким образом, необходимо рассмотреть вопрос о факультативной возможности установления административного надзора в отношении данной категории лиц.

Криминологическая обоснованность отнесения к числу лиц, в отношении которых в обязательном порядке должен устанавливаться административный надзор, совершивших преступление против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего, наоборот, вызывает сомнения. Так, по данным В.В. Городнянской, «уровень рецидива лиц, начавших свою преступную «карьеру» с преступлений сексуального характера, в полтора раза ниже среднего (42%). При этом только каждый четвертый рецидив освобожденных из колоний общего режима – это специальный, то есть только каждый десятый освобожденный от отбывания наказания за половые преступления вновь совершает аналогичное деяние» [4. С. 59]. Думается, что в основе принятия решения об отнесении рассматриваемой категории лиц к лицам, в отношении которых должен устанавливаться административный надзор, лежал не прогноз возможности совершения ими новых преступлений, а во многом инспирированный средствами массовой информации общий курс законодателя на усиление уголовной ответственности за педофилию.

Постпенитенциарный административный надзор должен устанавливаться на основе принципа индивидуализации и дифференциации. Индивидуализация прежде всего относится к количеству и характеру ограничений, которые

согласно ч. 1 ст. 4 Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» могут устанавливаться поднадзорному, а также к сроку административного надзора и возможности его изменения. Решая данные вопросы, суд должен учитывать следующие обстоятельства. Во-первых, – данные о личности поднадзорного. Здесь следует учитывать как поведение поднадзорного до совершения им преступления, так и в процессе отбывания лишения свободы, его семейное положение и прочие сведения. Во-вторых, – обстоятельства совершенного (совершенных) поднадзорным преступления. В-третьих, установленные ограничения не должны препятствовать осуществлению поднадзорным трудовой и иной социально полезной деятельности, которые выступают в качестве антикриминогенного фактора. В частности, нельзя признать обоснованным установление запрета пребывать вне жилого помещения во время, когда поднадзорный должен находиться на рабочем месте. Между тем при установлении административного надзора судом по месту отбывания наказания, не видя осужденного, можно определить сферу возможной трудовой деятельности поднадзорного, как и дать точный прогноз относительно его дальнейшего поведения. В этой связи важным элементом индивидуализации постпенитенциарного административного надзора должна быть возможность его корректировки. Такая возможность предусмотрена в ч. 3 ст. 4 действующего Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» и ставится в зависимость от образа жизни, поведения поднадзорного лица, а также соблюдения им административных ограничений. В зависимости от указанных обстоятельств суд на основании заявления органа внутренних дел или поднадзорного лица либо его представителя может частично отменить административные ограничения или на основании заявления органа внутренних дел может дополнить ранее установленные поднадзорному лицу административные ограничения. Кроме того, указанным Федеральным законом предусмотрен порядок продления или досрочного прекращения постпенитенциарного административного надзора (гл. 2), что также является элементом его индивидуализации, направленной на стимулирование правопослушного поведения поднадзорного.

Говоря об индивидуализации постпенитенциарного административного надзора, необходимо затронуть вопрос и об органах, определяющих административные ограничения. Согласно ст. 6 Федерального закона административный надзор устанавливается судом на основании заявления исправительного учреждения или органа внутренних дел. Порядок установления постпенитенциарного административного надзора по заявлению исправительного учреждения с точки зрения криминологической обусловленности имеет, на наш взгляд, и определенные недостатки. Согласно п. 2 ст. 261.5 ГПК РФ по делу об установлении административного надзора в отношении лица, освобождаемого из мест лишения свободы, заявление подается в суд по месту нахождения исправительного учреждения. Однако большая часть освобожденных из мест лишения свободы будут претерпевать постпенитенциарный административный надзор не по месту нахождения исправительного учреждения. В этой связи заслуживает внимания вывод Л.В. Чуприной, сделанный ею для режима условно-досрочного освобождения, что «объем данных, кото-

рыми располагает суд по месту отбывания наказания, как правило, достаточен для принципиального решения об УДО, но недостаточен для определения режима испытания» [5. С. 162]. Заслуживает поддержки вывод автора, что решать вопрос о конкретных условиях режима испытания при условно-досрочном освобождении мог бы суд по месту жительства освобожденного после его прибытия по представлению уголовно-исполнительной инспекции, где он, как правило, должен будет встать на учет [5. С. 164]. Аналогичный порядок целесообразен и при решении вопроса об установлении конкретных ограничений освобожденному при административном надзоре.

Дифференциация административного надзора проводится непосредственно в Федеральном законе «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы». Согласно ст. 3 данного нормативного акта освобожденные из мест лишения свободы дифференцируются на две группы. Первую составляют лица, в отношении которых административный надзор устанавливается в обязательном порядке при их освобождении (ч. 2 ст. 3). Ко второй группе относятся лица, в отношении которых административный надзор устанавливается только при наличии указанных в законе оснований (ч. 3 ст. 3).

Принцип экономии принудительных средств воздействия при постпенитенциарном административном надзоре тесно связан с принципом его индивидуализации и необходимости установления к поднадзорному конкретных административных ограничений. По возможности они должны минимально ограничивать законные права и свободы человека, причем лишь в той мере, в которой это необходимо для предупреждения совершения поднадзорным повторных преступлений. Административные ограничения при его установлении не должны превращать административный надзор в дополнительное уголовное наказание для освобожденного из мест лишения свободы. Однако действующее уголовное законодательство не позволяет сделать однозначный вывод относительно отсутствия признаков уголовного наказания у административного надзора. Прежде всего речь идет о соотношении административных ограничений, устанавливаемых при административном надзоре, с ограничениями, составляющими содержание ограничения свободы как уголовного наказания (ст. 53 УК РФ). Во многом по своему содержанию они внешне совпадают, что послужило основанием для обращения некоторых граждан в Конституционный Суд РФ [6–11]. Последний все же отказывал в принятии их к рассмотрению, указав, что административный надзор не относится к мерам ответственности, а ограничения соответствуют ст. 55 Конституции РФ. Следовательно, административный надзор не нарушает прав заявителей. Соглашаясь с мнением Конституционного Суда РФ относительно того, что административные ограничения согласуются с нормой ст. 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации, допускающей ограничение прав и свобод человека и гражданина для защиты конституционно значимых ценностей, и являются соразмерными тем конституционно защищаемым целям, ради которых они вводятся, отметим, что вопрос о соотношении административного надзора и наказания в виде ограничения свободы все же остается открытым. По нашему мнению, в отечественном законодательстве не могут существовать два одинаковых по содержанию правовых института с одной целевой на-

правленностью, при которых одно признается карательным средством, а другое – нет. В этой связи указанные жалобы граждан в Конституционный Суд РФ не лишены оснований. В прежнем законодательстве постпенитенциарный административный надзор не мог вызвать такого рода коллизий, поскольку в УК отсутствовало наказание, аналогичное нынешнему ограничению свободы. Возвращая административный надзор, законодатель не придал должного значения вопросу о его соотношении с иными институтами, направленными на предупреждение преступлений. Выходом из возникшей ситуации может быть лишь исключение ограничения свободы из перечня уголовных наказаний, как не обладающего карательным потенциалом, о чем неоднократно упоминалось в юридической литературе (см., например, [12]).

Гласность административного надзора состоит как в открытом характере контроля за поведением поднадзорного, так и в открытости и публичности деятельности органов внутренних дел (ст. 8 Федерального закона «О полиции»). Конечно же, гласность при осуществлении административного надзора не должна нарушать общеправового принципа гуманизма в том смысле, чтобы она не привела к унижению человеческого достоинства и компрометации поднадзорного. Кроме того, гласность административного надзора вовсе не означает открытости сведений о поднадзорном, на что прямо указано в Федеральном законе «О полиции». Часть 6 ст. 5 данного нормативного акта гласит, что «полученные в результате деятельности полиции сведения о частной жизни гражданина не могут предоставляться кому бы то ни было без добровольного согласия гражданина, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом». В этой связи на бланках некоторых документов, оформляемых при осуществлении административного надзора, имеется гриф ограниченного допуска.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никитин А.Д. Административный надзор в контексте общеправовых принципов // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2013. №1 (7). С. 62–67.
2. Бондаренко А.С. Административный надзор за освобожденными из ИТУ лицами и его эффективность (основные вопросы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1973. 29 с.
3. Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. 213 с.
4. Городнянская В.В. Постпенитенциарный рецидив. М.: Юрлитинформ, 2012. 165 с.
5. Чуприна Л.В. Режим испытания при условно-досрочном освобождении: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2012. 251 с.
6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Байкова Алексея Алексеевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 3, 4, 5, 6, 10, 12 и 13 Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», части первой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 261.8 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 22.03.2012 № 597-О-О // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. М., 2013. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
7. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гейера Сергея Юрьевича на нарушение его конституционных прав Федеральным законом «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» и Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»: Определение Конституционного Суда РФ от 16.02.2012 № 301-О-О // СПС «Кон-

сультантПлюс». Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. М., 2013. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

8. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дуванова Андрея Михайловича на нарушение его конституционных прав положениями статей 3, 4, части 3 статьи 13 Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» и статьи 261.8 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2012 № 1741-О // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. М., 2013. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

9. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Романцова Андрея Петровича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части 1 статьи 4 Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»: Определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2012 № 1739-О // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. М., 2013. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

10. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чередниченко Александра Сергеевича на нарушение его конституционных прав положениями Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» и Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»: Определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2012 № 1740-О // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. М., 2013. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

11. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Окунева Виктора Васильевича на нарушение его конституционных прав положениями частей 2 и 3 статьи 13 Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»: Определение Конституционного Суда РФ от 22.11.2012 № 2064-О // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. М., 2013. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

12. Уткин В.А. О юридическом содержании уголовного наказания в виде ограничения свободы // Вестн. Том. гос. ун-та. 2006. № 292 (I). С. 44–48.

Nikitin Aleksandr D. Internal Affairs Directorate of Ivanovskaya oblast, Major-general (Ivanovo, Russian Federation).

SPECIAL PRINCIPLES OF POST PENITENTIARY ADMINISTRATIVE SUPERVISION.

Key words: administrative supervision, special principles.

The article deals with principal, basic requirements for post penitentiary administrative supervision as the main legal regime. The author separates and discloses such special principles of administrative supervision as criminological reasonableness, individualization and differentiation, economy of enforcement means and publicity.

Criminological reasonableness of post penitentiary administrative supervision implies that its establishment should be based on the data of criminological forecast and be aimed at the reduction of recidivism with due consideration of its level, development and structure. Legislators didn't take into account the above principle in full while bringing administrative supervision back to national legislation.

Individualization is connected with the quality and character of restrictions imposed on the person under supervision and with the duration of administrative supervision and its possible changes.

Differentiation of administrative supervision implies the division of the supervised into two groups: people against whom administrative supervision must be established when they are released and those against whom administrative supervision must be established if there are clear legal provisions in law.

The principle of economy of enforcement means of influence implies that administrative restrictions must limit the rights and freedoms of the supervised person at a minimum just to prevent repeated crimes. In this case administrative supervision should not be transformed into an additional criminal punishment for released convicts. However, our current criminal legislation doesn't allow us to state unambiguously that administrative supervision has no features of a criminal punishment. First of all, this is the correlation between administrative restrictions established under administrative supervision and restrictions of freedom as a criminal punishment (Article 53 of the Criminal Code of the Russian Federation). Because of essential similarity between the content of custodial restraint punishment and the content of post penitentiary administrative supervision their concurrent existence in national Russian legislation is inadmissible. The author sees the

solution of the above problem in the exclusion of custodial restraint from the list of criminal punishments as this measure doesn't possess a punitive potential of such punishments. Publicity of administrative supervision involves both the open character of control over the behavior of the supervised and openness and publicity of the activity of internal affairs bodies.

Establishment of administrative supervision on the basis of the highlighted principles will enable to increase the effectiveness of post penitentiary supervision and not to violate the rights of the supervised people.

REFERENCES

1. Nikitin A.D. Administrativnyy nadzor v kontekste obshchepравovыkh principov // Vestn. Tom. gos. un-ta. Pravo. 2013. №1 (7). S. 62–67.
2. Bondarenko A.S. Administrativnyy nadzor za osvobozhdenymi iz ITU lizami i ego effektivnost' (osnovnye voprosy): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Tomsk, 1973. 29 s.
3. Filimonov V.D. Kriminologicheskie osnovy ugolovnogo prava. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1981. 213 s.
4. Gorodnyanskaya V.V. Postpenitentsiarnyy rezidiv. M.: Yurlitinform, 2012. 165 s.
5. Chuprina L.V. Rezhim ispytaniya pri uslovno-dosrochnnom osvobozhdenii: dis. ... kand. yurid. nauk. Tomsk, 2012. 251 s.
6. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Baykova Aleksey Aleksee-vicha na narushenie ego konstituzionnykh prav polozheniyami statey 3, 4, 5, 6, 10, 12 i 13 Fede-ral'nogo zakona «Ob administrativnom nadzore za lizami, osvobozhdenymi iz mest lisheniya svobody», chasti pervoy stat'i 86 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federazii i stat'i 261.8 Grazhdanskogo prozessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federazii: Opredelenie Konstituzionno-go Suda RF ot 22.03.2012 № 597-O-O // SPS «Konsul'tantPlyus». Versiya Prof, setevaya. Elek-tron. dan. M., 2013. Dostup iz lokal'noy seti Nauch. b-ki Tom. gos. un-ta.
7. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Geyera Sergeya Yur'evicha na narushe-nie ego konstituzionnykh prav Federal'nym zakonom «Ob administrativnom nadzore za lizami, osvobozhdenymi iz mest lisheniya svobody» i Federal'nym zakonom «O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federazii v svyazi s prinyatiem Fe-deral'nogo zakona «Ob adminis-trativnom nadzore za lizami, osvobozhdenymi iz mest lishe-niya svobody»: Opredelenie Konstituzion-nogo Suda RF ot 16.02.2012 № 301-O-O // SPS «Kon-sul'tantPlyus». Versiya Prof, setevaya. Elek-tron. dan. M., 2013. Dostup iz lokal'noy seti Na-uch. b-ki Tom. gos. un-ta.
8. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Duvanova Andrey Michaylo-vicha na narushenie ego konstituzionnykh prav polozheniyami statey 3, 4, chasti 3 stat'i 13 Fe-deral'nogo za-kona «Ob administrativnom nadzore za lizami, osvobozhdenymi iz mest lishe-niya svobody» i stat'i 261.8 Grazhdanskogo prozessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federazii: Opredelenie Konstituzionno-go Suda RF ot 24.09.2012 № 1741-O // SPS «Konsul'tantPlyus». Versiya Prof, setevaya. Elektron. dan. M., 2013. Dostup iz lokal'noy seti Nauch. b-ki Tom. gos. un-ta.
9. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Romanzova Andrey Petro-vicha na narushenie ego konstituzionnykh prav punktom 3 chasti 1 stat'i 4 Federal'nogo zakona «Ob administra-tivnom nadzore za lizami, osvobozhdenymi iz mest lisheniya svobody»: Opredelenie Konstituzion-nogo Suda RF ot 24.09.2012 № 1739-O // SPS «Konsul'tantPlyus». Ver-siya Prof, setevaya. Elektron. dan. M., 2013. Dostup iz lokal'noy seti Nauch. b-ki Tom. gos. un-ta.
10. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Cherednichenko Aleksandra Sergee-vicha na narushenie ego konstituzionnykh prav polozheniyami Federal'nogo zakona «Ob administra-tivnom nadzore za lizami, osvobozhdenymi iz mest lisheniya svobody» i Fede-ral'nogo zakona «O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Fede-razii v svyazi s prinyatiem Fed-eral'nogo zakona «Ob administrativnom nadzore za lizami, osvobozhdenymi iz mest lisheniya svobody»: Opredelenie Konstituzionno-go Suda RF ot 24.09.2012 № 1740-O // SPS «Konsul'tant-Plyus». Versiya Prof, setevaya. Elektron. dan. M., 2013. Dostup iz lokal'noy seti Nauch. b-ki Tom. gos. un-ta.
11. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Okuneva Viktora Vasil'-evicha na narushenie ego konstituzionnykh prav polozheniyami chastey 2 i 3 stat'i 13 Federal'nogo zakona «Ob administrativnom nadzore za lizami, osvobozhdenymi iz mest lisheniya svo-body»: Opredelenie Konstituzionno-go Suda RF ot 22.11.2012 № 2064-O // SPS «Konsul'tantPlyus». Versiya Prof, sete-vaya. Elektron. dan. M., 2013. Dostup iz lokal'noy seti Nauch. b-ki Tom. gos. un-ta.
12. Ukin V.A. O yuridicheskom soderzhanii ugolovnogo nakazaniya v vide ogranicheniya svobody // Vestn. Tom. gos. un-ta. 2006. № 292 (I). S. 44–48.

ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

УДК 347.626

Н.В. Багрова

О СРЕДСТВАХ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ СУПРУГОВ

В статье исследуются средства индивидуального правового регулирования, их роль в механизме правового регулирования имущественных отношений супругов. Автор подчеркивает роль договора как основного средства индивидуального правового регулирования.

Ключевые слова: индивидуальное правовое регулирование, индивидуальный акт, договор, сделка, имущественные отношения супругов.

Имущественные отношения супругов являются традиционным предметом правового регулирования. Они формируют имущественный базис семьи в целом, поэтому использование адекватных средств правового регулирования, учитывающих их специфику, очень важно. Отношения между супругами далеко не всегда строятся на основе типичных моделей, в них весьма ярко проявляется личностный элемент, который прямо или косвенно влияет на ведение супругами общего хозяйства, формирование общего или раздельного бюджета и т.п. Все это предопределяет необходимость регулирования супружеских отношений не столько с помощью нормативных предписаний, сколько в индивидуальном порядке.

Индивидуальное правовое регулирование – сравнительно молодая правовая категория, не так давно ставшая объектом исследований правоведов. В связи с этим в правовой доктрине отсутствует единое мнение о понятии и системе средств индивидуального правового регулирования. Так, С.Г. Красноярский определяет средства индивидуального регулирования как «юридические предписания, касающиеся единичных фактов социальной жизни и обладающие качествами персональной конкретности. Они могут содержаться не только в индивидуально-правовых актах (приказах, распоряжениях, поручениях, решениях, определениях, приговорах, договорах, соглашениях, односторонних гражданско-правовых сделках, государственных заказах, персонально-разовых указах президента или постановлениях правительства), но и в нормативно-правовых актах, соседствуя с предписаниями общего характера, например правотворческие поручения» [1. С. 131]. В настоящее время все больше исследователей объединяют средства правового регулирования с помощью категории правового акта [2. С. 31–32; 3. С. 252], под которым понимается «совершенное в соответствующей необходимой форме волеизъявление управомоченного субъекта права либо направленное на регулирование поведения этого субъекта и (или) иных субъектов, устанавливающее необходимый правовой результат (правовую норму, индивидуальное правовое уста-

новление и т.д.) либо представляющее собой правомерное действие, непосредственно выступающее правовым результатом» [2. С. 32]. Для различных видов индивидуального правового регулирования характерны различные индивидуальные правовые акты.

В теории права по способу взаимосвязи между субъектами выделяются три вида индивидуального правового регулирования: автономное, координационное и субординационное [4. С. 126]. Под автономным понимается саморегулирование отношений, при котором необходимо волеизъявление одного управомоченного субъекта.

Под координационным понимается индивидуальное регулирование отношений на основе взаимного соглашения субъектов.

Наконец, к субординационному регулированию относят деятельность правоприменительных органов по разрешению какого-либо конкретного спора.

Автономное правовое регулирование имущественных отношений супругов реализуется посредством совершения супругами односторонних актов. К таковым можно отнести выражение нотариально удостоверенного согласия одним супругом на совершение другим супругом сделки с общим недвижимым имуществом, а также сделки, подлежащей государственной регистрации или нотариальному удостоверению (п. 3 ст. 35 Семейного кодекса РФ. Далее – СК РФ) [5]. Такое согласие представляет собой одностороннее волеизъявление супруга, свободное от воли иных лиц, в том числе и другого супруга. Супруг, чье согласие требуется, оценивая характер совершаемой сделки и ее правовые последствия для себя лично и для семьи в целом, вправе как дать требуемое согласие, так и не давать его. Давая согласие, один из супругов создает для другого возможность реализовать субъективное право на распоряжение общим имуществом. Законодатель регулирует лишь форму выражения согласия, но не его содержание. Думается, что супруг, чье согласие необходимо для совершения сделки, вправе не просто выразить его, а установить для другого супруга определенные условия. Так, супруг может установить определенные ограничения, связанные с ценой сделки: например, дать свое согласие на отчуждение недвижимого имущества не ниже чем за определенную им цену.

В семейно-правовой доктрине предлагается расширить круг сделок, для совершения которых требуется нотариально удостоверенное согласие одного из супругов, за счет сделок с имуществом, стоимость которого превышает определенную сумму. В качестве ориентира предложено установить сумму в 250 тыс. руб. [6. С. 16]. Конечно, семья заинтересована в том, чтобы ее имущество сохранялось и прирастало. Однако весьма сложно установить какие-то стоимостные границы, которые будут определять наиболее ценное имущество семьи. Очевидно, что доходы семей существенно разнятся, поэтому внесение подобных изменений в законодательство представляется излишним.

Также к средствам автономного правового регулирования можно отнести акты осуществления принадлежащих супругам имущественных прав. Согласно п. 1 ст. 36 СК РФ супруги владеют и пользуются общим имуществом по обоюдному согласию. Вряд ли данное законодательное установление призывает супругов согласовывать каждое действие, направленное на осуществление правомочий владения и пользования имуществом. Тем более что

никакого оформления этого согласия, за исключением рассмотренного выше случая, не требуется. В реальной действительности это невозможно, а лично-доверительные отношения между супругами делают это и ненужным. Поэтому каждый из супругов самостоятельно определяет характер и содержание своих действий по осуществлению правомочий владения и пользования общим имуществом. Специфика супружеских отношений, их доверительный характер порождают ситуации, при которых некоторые действия одного из супругов могут повлечь правовые последствия и для другого супруга. Так, уничтожив вещь, входящую в состав общего имущества, один из супругов прекращает не только свое право собственности на нее, но и право собственности второго супруга. Наоборот, создавая какую-либо вещь за счет общих средств (например, изготовив мебель для семьи), супруг создает право собственности на нее не только для себя, но и для другого супруга.

В ряде случаев автономное (независимое от воли другого супруга) регулирование своего поведения по поводу владения и пользования общим имуществом невозможно. Например, если у супругов в общей собственности один автомобиль, которым желают пользоваться как муж, так и жена, они могут своим соглашением определить порядок пользования им (установить определенные дни, часы, в которые им пользуется каждый из супругов) во избежание дальнейших конфликтов. В этих случаях будет иметь место координационное индивидуальное правовое регулирование.

Координационное (договорное) регулирование имущественных отношений супругов приобрело весьма широкое распространение благодаря изменению семейного законодательства в середине 90-х гг. XX в. Средством координационного регулирования всегда выступает договор. Все договоры, регулирующие имущественные отношения супругов, в зависимости от предмета регулирования могут быть разделены на три вида: договоры, определяющие режим имущества; договоры, регулирующие обязательственные отношения супругов; договоры, обладающие сложной структурой. К первым можно отнести соглашение об определении долей в общем имуществе, а также соглашение о разделе общего имущества супругов. Ко второму виду относится соглашение об уплате алиментов. Наконец, сложным по своей структуре является брачный договор, поскольку он может сочетать условия, определяющие режим имущества, а также регулировать обязательственные отношения супругов. Вместе с тем нельзя исключать и иные соглашения, регулирующие имущественные отношения супругов.

Стоит отметить, что в отличие от брачного договора соглашения об определении долей в общем имуществе и о разделе общего имущества практически не урегулированы Семейным кодексом РФ. Так, вывод о возможности заключения соглашения об определении долей в общем имуществе можно сделать на основе анализа п. 1 ст. 39 СК РФ, а также Основ законодательства Российской Федерации о нотариате [7]. В соответствии со ст. 74 Основ супруги могут обратиться с совместным заявлением о выдаче им свидетельства о праве собственности на долю в общем имуществе. Очевидно, в данном случае также имеет место взаимное волеизъявление супругов, предполагающее достижение ими согласия по вопросам установления нажитого в браке имущества режима долевой собственности, в том числе и определение раз-

мера долей каждого из них в праве на общее имущество. Подача заявления является лишь последствием достижения соглашения и одним из способов оформления волеизъявления супругов, но не является собственно соглашением. Однако нельзя не заметить, что сохранение указанного института является скорее данью традиции, нежели объективной необходимостью. Доли супругов в праве на общее имущество в целом либо на отдельные объекты могут быть определены посредством брачного договора, который подлежит нотариальному удостоверению. По сути, речь идет о наличии институтов, которые в определенной степени дублируют друг друга. Думается, что с появлением в российской правовой действительности такого регулятора, как брачный договор, наличие подобного заявления, как и самого свидетельства, представляется излишним. Указанный вывод подтверждается и положениями проекта Федерального закона № 398234-6 «О нотариате и нотариальной деятельности» [8]. В названном проекте упоминание свидетельства о праве собственности на долю в общем имуществе отсутствует.

Субординационное индивидуальное правовое регулирование осуществляется чаще всего при наличии спора между супругами. Результатом разрешения спора является вынесение правоприменительного акта. Анализ действующего законодательства позволяет относить к таким актам решения судов, в том числе третейских. Семейное законодательство содержит большое количество оценочных понятий, ситуационных норм, поэтому суды обладают большой свободой усмотрения при разрешении имущественных споров между супругами. Так, «суд вправе отступить от начала равенства долей супругов в их общем имуществе исходя из интересов несовершеннолетних детей и (или) исходя из заслуживающего внимания интереса одного из супругов, в частности, в случаях, если другой супруг не получал доходов по неуважительным причинам или расходовал общее имущество супругов в ущерб интересам семьи» (п. 2 ст. 39 СК РФ). В подобных ситуациях только суд может установить, что именно следует понимать под заслуживающими внимания интересами одного из супругов или несовершеннолетних детей, и исходя из оценки конкретных обстоятельств принять решение, наиболее удовлетворяющее интересам сторон.

К правоприменительным актам относятся не только судебные решения, но и административные акты. Не вызывает сомнений, что административные акты влекут возникновение, изменение или прекращение правоотношений между супругами (например, акт регистрации заключения или расторжения брака). Однако они не выполняют регулятивную функцию, поскольку не определяют содержание супружеских прав и обязанностей, по сути, не оказывают воздействия на само поведение супругов – оно определяется нормами права или индивидуальными актами.

Акты автономного, координационного и субординационного регулирования не всегда следует противопоставлять друг другу. Все они выступают элементами механизма правового регулирования и могут взаимодействовать в той или иной форме. Так, при рассмотрении в суде спора о разделе общего имущества супруги могут прийти к мировому соглашению. Однако данное соглашение подлежит утверждению судом, в противном случае суд продолжает рассмотрение дела по существу. Таким образом, происходит взаимодей-

ствие координационного и субординационного регулирования имущественных отношений супругов.

В литературе к средствам индивидуального регулирования отнесены не только индивидуальные акты, но и иные явления правовой действительности. Так, в качестве средств индивидуального правового регулирования рассматриваются нередко правовые нормы: «Статья 34 СК РФ говорит о том, что имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью. В то же время вещи индивидуального пользования (одежда, обувь и другие), за исключением драгоценностей и других предметов роскоши, хотя и приобретенные в период брака за счет общих средств супругов, признаются собственностью того супруга, который ими пользовался (ст. 36 СК РФ). В этом случае нормативное правовое регулирование дополняется индивидуальным» [9. С. 16]. С этим мнением трудно согласиться, поскольку нормативное и индивидуальное регулирование хотя и тесно связано, но воплощает разные уровни механизма правового регулирования имущественных отношений супругов. В указанной норме речь идет не об индивидуальном регулировании, а об установлении исключений из общего правила, которые распространяются на имущество любых субъектов, состоящих в браке.

Т.В. Кашанина относит к средствам индивидуального правового регулирования правовые нормы (альтернативные; факультативные; нормы, допускающие исключения; нормы, дающие общий ориентир; нормы, допускающие усмотрение без условий и пределов; ситуационные нормы); субсидиарное применение права; договоры; аналогию права [4. С. 127–128]. Приведенный перечень представляется излишне широким. Очевидно, что автор не достаточно четко разграничивает индивидуальное и нормативное регулирование. Конечно, ситуационные, альтернативные и другие указанные Т.В. Кашаниной нормы создают основу свободного усмотрения субъектов. Так, при определении размера алиментов, взыскиваемых на одного из супругов, суд исходит из семейного и материального положения супругов и других заслуживающих внимания интересов сторон (ст. 91 СК РФ). Вместе с тем указанные нормы не утрачивают своего общеобязательного характера – их должен применять любой суд при решении вопроса о взыскании алиментов. Индивидуализация правового регулирования будет происходить посредством вынесения судебного решения с учетом конкретных обстоятельств, применительно к конкретным субъектам. Аналогия права и субсидиарное применение права являются определенными приемами, которые сами по себе, без индивидуального акта, не оказывают регулятивное воздействие на поведение сторон.

Индивидуальное правовое регулирование призвано обеспечить учет интересов конкретного лица, конкретных супругов, а не типичной семейной пары. Благодаря индивидуальному правовому регулированию сохраняется самобытность, уникальность супружеской пары, традиции, сложившиеся между конкретными супругами. Поэтому акты координационного регулирования имеют больший удельный вес, нежели иные индивидуальные акты. В целом индивидуальное правовое регулирование может и должно оказывать положительное воздействие на супружеские отношения, способствовать их укреплению. Чтобы это стало возможным, необходима тщательная проработка механизма индивидуального правового регулирования супружеских отно-

шений, совершенствование и выработка новых средств, учитывающих социальные, психологические и иные факторы, влияющие на взаимоотношения в семье.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Краснояружский С.Г.* Индивидуальное правовое регулирование (Общетеоретический аспект) // Государство и право. 1993. № 7. С. 127–135.
2. *Иванов В.В.* Общая теория договора. М.: Юрист, 2006. 238 с.
3. *Казанцев В.Ф.* Правовое договорное регулирование: исходные общетеоретические вопросы // Научный ежегодник Ин-та философии и права Уральского отделения Рос. акад. наук. Екатеринбург, 2001. Вып. 2. С. 249–258.
4. *Кашианина Т.В.* Индивидуальное регулирование в правовой сфере // Советское государство и право. 1992. № 1. С. 122–130.
5. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 25.11.2013) // СПС «КонсультантПлюс».
6. *Скобликова Е.Л.* Правовая природа согласия супруга на совершение другим супругом сделки по распоряжению общим имуществом: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 22 с.
7. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате. Утв. ВС РФ 11.02.93 № 4462-1 (ред. от 5.04.13) // СПС «КонсультантПлюс»
8. Проект Федерального закона № 398234-6 «О нотариате и нотариальной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».
9. *Минникес И.А.* Элементы индивидуального правового регулирования в семейном праве // Семейное и жилищное право. 2007. № 5. С. 16–20.

Bagrova Natalia V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

ON THE MEANS OF INDIVIDUAL LEGAL REGULATION OF PROPERTY RELATIONS OF SPOUSES.

Key words: individual legal regulation, individual act, agreement, transaction, property relations of spouses.

The article examines the means of individual legal regulation of property relations of spouses. The problem of the above means is a debatable one both in the theory of law and in branch legal sciences. Having analyzed different viewpoints, the author came to the conclusion that an individual legal act is the main instrument of individual legal regulation of property relations of spouses. Each type of individual legal regulation has its own form of individual acts. Thus, autonomous regulation is exercised with the help of unilateral acts, a coordinative one with the help of agreements and subordinated regulation is exercised with the help of enabling legislation. Unilateral acts include the consent of one of the spouses to his/her marital partner to make transactions with their matrimonial property. Such consent should determine not only the subject of a transaction but other conditions to be observed.

Acts of coordinative regulation play a leading role in the streamlining of marital property relations. Agreements mentioned in the Family Code of the Russian Federation are: marriage contract, separate property agreement and alimony agreement. The author concludes that legislators don't exclude the existence of other agreements regulating marital property. But legislation in the sphere of property relations of spouses lacks clarity.

The article states that court decision is the principal form of subordinated regulation of property relations of spouses. The means under analyses don't cover administrative acts. The author has examined the statement provided in legal literature that means of individual legal regulation should include legal norms and thinks that rules of law represent the basis for individual regulation but cannot be considered its means.

In the end of the article the author comes to the conclusion that coordinative regulation acts should be of primary importance because they represent the mutually agreed declaration of intents of spouses and take into account the interests of both parties of marital legal relationship. Further development of both the system of means of individual legal regulation and legislation will help to ensure the interests of the family on the whole, promote the performance of its social functions and maintain family relations in case of conflicts.

REFERENCES

1. *Krasnoyarskiy S.G.* Individual'noe pravovoe regulirovanie (Obscheteoreticheskiy aspekt) // Gosudarstvo i pravo. 1993. № 7. S. 127–135.

2. *Ivanov V.V.* Obschaya teoriya dogovora. M.: Yurist', 2006. 238 s.
3. *Kazanzev V.F.* Pravovoe dogovornoe regulirovanie: ischodnye obscheteoreticheskie vo-prosy // Nauchnyy ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Ros. akad. nauk. Ekaterinburg, 2001. Vyp. 2. S. 249–258.
4. *Kashanina T.V.* Individual'noe regulirovanie v pravovoy sfere // Sovetskoe gosudar-stvo i pravo. 1992. № 1. S. 122–130.
5. *Semeynyy kodeks Rossiyskoy Federazii* ot 29.12.1995 № 223-FZ (red. ot 25.11.2013) // SPS «Kon-sul'tantPlyus».
6. *Skoblikova E.L.* Pravovaya priroda soglasiya suprug na sovershenie drugim suprugom sdelki po rasporyazheniyu obschim imuschestvom: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2011. 22 s.
7. *Osnovy zakonodate'l'stva Rossiyskoy Federazii o notariate.* Utv. VS RF 11.02.93 № 4462-1 (red. ot 5.04.13) // SPS «Konsul'tantPlyus»
8. *Proekt Federal'nogo zakona № 398234-6 «O notariate i notarial'noy deyatel'no-sti»* // SPS «Kon-sul'tantPlyus».
9. *Minnikes I.A.* Elementy individual'nogo pravovogo regulirovaniya v semeynom pra-ve // *Semeynoe i zhilishchnoe pravo.* 2007. № 5. S. 16–20.

УДК 347.413

А.С. Бакин

СУБЪЕКТЫ СУБСИДИАРНОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

В статье рассматривается вопрос о субъектах субсидиарного обязательства. На основе анализа норм действующего гражданского законодательства и теоретических представлений выявлены некоторые проблемы правового регулирования статуса субъектов субсидиарной ответственности, в частности связанные с возможностью возложения субсидиарной ответственности на лиц, не обладающих полной дееспособностью.

Ключевые слова: субсидиарное обязательство, правоспособность, субсидиарная ответственность, предприниматель, юридическое лицо.

Рассмотрение вопроса о субъектах субсидиарного обязательства необходимо предварить вводными замечаниями. Субсидиарное обязательство является разновидностью гражданского обязательственного правоотношения. Такое обязательство рассматривается как охранительное гражданское правоотношение, в форме которого реализуется субсидиарная ответственность [1]. Согласно общепризнанному мнению, участниками гражданского правоотношения могут выступать субъекты гражданского права, характеризующиеся правоспособностью (ст. 17 и 49 ГК РФ) и дееспособностью (ст. 21 ГК РФ). Правоспособность отражает такое качество лица, как возможность иметь гражданские права и обязанности. «Дееспособность в отличие от правоспособности рассматривается как активное свойство, предполагающее способность к совершению волевых актов, имеющих юридическое значение, и к деятельности по осуществлению прав и обязанностей» [2]. Для этого необходимо обладать сознательной и самостоятельной волей, которая накапливается у человека постепенно, по мере его развития, взросления. Поэтому закрепление в законе возраста достижения дееспособности вытекает из естественного представления о развитии человека, становлении его личности. Соответствующие требования о достижении определенного возраста для возникновения полной дееспособности (в отношении физических лиц) установлены и в других современных правовых порядках, например в Германии¹. В соответствии с ГК РФ правоспособность признается за всеми гражданами (физическими лицами) с момента рождения (ст. 17) и юридическими лицами – с момента создания (ст. 49 и 51). Помимо физических и юридических лиц, в гражданских правоотношениях могут принимать участие субъекты «публичного права» – РФ, ее субъекты, муниципальные образования (ст. 124 ГК).

В связи с тем, что ГК РФ не содержит специальных правил о субсидиарных обязательствах (в том числе и о субъектах таких обязательств), а в форме субсидиарного обязательства реализуется субсидиарная ответственность, для

¹ Согласно § 2 ГГУ полная дееспособность наступает по достижении восемнадцатилетнего возраста [3].

изучения вопроса о субъектах субсидиарного обязательства необходимо обратиться к анализу отдельных случаев субсидиарной ответственности, предусмотренных гражданским законодательством. К ним относится субсидиарная ответственность участников юридических лиц (полных товарищей, участников обществ с дополнительной ответственностью, членов кооперативов (ст. 75, 95, 107 ГК)), собственников имущества унитарных предприятий (ст. 115 ГК), учреждений (ст. 120 ГК), членов ассоциаций (союзов) (ст. 123 ГК), субсидиарная ответственность поручителя (ст. 363 ГК), субсидиарная ответственность по требованиям получателя ренты (ст. 586 ГК). Субсидиарную ответственность несет пользователь за вред, причиненный правообладателю действиями вторичных пользователей (ст. 1029 ГК), правообладатель по предъявленным к пользователю требованиям из ненадлежащего качества товаров (работ и услуг) (ст. 1034 ГК), законные представители несовершеннолетних от 14 до 18 лет за вред, причиненный последними (ст. 1074 ГК), а также иные лица в других случаях, предусмотренных законом¹. Субсидиарная ответственность также может быть возложена в случае банкротства юридического лица (абз. 2 п.3 ст. 56 ГК).

Упомянутые нормы не устанавливают каких-либо общих запретов на участие в субсидиарных обязательствах той или иной категории субъектов гражданского оборота. Поэтому участниками субсидиарных отношений могут выступать все категории субъектов гражданского права (физические лица, юридические лица и публично-правовые образования). Что, однако, не означает способности физического лица, юридического лица или, например, публично-правового образования быть участником любого субсидиарного обязательства, это зависит от конкретного случая (вида) субсидиарной ответственности. Возможность того либо иного субъекта гражданского права быть субъектом субсидиарного обязательства определяется правовой природой конкретного правоотношения. Поэтому в первую очередь необходимо установить способность такого лица быть участником правоотношения, в котором установлена субсидиарная ответственность. Представляется, что именно особенности регулирования определяют разного рода ограничения или дополнительные условия для субъектов субсидиарной ответственности в конкретном правоотношении. Например, участниками полного товарищества могут быть только субъекты предпринимательской деятельности, что вытекает из положений ст. 69 ГК РФ. ФЗ «О континентальном шельфе» (ст. 7) субъектом соответствующих субсидиарных отношений называет лицо, имеющее специальное разрешение на осуществление отдельных видов деятельности (ст. 9 ФЗ «О недрах» [5]). Однако сама по себе возможность возложения субсидиарной ответственности не имеет определяющего влияния на субъекта субсидиарного обязательства, так же как статус предпринимателя без образования юридического лица или лицензирование не являются следствием нормативного закрепления субсидиарной ответственности в данном правоотношении. Такая ответственность вытекает из существа самого отно-

¹ См., напр.: Федеральный закон от 30.11.1995 «О континентальном шельфе Российской Федерации» 187-ФЗ, ст. 22.2 которого закрепляет субсидиарную ответственность пользователя недр на случай вреда, причиненного окружающей среде, здоровью и имуществу граждан, имуществу юридических лиц эксплуатирующей организацией при разливах нефти и нефтепродуктов [4].

шения: для товарищества в силу того, что его участники занимаются предпринимательской деятельностью от общего имени; для пользователя недр ввиду того, что непосредственные работы на шельфе может вести привлеченный на основании договора субъект - исполнитель.

Среди всех участников субсидиарных обязательств следует выделить физических лиц, для которых правоспособность и дееспособность возникают не одновременно. С момента возникновения полной дееспособности гражданин лично несет субсидиарную ответственность. Могут ли несовершеннолетние лица, не обладающие полной дееспособностью, быть субъектами субсидиарной ответственности? Ответ на этот вопрос зависит от упомянутой возможности недееспособного лица участвовать в соответствующем правоотношении.

Рассмотрим в качестве примера участие таких субъектов в юридических лицах. Анализ законодательства показал, что ГК РФ и другие нормативно-правовые акты содержат правила, которые позволяют несовершеннолетним быть участниками юридических лиц. Так, например, в п. 2 ст. 26 ГК РФ и п. 1 ст. 7 Федерального закона «О производственных кооперативах»¹ закреплена возможность несовершеннолетнего, достигшего возраста 16 лет, быть членом (участником) кооператива. В свою очередь, ст. 13 указанного закона, установила субсидиарную ответственность членов кооператива по его обязательствам в порядке, предусмотренном уставом кооператива. Таким образом, несовершеннолетний в возрасте от 16 до 18 лет, не имеющий полной дееспособности, будучи членом производственного кооператива (далее – ПК), может быть субъектом субсидиарной ответственности в силу прямого указания закона². Аналогичные правила о субсидиарной ответственности участников установлены в ст. 1, 13 и 37 ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации»³. Статья 116 ГК РФ и законы о потребительской кооперации также закрепляют, несмотря на отсутствие необходимости трудового участия, возможность членства с 16 лет⁴. Это оправдано, как представляется, целью таких кооперативов и ограничением объема субсидиарной ответственности членов по его обязательствам в пределах невнесенной части дополнительного взноса каждого из членов кооператива (абз. 4 ст. 116 ГК).

Следует обратить внимание на изменения, внесенные в ГК РФ в рамках реформы гражданского законодательства относительно крестьянского (фермерского) хозяйства (далее – КФХ)⁵. Согласно ФЗ от 11.06.2003 «О крестьян-

¹ Федеральный закон «О производственных кооперативах» от 08.05.1996 № 41-ФЗ в ред. от 30.11.2011 г. // СПС «КонсультантПлюс».

² Снижение возраста членства в ПК и КФХ с учетом правила о трудовой дееспособности (абз. 3 ст. 20 Трудового кодекса РФ) представляется вполне обоснованным в связи с необходимостью их личного, как правило, трудового участия в деятельности.

³ Федеральный закон от 08.12.1995 № 193-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «О сельскохозяйственной кооперации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Статья 11 Федерального закона от 18.07.2009 № 190-ФЗ (ред. от 30.11.2011) «О кредитной кооперации» // СПС «КонсультантПлюс»; ст. 5 Федерального закона от 30.12.2004 № 215-ФЗ (ред. от 30.11.2011) «О жилищных накопительных кооперативах» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Федеральный закон «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 30.12.2012 № 302-ФЗ (в ред. от 04.03.2013) // СПС «КонсультантПлюс».

ском (фермерском) хозяйстве» КФХ не является юридическим лицом¹. Статья 86.1 ГК предусматривает возможность создать крестьянское (фермерское) хозяйство в виде юридического лица и закрепляет обязанность его членов нести по обязательствам КФХ субсидиарную ответственность (абз. 2 п. 4). ГК не устанавливает никаких ограничений по объему или срокам такой ответственности. Согласно п. 5 ст. 86.1 ГК особенности правового положения фермерского хозяйства, созданного в качестве юридического лица, определяются законом, который в настоящее время ещё не принят, поэтому актуален вопрос о возрасте его членов: 16 лет, как в КФХ без образования юридического лица, либо 18 лет или меньше, но при условии приобретения полной дееспособности. Первый вариант представляется вполне приемлемым, так как в обоих случаях речь идет о добровольном объединении граждан, осуществляющих производственную или иную хозяйственную деятельность, основанную на их личном (трудовом) участии. Таким образом, если правила о возрасте участников КФХ – юридических лиц не будут изменены специальным законом, то несовершеннолетние и в этом случае смогут выступать субъектами субсидиарной ответственности.

Гражданское законодательство не содержит норм, прямо регулирующих участие несовершеннолетних в хозяйственных товариществах и обществах. Поэтому для решения вопроса о такой возможности необходимо обратиться к общим правилам ГК, в ст. 18 которого установлено, что «граждане могут... создавать юридические лица самостоятельно или совместно с другими гражданами и юридическими лицами...» При этом системное толкование ст. 18 иных норм ГК (п. 2 ст. 48, 52, 69, 87, 88, 97), а также правил законов о хозяйственных обществах позволяют сделать вывод, что в правоспособность физического лица включается не только право создавать, но и право участия в юридическом лице. В настоящее время случаи участия несовершеннолетних в юридических лицах достаточно редки, однако представляется, что по мере дальнейшего развития гражданского оборота их число, возможно, увеличится.

По вопросу об участии несовершеннолетних в различного рода коммерческих юридических лицах в литературе высказаны разные мнения. Так, например Г.Ш. Чернова на основании анализа нормативных актов, регулирующих деятельность хозяйственных товариществ и обществ, сделала вывод о возможности несовершеннолетнего быть членом таких юридических лиц при условии достижения возраста 14 лет [2]. Это и подобные мнения справедливы для товариществ; так, согласно п. 4 ст. 66 ГК физическому лицу необходимо обладать статусом индивидуального предпринимателя, который несовершеннолетний может получить с согласия родителей, по достижении возраста 14 лет². Другими отмечается неурегулированность случаев участия несовершеннолетних, в том числе и малолетних, в корпоративных отношениях [6, 7]. Действительно, возможны иные случаи получения прав, связанных с членством в юридическом лице несовершеннолетними. Одна из возможных и реально встречающихся ситуаций – переход прав, связанных с участием в

¹ Федеральный закон «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» от 11.06.2003 № 74-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // СПС «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон от 08.08.2001 «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» № 129-ФЗ (ред. от 21.12.2013) // СПС «КонсультантПлюс».

юридическом лице, в порядке наследственного правопреемства¹. Судебная практика скудна, но все же имеется. Так, ФАС Уральского округа в своем постановлении² признал законными судебные акты нижестоящих инстанций, которые подтвердили право малолетнего быть участником хозяйственного общества.

Приведенные аргументы дают основания полагать, что участником юридических лиц, а значит, субъектом субсидиарной ответственности в случаях, предусмотренных законом, могут быть не только несовершеннолетние, достигшие 16 лет, но и несовершеннолетние младшего возраста (с 14 лет – в качестве полных товарищей в хозяйственных товариществах, без ограничения возраста – в хозяйственных обществах: для обществ с ограниченной ответственностью, например, в случае, предусмотренном п. 2 ст. 68 ГК РФ, а также для обществ с дополнительной ответственностью (п. 1 ст. 95))³.

Следует, однако, заметить, что указанная выше возможность малолетних и несовершеннолетних быть участниками (акционерами) хозяйственных обществ не свидетельствует о допустимости применения к таким субъектам субсидиарной ответственности в порядке, предусмотренном абз. 2 п. 3 ст. 56 ГК РФ. Это правило возлагает дополнительную ответственность на учредителей (участников) юридического лица в случае, если такие участники имеют право давать обязательные для этого юридического лица указания либо иным образом имеют возможность определять его действия. Реализация прав малолетних и несовершеннолетних осуществляется ими самостоятельно в пределах, установленных законом (ст. 28 и 26 ГК РФ), либо через законных представителей. Думается, что право на управление юридическим лицом (за исключением товариществ) может быть осуществлено только через иных лиц. Такое несамостоятельное осуществление прав по управлению юридическим лицом препятствует применению к малолетнему, несовершеннолетнему субсидиарной ответственности в случае, предусмотренном абз. 2 п. 3 ст. 56 ГК РФ.

Литература

1. Бакин А.С. Понятие субсидиарного обязательства в гражданском праве РФ // Вестн. Том. гос. ун-та. 2010. № 339. С. 91–94.

2. Чернова Г.Ш. Некоторые вопросы гражданско-правового положения несовершеннолетних по новому гражданскому законодательству России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1997. 23 с. URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=125623> (дата обращения: 15.01.2014).

3. Bürgerliches Gesetzbuch. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bundesrecht/bgb/gesamt.pdf> (accessed: 15.01.2014).

4. Федеральный закон от 30.11.1995 № 187-ФЗ «О континентальном шельфе» (ред. от 30.09.2013) // СПС «КонсультантПлюс».

¹ Например, наследование долей в уставном капитале ООО, акций в АО.

² Постановление ФАС Уральского округа № Ф09-9243/08-С4 от 10 декабря 2008 г. по делу № А07-3802/2008-А-РСА // СПС «КонсультантПлюс».

³ Следует отметить, что предложение отказаться от такой организационно-правовой формы, как общество с дополнительной ответственностью, было высказано в Концепции развития гражданского законодательства (разд. III, п. 4.1.4). В соответствии с проектом изменений ГК РФ данный вид юридического лица должен быть исключен. Однако до настоящего времени соответствующие изменения в раздел ГК РФ о юридических лицах не приняты.

5. Закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах» (ред. от 28.12.2013) // СПС «Консультант-Плюс».

6. Тарасова А.Е. Направления развития российского законодательства о физических лицах как субъектах частных отношений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 9. С. 92–104.

7. Тарасова А.Е. Правосубъектность граждан. Особенности правосубъектности несовершеннолетних, их проявления в гражданских правоотношениях. М.: Волтерс Клувер, 2008. 320 с. // СПС «КонсультантПлюс».

Bakin Anton S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

SUBJECTS OF SUBSIDIARY OBLIGATIONS.

Key words: subsidiary obligations, subjects, legal capacity, subsidiary liability, incapable people.

The article deals with the subjects of subsidiary obligations. A subsidiary obligation is a relative civil legal relationship of a protective character in the form of which subsidiary liability is realized. Some problems of legal regulation of the status of subsidiary liability are given on the basis of the norms of current civil legislation and theoretical models connected, in particular, with the subsidiary liability of the people wanting legal capacity.

Civil legislation doesn't contain general prohibitions or orders with regard to any category of the civil law subjects. This doesn't imply the possibility of resting subsidiary liability on any person. Substantive relations create subsidiary liability. In other words, not the possibility to be brought to subsidiary liability is important for being a subject of subsidiary obligations but the possibility to be the subject of principal legal relationship.

Law restricts the rights of juveniles in the sphere of civil circulation, legal representatives compensate for their legal capacity. But there are some exceptions from the rule in civil legislation. The study of the rules of the Civil Code of the Russian Federation where some specific cases of subsidiary liability connected with the participation of legal entities are enshrined showed that both juveniles at the age of 14-18 and minors under 14 can be the subjects of subsidiary obligations. Such cases are stipulated in the provisions on cooperatives where membership is possible from the age of 14; on full partnership where it is possible to acquire the entrepreneur status from the age of 14 and without obligatory emancipation; in economic societies in relation to the possibility to get corresponding shares or stock certificates e.g. hereditably.

REFERENCES

1. *Bakin A.S.* Ponyatie subsidiarnogo obyazatel'stva v grazhdanskom prave RF // Vestn. Tom. gos. un-ta. 2010. № 339. S. 91–94.
2. *Chernova G.Sh.* Nekotorye voprosy grazhdansko-pravovogo polozheniya nesovershennolet-nich po novomu grazhdanskomu zakonodatel'stvu Rossii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. SPb., 1997. 23 s. URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=125623> (data obrascheniya: 15.01.2014).
3. *Bürgerliches Gesetzbuch.* URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bundesrecht/bgb/gesamt.pdf> (data obrascheniya: 15.01.2014).
4. *Federal'nyy zakon* ot 30.11.1995 № 187-FZ «O kontinental'nom shel'fe» (red. ot 30.09.2013) // SPS «Konsul'tantPlyus».
5. *Zakon RF* ot 21.02.1992 № 2395-1 «O nedrach» (red. ot 28.12.2013) // SPS «Konsul'tant-Plyus».
6. *Tarasova A.E.* Napravleniya razvitiya rossiyskogo zakonodatel'stva o fizicheskikh lizach kak sub'ektach chastnykh otnosheniy // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2013. № 9. S. 92–104.
7. *Tarasova A.E.* Pravosub'ektnost' grazhdan. Osobennosti pravosub'ektnosti nesover-shennoletnich, ich proyavleniya v grazhdanskikh pravootnosheniyach. M.: Volters Kluver, 2008. 320 s. // SPS «Konsul'tant-Plyus».

УДК 347.233.5

М.П. Имекова

СООТНОШЕНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ КАТЕГОРИЙ «РАСПОРЯЖЕНИЕ» И «ОТЧУЖДЕНИЕ»

Статья посвящена сравнительному анализу гражданско-правовых категорий «распоряжение» и «отчуждение». В результате данного анализа устанавливается соотношение отчуждения с иными действиями по распоряжению имуществом, кроме этого, приводится классификация всех действий по распоряжению имуществом.

Ключевые слова: субъективное право собственности, распоряжение, отчуждение.

В гражданско-правовой доктрине при изучении категории «отчуждение» выявляется следующая закономерность: большинство ученых, раскрывая содержание субъективного права собственности, указывают на то, что отчуждение является частным случаем правомочия распоряжения [1. С. 23; 2. С. 52; 3. С. 47; 4. С. 120; 5. С. 285]. Вместе с тем есть исследователи, которые, как представляется, ввиду отсутствия легального определения термина «отчуждение» придерживаются иной позиции и исходят из тождественности гражданско-правовых категорий «отчуждение» и «распоряжение». Так, например, по мнению В.Ф. Маслова, «собственнику принадлежит право распорядиться своим имуществом только путем его отчуждения» [6. С. 76]. А.Б. Бабаев, рассматривая правомочие распоряжения в широком и узком смысле, считает, что «под распоряжением в узком смысле следует понимать отчуждение» [7. С. 261]. При этом в широком смысле под распоряжением автор понимает «возможность совершения собственником таких действий, которые, в конечном счете, приводят к передаче вещи во владение, во владение и (или) пользование другому лицу, обременению вещи, отчуждению или иному способу прекращения права собственности на вещь» [7. С. 261].

Для того чтобы установить, является ли «отчуждение» частным случаем правомочия «распоряжения» либо данные понятия являются тождественными, требуется более подробно рассмотреть содержание субъективного права собственности.

Право собственности в субъективном смысле традиционно определяется как закрепленная за собственником юридически обеспеченная возможность владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим ему имуществом по своему усмотрению путем совершения в отношении этого имущества действий в пределах, установленных законом. Это определение соответствует понятию субъективного права, общепризнанному в юридической литературе как «меры возможного поведения», «возможности действовать определенным образом» [8. С. 11; 9. С. 92].

Категория «возможности» характеризует субъективное право как юридическую свободу лица, которое может, но не обязано действовать. Следовательно, субъективное право собственности предоставляет лицу правовую

возможность не только совершать действия по владению, пользованию и распоряжению принадлежащим ему имуществом, но и воздерживаться от их совершения. Вместе с тем преимущественное закрепление в ГК РФ получили правовые возможности собственника действовать определенным образом. Как представляется, это связано с тем, что к правомочиям владения, пользования и распоряжения сводится всё многообразие дозволенных собственнику действий и каждое из правомочий включает в себя множество конкретных правовых возможностей (действий), которые невозможно точно определить. Исключение составляет лишь правомочие распоряжения: в ГК РФ указываются некоторые конкретные действия по распоряжению принадлежащим собственнику имуществом, и делается это, видимо, для того, чтобы подчеркнуть особое значение правомочия распоряжения в содержании субъективного права собственности, реализация которого способна определить юридическую судьбу вещи. Так, в соответствии с п. 2 ст. 209 ГК РФ «собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц, в том числе отчуждать свое имущество в собственность другим лицам, передавать им, оставаясь собственником, право владения, пользования и распоряжения имуществом, отдавать в залог и обременять его другими способами, распоряжаться им иным образом». Из анализа приведенной нормы следует, что правомочие распоряжения охватывает целый комплекс действий: собственник вправе отчуждать свое имущество, а также совершать иные действия по распоряжению им.

Используемая законодателем в п. 2 ст. 209 ГК РФ при характеристике правомочия распоряжения формулировка о том, что «собственник вправе отчуждать свое имущество в собственность другим лицам», позволяет сделать вывод, что отчуждение как право представляет собой закрепленную за собственником юридически обеспеченную возможность совершить действие по распоряжению имуществом, направленное на смену собственника этого имущества. Этот вывод находит свое подтверждение в абз. 1 п. 2 ст. 218, п. 1 ст. 235, п. 2 ст. 357, п. 1 ст. 585 ГК РФ, ст. 44, 52 ЗК РФ, которые также делают акцент на направленность отчуждения на смену собственника имущества. Кроме действий по отчуждению имущества в п. 2 ст. 209 ГК РФ законодатель выделяет иные действия по распоряжению имуществом, которые, однако, не отличаются направленностью на смену собственника такого имущества. В.А. Белов справедливо отмечает, что все перечисленные в рассматриваемой статье случаи распоряжения имеют различные цели [10. С. 9].

Направленностью на смену собственника имущества обладает еще одно действие по распоряжению имуществом – это завещание (п. 1 ст. 1118 ГК РФ), которое, однако, несмотря на некоторое сходство с отчуждением, нельзя признать таковым в силу следующих причин. С точки зрения классификации юридических фактов завещание является сделкой (ст. 153 ГК РФ). Завещание как сделка имеет ряд особенностей, из числа которых особый интерес составляет ее срочный характер: возникновение прав и обязанностей по завещанию отложено до момента открытия наследства, т.е. до смерти завещателя или объявления его умершим (ст. 1113 ГК РФ). Как известно, смерть прекращает

правоспособность лица, соответственно, завещателя нельзя считать субъектом наследственных правоотношений, возникающих после его смерти. Иначе говоря, завещатель является управомоченным лицом только в смысле прижизненного права завещать. Что же касается наследника, то он является управомоченным лицом на принятие наследства. Однако это право не может быть реализовано в отношении завещателя: до смерти наследник им не обладает, а после смерти завещателя об этом праве наследника можно говорить только относительно третьих лиц, которые не должны препятствовать осуществлению принадлежащего ему права. Изложенное позволяет противопоставить наследственные правоотношения обязательствам, которые имеют две стороны – обязанную (должника) и управомоченную (кредитора), причем первая должна совершить в пользу второй определенное действие и исполнить обязательство надлежащим образом; помимо этого, функции должника и кредитора нередко несут обе стороны обязательства ввиду двустороннего характера многих обязательств [11. Т. 3. С. 584–585]. Отчуждение имущества с точки зрения динамики отношений собственности является обязательством.

Итак, отчуждение от иных случаев распоряжения отличается направленностью на смену собственника имущества. Под сменой собственника следует понимать «переход» субъективного права собственности от одного лица к другому (концепция «перехода прав» («правопреемства»)) [12. С. 5–26; 13. С. 72–96; 14. С. 11–15]. Подтверждением тому являются п. 1 ст. 235, абз. 1 п. 2 ст. 218 ГК РФ, в соответствии с которыми право собственности прекращается при отчуждении собственником своего имущества другим лицам и приобретается другим лицом на основании договора купли-продажи, мены, дарения или иной сделки об отчуждении имущества. Как показывает анализ приведенных норм, при отчуждении имущества право собственности не просто прекращается у отчуждателя и затем возникает у правоприобретателя, а переходит от отчуждателя к правоприобретателю. Одновременное прекращение права собственности у одного лица и его возникновение у другого лица выступает как необходимое условие такого перехода (п. 2 ст. 223 ГК РФ), а также сохранения существующих ограничений и обременений (п. 1 ст. 275, п. 1 ст. 586, п. 1 ст. 617 ГК РФ).

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что под сменой собственника имущества следует понимать именно «переход» субъективного права собственности от одного лица к другому, что, в свою очередь, свидетельствует о зависимости права приобретателя от права отчуждателя, т.е. о правопреемстве и производном приобретении права собственности при отчуждении имущества.

Особый интерес вызывает точка зрения О.Г. Ломидзе о том, что отчуждение субъективного права не всегда сопряжено с преемством права: отчуждение имущества может быть сопряжено как с производным, так и с первоначальным правоприсоединением. В связи с чем автор выделяет две конструкции отчуждения субъективных прав: отчуждение права, сопряженное с преемством, и отчуждение права без преемства. В качестве примеров отчуждения, сопряженного с первоначальным правоприсоединением, т.е. отчуждения права без преемства, О.Г. Ломидзе приводит обращение в собственность общедоступных для сбора вещей; приобретение права собственности на бесхозные

вещи, в том числе движимые вещи, от которых собственник отказался; приобретение права собственности на находку, безнадзорных животных; приобретение права собственности по приобретательной давности [15. С. 67–68].

Как справедливо отмечает Е.И. Буртовая, такие выводы О.Г. Ломидзе делает, исходя из слишком широкого понимания термина «отчуждение» [16. С. 141–142]. Термин «отчуждение», как полагает О.Г. Ломидзе, указывает на то, что «возникновение права у правоприобретателя в отношении конкретного объекта (его части) сопровождается прекращением субъективного права на этот же объект (его часть) у другого субъекта» [15. С. 67–68]. Приведенное определение призвано обозначать более широкое по своему значению понятие, чем «отчуждение», – это понятие «прекращение и приобретение права собственности», которое охватывает целый комплекс различных оснований прекращения и приобретения права собственности, не только отчуждение. В число таких оснований, не являющихся отчуждением, и входят основания, приведенные О.Г. Ломидзе в качестве примеров отчуждения, сопряженного с первоначальным правоприобретением. Ни в одном из перечисленных примеров предшествующий собственник, вне зависимости от того, известен он или нет, не совершает каких-либо действий по распоряжению имуществом, направленных на смену собственника этого имущества¹. Так, при находке лицо, нашедшее потерянную вещь, приобретает право собственности на «вещь, которая выбыла из владения собственника или иного управомоченного на владение лица помимо его воли вследствие потери» (ст. 227, 228 ГК РФ) [17. Т. 1. С. 422]. Аналогичная ситуация складывается при приобретении права собственности на безнадзорное животное (см. ст. 230, 231 ГК РФ). При таких основаниях прекращения и приобретения права собственности, как обращение в собственность общедоступных для сбора вещей и отказ собственника от права на принадлежащее ему имущество, в отличие от отчуждения, которое предполагает одновременное определение нового собственника, подобного не происходит. Предшествующий собственник выражает волю на прекращение принадлежащего ему права собственности без указания правоприобретателя. При обращении в собственность общедоступных для сбора вещей сбор таких вещей в соответствии с законом, общим разрешением, данным собственником, или местным обычаем допускается любыми лицами (ст. 221 ГК РФ). При отказе собственника от права на принадлежащее ему имущество право собственности на такое имущество также может приобрести любое лицо. Для того чтобы отказаться от имущества, собственнику необходимо либо объявить о своем отказе, либо совершить другие действия, определенно свидетельствующие о его устранении от владения, пользования и распоряжения имуществом без намерения сохранить какие-либо права на это имущество (абз. 1 ст. 236 ГК РФ).

¹ Е.И. Буртовая, исходя из того, что «одномоментное возникновение права собственности у одного лица всегда обусловлено его прекращением у другого», делает справедливый вывод о том, что «не может быть двух прав на один и тот же объект, равно как и не может быть бессубъектного права». Такое решение, по мнению автора, «позволяет избежать ситуации, когда имущество временно не имеет собственника, а значит, «выпадает» из гражданского оборота и, кроме того, нет субъекта, обязанного содержать его, обеспечивать его безопасность для окружающих, уплачивать налоги и т.д.» [16. С. 82, 141].

Что касается приобретательной давности, то, как указывается в п. 16 постановления Пленума ВС РФ, Пленума ВАС РФ от 29.04.2010 № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», по данному основанию право собственности может быть приобретено как на бесхозное имущество, так и на имущество, принадлежащее другому собственнику. Согласно п. 1 ст. 225 ГК РФ бесхозным имуществом является имущество, которое не имеет собственника или собственник которого неизвестен либо, если иное не предусмотрено законами, от права собственности на которое собственник отказался (п. 1 ст. 225 ГК РФ)¹. Иными словами, к бесхозному имуществу относится имущество, которым предшествующий собственник не распорядился путем его отчуждения. Соответственно приобретение права собственности на бесхозное имущество по давности владения не является сопряженным с отчуждением.

Определенную сложность составляет ситуация с приобретением по приобретательной давности права собственности на имущество, принадлежащее другому собственнику. В литературе высказывается мысль о том, что поскольку собственник на протяжении всего срока приобретательной давности бездействует, т.е. не осуществляет принадлежащие ему права в отношении имущества по своей воле, не истребует имущество из чужого владения, то он тем самым предоставляет возможность другому лицу приобрести это имущество в свою собственность. В силу чего такое бездействие собственника есть не что иное, как отказ от права собственности на имущество, сопряженный с отчуждением данного права [19. С. 102–104]. Как представляется, отказ собственника от имущества и может выражаться в бездействии, однако это вовсе не свидетельствует о сопряженности такого отказа с отчуждением. Воля собственника, отказывающегося от имущества путем совершения определенных действий, так и бездействия, всегда направлена на прекращение принадлежащего ему права, его не интересует, кто станет новым собственником имущества. Вследствие чего право собственности на такое имущество может приобрести любое лицо.

Таким образом, прекращение права собственности на имущество у одного лица и возникновение права собственности на это имущество у другого лица не всегда являются следствием отчуждения такого имущества. В силу чего именно прекращение права собственности, а не его отчуждение, может как сопровождаться, так и не сопровождаться переходом права к приобретателю, преемством в праве собственности, а приобретение права новым собственником может быть как производным, так и первоначальным.

Вместе с тем проведенное исследование отчуждения с точки зрения его соотношения с категорией «распоряжение» позволяет сделать следующие выводы о месте отчуждения в действиях по распоряжению земельным участком.

¹ В юридической литературе некоторые ученые справедливо отмечают, что легальное определение понятия «бесхозная вещь» требует уточнения. Так, по мнению М.Г. Масевич, «понятие бесхозной вещи имеет практическое значение для случаев, когда по закону эти вещи могут путем завладения быть обращены в собственность любых лиц. Тогда к бесхозным можно отнести только вещи, которые имели собственника и от которых собственник добровольно отказался» [18. С. 175–176].

Все действия по распоряжению в зависимости от их целевой направленности можно условно разделить на следующие группы: действия по отчуждению имущества; действия по передаче собственником имущества, но с сохранением права собственности на это имущество за собой (например, аренда, доверительное управление и др.); действия, направленные на обременение имущества (в частности, залог); действия, направленные на смену собственника имущества на случай смерти собственника такого имущества (завещание); действия, направленные на прекращение права собственности на имущество (отказ лица от права собственности на имущество) [10. С. 10; 20. С. 180–183]. Приведенная классификация служит ярким доказательством того, что отчуждение является единственным действием по распоряжению имуществом, направленным на смену собственника этого имущества. Исключение, конечно, составляет завещание, однако специфика возникающих на основании завещания правоотношений позволяет утверждать, что завещание не является его отчуждением.

Литература

1. Мейер Д.И. Русское гражданское право. СПб.: Издание Николая Тиблена, 1864. Ч. 1. 650 с.
2. Толстой Ю.К. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР. СПб.: Изд-во ЛГУ, 1955. 218 с.
3. Еремеев Д.Ф. Право личной собственности в СССР. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1958. 152 с.
4. Тархов В.А. Советское гражданское право. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1978. Ч. 1. 230 с.
5. Победоносцев К.П. Курс Гражданского права. Ч. 1: Вотчинные права. М.: Статут, 2004. 800 с.
6. Маслов В.Ф. Осуществление и защита права личной собственности в СССР. М.: Госюриздат, 1961. 235 с.
7. Бабаев А.Б. Система вещных прав. М.: Волтерс Клувер, 2007. 408 с.
8. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1950. 366 с.
9. Малеев Н.С. Гражданский закон и права личности в СССР. М.: Юрид. лит., 1981. 216 с.
10. Белов В.А. Отчуждение и приобретение по российскому Гражданскому кодексу (понятийно-терминологическая сторона вопроса) // Законодательство. 2006. № 7. С. 8–19.
11. Гражданское право: учеб.: в 3 т. / под ред. А.П. Сергеева. М.: РГ-Пресс, 2011. Т. 3. 800 с.
12. Черепахин Б.Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву. М.: Госюриздат, 1962. 160 с.
13. Васильев Г.С. Переход права собственности на движимые вещи по договору: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 236 с.
14. Носов Д.В. Правопреемство (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 23 с.
15. Ломидзе О.Г. Правонаделение в гражданском законодательстве России: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-н/Д, 2003. 409 с.
16. Буртовая Е.И. Прекращение права собственности по воле собственника в системе оснований и способов прекращения субъективного права собственности по законодательству РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2011. 240 с.
17. Гражданское право: учеб.: в 3 т. / отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. 6-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби: Проспект, 2008. Т. 1. 784 с.
18. Масевич М.Г. Основания приобретения права собственности на бесхозяйные вещи // Проблемы современного гражданского права / под ред. В.Н. Литовкина, В.А. Рахмиловича. М.: Городец, 2000. С. 173–191.

19. Хайруллина Н.М. Приобретательная давность: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 182 с.

20. Култышев С.Б., Шевченко А.С. Современные подходы к вопросам распоряжения субъективными гражданскими правами // Изв. вузов. Правоведение. 2008. № 4. С. 173–183.

Imekova Maria P. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

INTERRELATIONS OF CIVIL DEFINITIONS “ALIENATION” AND “DISPOSITION”.

Key words: subjective right of ownership, disposition, alienation.

Absence of a legal definition of the term “alienation” in civil law has led to the existence of ambiguous conclusions with regard to the qualification of such a phenomenon as alienation of property. Some scientists think that the notions “alienation” and “disposition” can be considered as synonyms but others unfoundedly interpret the term “alienation” loosely using it to describe the phenomena which are not essentially such.

The author of the article carried out research into the legal nature of the above categories and came to the conclusion that eligibility of disposition includes the complex of different actions: the owner has the right not only to alienate his or her property but to perform other actions as well. Moreover, it has been ascertained that alienation unlike other actions connected with disposition of property is aimed at the change of owner while other actions pursue different aims. It is this difference in goals that allows to divide the actions connected with disposition of property into the following groups: actions with alienation of property, actions of the owner with transfer of authority of ownership, use and disposition of property while retaining the right to this property (e.g. rent and mortgage); actions aimed at the change of the owner of property in the case of death (a will); actions aimed at termination of rights to property (waiver of ownership). The above classification is a brilliant proof of the fact that alienation is the only action with disposition of property that is aimed at the change of the owner of this property. The will is an exception but the specificity of legal relations under the will enables to state that bequeathing of property doesn't mean its alienation.

REFERENCES

1. Meyer D.I. Russkoe grazhdanskoe pravo. SPb.: Izdanie Nikolaya Tiblena, 1864. Ch. 1. 650 s.
2. Tolstoy Yu.K. Soderzhanie i grazhdansko-pravovaya zaschita prava sobstvennosti v SSSR. SPb.: Izd-vo LGU, 1955. 218 s.
3. Eremeev D.F. Pravo lichnoy sobstvennosti v SSSR. M.: Gos. izd-vo yurid. lit., 1958. 152 s.
4. Tarchov V.A. Sovetskoe grazhdanskoe pravo. Saratov: Izd-vo Saratov. un-ta, 1978. Ch. 1. 230 s.
5. Pobedonoshev K.P. Kurs Grazhdanskogo prava. Ch. 1: Votchinnye prava. M.: Statut, 2004. 800 s.
6. Maslov V.F. Osuschestvlenie i zaschita prava lichnoy sobstvennosti v SSSR. M.: Gosyur-izdat, 1961. 235 s.
7. Babaev A.B. Sistema veschnykh prav. M.: Volters Kluver, 2007. 408 s.
8. Bratus' S.N. Sub'ekty grazhdanskogo prava. M.: Gos. izd-vo yurid. lit., 1950. 366 s.
9. Malein N.S. Grazhdanskiy zakon i prava lichnosti v SSSR. M.: Yurid. lit., 1981. 216 s.
10. Belov V.A. Otchuzhdenie i priobretenie po rossiyskomu Grazhdanskomu kodeksu (ponya-tiynno-terminologicheskaya storona voprosa) // Zakonodatel'stvo. 2006. № 7. S. 8–19.
11. Grazhdanskoe pravo: ucheb.: v 3 t. / pod red. A.P. Sergeeva. M.: RG-Press, 2011. T. 3. 800 s.
12. Cherepachin B.B. Pravopreemstvo po sovetскому grazhdanskomu pravu. M.: Gosyurizdat, 1962. 160 s.
13. Vasil'ev G.S. Perechod prava sobstvennosti na dvizhimye veschi po dogovoru: dis. ... kand. yurid. nauk. SPb., 2006. 236 s.
14. Nosov D.V. Pravopreemstvo (teoretiko-pravovoe issledovanie): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2011. 23 s.
15. Lomidze O.G. Pravonadelenie v grazhdanskom zakonodatel'stve Rossii: dis. ... d-ra yurid. nauk. Rostov-n/D, 2003. 409 s.
16. Burtovaya E.I. Prekraschenie prava sobstvennosti po vole sobstvennika v sisteme os-novaniy i sposobov prekrascheniya sub'ektivnogo prava sobstvennosti po zakonodatel'stvu RF: dis. ... kand. yurid. nauk. Tomsk, 2011. 240 s.
17. Grazhdanskoe pravo: ucheb.: v 3 t. / otv. red. A.P. Sergeev, Yu.K. Tolstoy. 6-e izd., pe-rerab. i dop. M.: TK Velbi: Prospekt, 2008. T. 1. 784 s.

18. *Masevich M.G.* Osnovaniya priobreteniya prava sobstvennosti na beschozyaynye veschi // Problemy sovremennogo grazhdanskogo prava / pod red. V.N. Litovkina, V.A. Rachmilovicha. M.: Gorodez, 2000. S. 173–191.
19. *Chayrullina N.M.* Priobretatel'naya давност': voprosy teorii i praktiki: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2006. 182 s.
20. *Kultyshev S.B., Shevchenko A.S.* Sovremennye podchody k voprosam rasporyazheniya sub'ektivnymi grazhdanskimi pravami // Izv. vuzov. Pravovedenie. 2008. № 4. S. 173–183.

УДК 347.43

Н.Г. Соломина

К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ ОСНОВАНИЙ ПРЕКРАЩЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

В данной статье предлагается рассматривать достижение экономической цели обязательства в качестве признака, позволяющего выстроить оптимальную систему оснований прекращения обязательств.

Ключевые слова: обязательство, система оснований прекращения обязательств, экономическая цель, правовой результат, имущественный интерес.

В основе возникновения того или иного обязательства всегда лежит определенный юридический факт, существо которого оказывает влияние на формирование условий обязательства. Но какими бы ни были эти условия, предполагается, что исполнение обязательства в соответствии с его условиями всегда приведет к его прекращению, а соответственно, и к удовлетворению имущественного интереса кредитора, что, в свою очередь, будет свидетельствовать о достижении экономической цели обязательства. Вместе с тем не исключена ситуация, что интерес кредитора на любой стадии развития обязательства может измениться (трансформироваться). Такое изменение может быть обусловлено процессами, протекающими как вовне (внешний фактор), так и внутри обязательства (внутренний фактор).

Внешний фактор соответствует экономической среде (экономическому базису), в рамках которой определяются общие условия существования субъектов гражданского права. Любое изменение таких условий подталкивает субъектов к необходимости выбора оптимального поведения, что может оказать влияние на формирование конечной цели соответствующего обязательства. В частности, это может произойти под влиянием существенного изменения обстоятельств, что предопределяет необходимость изменения условий обязательства в силу соглашения сторон либо решения суда, основанного на требовании одной из сторон.

Однако если процессы, протекающие вне обязательства, оказывают влияние на все правоотношения (исполняемые на определенной территории, существующие между определенной группой субъектов, возникающие по поводу определенного объекта), то процессы, протекающие внутри обязательства, затрагивают исключительно динамику последнего. Эти процессы могут затронуть способ исполнения обязательства, и тогда мы будем вести речь о возможности реализации такого основания прекращения обязательства, как зачет встречных однородных требований. Если такими процессами затрагивается предмет исполнения, то интерес кредитора может быть удовлетворен за счет применения отступного. Если такими процессами затрагивается срок исполнения обязательства и оно входит в стадию просрочки, то кредитор, принявший исполнение по ненадлежаще исполненному обязательству в качестве надлежащего, соглашается на изменение условия о сроке исполнения.

Любое изменение в динамике договорного обязательства (в частности, существенное нарушение договора) может быть погашено, а само обязательство приведено в состояние, позволяющее удовлетворить трансформированный интерес кредитора посредством соглашения сторон, односторонними действиями одной из сторон (когда это допускается законом или соглашением сторон), решением компетентного органа и т.д.

Независимо от того, что послужило основанием для изменения условий обязательства (а соответственно, и изменения интереса кредитора), экономическая цель обязательства при его исполнении будет достигнута. Причем это будет уже не та цель, которая была сформирована на стадии возникновения обязательства. Вместе с тем для цели динамики обязательства и реализации трансформированного интереса кредитора значение приобретает исключительно достижение той экономической цели, которая сформировалась в процессе изменения условий обязательства. Это означает, что оценке исполнению обязательства с точки зрения надлежащего исполнения будет даваться с позиции соответствия этого исполнения тем условиям обязательства, которые сформировались на стадии трансформации имущественного интереса кредитора.

Однако возможна ситуация, когда под влиянием внешних или внутренних факторов произойдет такая трансформация интереса кредитора в обязательстве, которая приведет к отпадению экономической цели такового. Отпадение экономической цели обязательства может быть связано с изменением интереса, когда такое изменение затрагивает все сущностные элементы обязательства. В подобной ситуации возникает потребность в применении таких оснований прекращения обязательств, как новация, прощение долга, расторжение договора на основании соглашения сторон. Реализация указанного правового инструментария базируется на отсутствии конфликта между сторонами обязательства. В то же время расторжение договора, основанное на решении суда, односторонний отказ от исполнения договора, как правило, предполагают конфликт, что в итоге приведет к прекращению одного обязательства и возникновению других – самостоятельных охранительных обязательств.

В противовес обязательствам, прекращение которых связано с достижением или отпадением экономической цели, имеют место обязательства, прекращение которых вызвано невозможностью достижения экономической цели по той или иной причине, но не связанных с интересом кредитора. В подобных ситуациях мы ведем речь о реализации следующих оснований прекращения обязательств: совпадение должника и кредитора в одном лице (конфузия), невозможность исполнения, утрата незаменимой вещи, издание акта государственного органа, смерть гражданина, ликвидация юридического лица, решение суда. При этом конфузия, смерть гражданина и ликвидация юридического лица объединяются в подгруппу – основания прекращения обязательства, связанные с отпадением сторон как сущностного элемента любого обязательственного правоотношения.

Таким образом, в основе построения системы оснований прекращения обязательств находится экономический цель обязательства, что позволяет выделить три главные группы оснований прекращения обязательств.

Первая группа – основания прекращения обязательств, которые связаны с достижением экономического цели: исполнение обязательства, предоставление отступного, зачет встречных однородных требований.

Вторая группа – основания прекращения обязательств, связанные с отпадением экономической цели: новация, прощение долга, соглашение сторон (как самостоятельное основание прекращения обязательства), решение суда, односторонний отказ от исполнения договора (обязательства).

Третья группа – основания прекращения обязательств, связанные с невозможностью достижения экономической цели: невозможность исполнения обязательства, утрата незаменимого предмета исполнения обязательства, совпадение должника и кредитора в одном лице (конфузия), смерть гражданина, ликвидация юридического лица, издание акта государственного органа.

В перечне оснований прекращения обязательств выделяются такие, в основе которых лежит соглашение сторон, например новация, прощение долга, договорный зачет. В то же время соглашение сторон может выступать как самостоятельное основание прекращения обязательства, что в первую очередь находит отражение в положениях гражданского законодательства о расторжении договора [1].

Соглашение сторон как самостоятельное основание прекращения обязательства связано с тем, что его стороны обоюдно по каким-либо причинам теряют имущественный интерес, лежащий в основе обязательства. Его предметом выступает прекращение обязательства в отсутствие цели породить новое обязательство. Совершением подобной правопрекращающей сделки стороны желают погасить не только правовую связь между субъективным правом и корреспондирующей этому праву субъективной обязанностью, но и обязательственную связь между собой.

Если же стороны приходят к соглашению, целью которого выступает погашение одного и возникновение другого (нового) обязательства, то тогда можно вести речь о прекращении обязательства новацией. Специфика новации заключается в том, что она одновременно выступает основанием прекращения одного обязательства и основанием возникновения другого. При новации имеет место отпадение экономической цели относительно одного обязательства и формирование новой экономической цели в рамках нового (возникшего) обязательства. При новации трансформируется не экономическая цель обязательства (она отпадает), а имущественный интерес кредитора. Потребность кредитора при новации выражается в ином предоставлении (выражающемся в ином предмете, способе исполнения и т.п.), отличном от того, которое имело место в новимуемом обязательстве.

Не происходит трансформации экономической цели и при прощении долга, когда соглашением сторон прекращается обязательство, но не потому, что кредитор потерял интерес к его исполнению, а напротив, у него появилась заинтересованность в предоставлении имущественной выгоды тому лицу, которое выступает по отношению к нему в качестве должника в рамках искомого обязательства. То есть при прощении долга отпадение экономической цели основного обязательства обусловлено кардинальной трансформацией интереса кредитора: желание получить что-то преобразуется в желание это отдать. Выражением подобной трансформации интереса кредитора по основ-

ному обязательству выступает изменение направленности движения имущественного потока.

При договорном зачете не происходит ни трансформации экономической цели, ни трансформации интереса кредитора. Соглашением сторон о зачете встречных требований обязательство прекращается либо полным его поглощением, либо поглощением последней части исполнения обязательства (когда обязательство исполняется по частям). Отсутствие фактического перемещения предмета исполнения при зачете встречных требований позволяет установить пределы применения данного основания прекращения обязательств, поскольку в определенных ситуациях (например, в алиментных обязательствах) интерес кредитора выражается не только в получении долга от должника, но и в целевом характере последующего использования полученного исполнения.

При договорном зачете погашение обязательства исключает возникновение каких-либо имущественных последствий, поскольку зачет встречных требований реализуется в рамках прекращения обязательства его надлежащим исполнением.

Прекращение обязательства прощением долга предполагает необходимость существования на стороне должника такого долга, формирование которого вызвано либо встречным предоставлением по первоначальному обязательству (например, в договоре купли-продажи – это передача товара, которая, по общему правилу, предшествует его оплате), либо нахождением на стороне должника имущества, принадлежащего кредитору. Применение прощения долга в качестве основания прекращения обязательства исключает возникновение дополнительных имущественных последствий, вызванных отпадением обязательства.

В ситуации, когда возникновение долга обусловлено исключительно возникшим первоначальным обязательством (в договоре купли-продажи – это обязанность передать товар), соглашение сторон будет направлено на прекращение обязательства, по которому отпадают и экономическая цель, и интерес сторон. В подобной ситуации соглашение сторон выступает самостоятельным основанием прекращения обязательства. Учитывая тот факт, что возникновение обязанности должника не обусловлено каким-либо первоначальным предоставлением со стороны кредитора, то и после погашения обязательства не предполагается возникновение каких-либо дополнительных имущественных последствий. Иначе выглядят последствия прекращения обязательства соглашением сторон (как самостоятельного основания) в ситуации, когда формирование долга обусловлено каким-либо первоначальным предоставлением со стороны кредитора.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 21.10.94 г. // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

Solomina Natalia G. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

ON THE PROBLEM OF THE SYSTEM OF GROUNDS FOR TERMINATION OF OBLIGATIONS

Key words: obligation, system of grounds for termination of obligations, economic aim, legal result, property interests.

The article states that the interest of creditors in an obligation can be changed at any stage of its development. Such changes may arise because of the processes both outside the obligation (external factor) and in it (internal factor). Attainment of the economic aim formed in the course of changing conditions of the obligation is essentially important for the purpose of dynamics of the obligation and realization of the transformed interest of a creditor. This means that estimation of the performance of an obligation will be given from the position of correspondence of this performance to those conditions which were formed at the stage of transformation of a property interest of a creditor. The author determines the possibility of the existence of such situations when the influence of external and internal factors will result in the transformation of a creditor's interest in the obligation and the economic aim will drop out. The elimination of this economic aim can be connected with the changes of the interest when such changes affect all essential elements of the obligation. In contrast to the obligations the termination of which is connected with the elimination of an economic aim, there are obligations the termination of which is caused by the impossibility to attain the economic aim because of the reasons which are not connected with a creditor's interest. The author comes to the conclusion that the economic aim of the obligation is in the center of the system of the grounds for termination of obligations and separates three basic groups of the grounds for termination of obligations. The first group comprises the grounds for termination connected with the attainment of an economic aim: performance of the obligation, provision of compensation for release from obligation and offsetting of homogeneous counter claims. The second group includes the grounds for termination of obligations connected with the elimination of an economic aim: novation, debt forgiveness, agreement of parties (as a standalone ground for termination of obligation), court decision and a unilateral non-performance of a contract (obligations). The third group comprises the grounds for termination of obligations connected with the impossibility to attain an economic aim: impossibility of the performance of obligations, forfeiture of the irreplaceable subject of the performance of obligations, confusion of debts (confusion), death of a citizen, liquidation of a legal entity and publication of acts of state bodies.

REFERENCES

1. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federazii (chast' pervaya) ot 21.10.94 g. // SZ RF. 1994. № 32. St. 3301.

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378+34

Д.В. Агашев, К.В. Гранкин

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В РОССИИ ОПЫТА РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ГОСУДАРСТВАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА (НА ПРИМЕРЕ ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

В статье анализируются проблемы реализации Болонского процесса в Чешской Республике в области высшего юридического образования. Авторами проводится обзор существующих в Чехии способов организации юридического образования, высказываются предложения об использовании опыта Чешской Республики в области реформирования и организации юридического образования в России в условиях реализации Болонского соглашения.

Ключевые слова: высшее юридическое образование, Чешская Республика, Болонский процесс.

Включение российской образовательной системы в Болонский процесс поставило перед отечественным юридическим образованием ряд проблем. Среди них, в частности, проблема его интеграции в условиях различия исторических и культурных традиций с государствами Европы; обеспечение взаимного признания учебных дисциплин и документов об образовании стран ЕС и России, учитывая сугубо национальный характер российской правовой системы; способы адаптации к европейским стандартам сложившихся в России систем оценки результатов обучения студентов. Эти и многие другие вопросы будут безусловным следствием процесса вхождения России в европейское образовательное пространство и его влияния на российскую образовательную среду. Причины и промежуточные итоги введения в Европе Болонской системы активно обсуждаются и в нашей стране и за рубежом [1, 2]. Вместе с тем в России подводить их пока преждевременно, несмотря на то, что с начала 2000-х гг. в нашем образовании фактически существовали две параллельные системы: специалитет и многоуровневая «бакалавр–магистр». Такой переходный вариант, в сущности, не представлял собой сколь-нибудь значимого предмета для научного или прикладного анализа и в силу своей эклектичности в большей степени создавал путаницу, неопределенность в дальнейшем векторе развития отечественного высшего образования, хотя и демонстрировал принципиальную готовность России к включению в Болонский процесс [3. С. 89].

Принимая во внимание сказанное, считаем, что в целом российское высшее образование, в том числе юридическое, находится сейчас только в начале долгого и сложного пути реализации Болонского соглашения [4]. В этой связи представляется важным изучить и сравнить состояние соответствующей образовательной системы в государствах ЕС и Российской Федерации. В ка-

честве примера такого анализа считаем полезным обратиться к системе юридического образования государства-члена ЕС – Чешской Республики как одного из традиционно близких для России в культурном и историческом смысле стран, где достаточно давно и последовательно проводится указанная реформа.

Чешская Республика, как большинство государств Европы, подписавших Болонскую декларацию, приступила к ее реализации с начала 2000-х гг. во всех направлениях высшего образования, включая юридическое. Система высшего образования Чехии насчитывает более 80 высших учебных заведений, из которых около 30 являются государственными (общественно-государственными), остальные – частные. С формальной точки зрения государственными являются лишь Чешская полицейская академия (*Policejní akademie*) и Университет обороны (*Univerzita obrany*) в г. Брно, которые подведомственны соответственно Министерству внутренних дел и Министерству обороны Чешской Республики. Общественно-государственными вузами называются самоуправляемые образовательные учреждения, созданные государством или при его участии (в том числе на базе государственного имущества), осуществляющие обучение студентов на основании государственных заданий за счет бюджетных средств и обладающие значительной автономией по отношению к Министерству по делам молодежи, спорта и образования (*MŠMT*)¹.

Кроме этого, в Чехии действуют многочисленные филиалы зарубежных вузов, дипломы которых, однако, подлежат обязательной нострификации через любое государственное (общественно-государственное) высшее образовательное учреждение Чешской Республики, имеющее по содержанию схожую или аналогичную аккредитованную образовательную программу.

Число частных вузов последние годы не увеличивается в силу повышения аккредитационных требований отраслевого министерства Чехии. Все более очевидным является смещение акцента при аккредитации образовательных программ в области юриспруденции в сторону государственных (общественно-государственных) вузов с одновременным ограничением возможности осуществлять юридическое образование вузам частным во многом в силу негативной общественной оценки и снижения их престижности.

Следует обратить внимание на то, что в Чешской Республике нет единых образовательных стандартов в сфере юриспруденции. Каждое образовательное учреждение разрабатывает собственную образовательную программу по профилям и направлениям подготовки и аккредитует ее в Министерстве по делам молодежи, спорта и образования. В целом аккредитационная схема рассматривается в качестве ориентира в других государствах ЕС, и в этом смысле в Чешской Республике организована и функционирует децентрализованная система юридического образования. Заметим, что аккредитационные правила носят большей частью формальный характер (учитывается материально-техническое оснащение, финансовое состояние, количество преподава-

¹ Вместе с тем далеко не в каждом из образовательных учреждений имеются юридические факультеты или институты. Например, государственный Университет обороны в г. Брно не имеет соответствующего подразделения.

телей с учеными степенями по профилю подготовки и т.п.), содержательная (качественная) сторона аккредитуемых образовательных программ в целом имеет второстепенный характер. Это, по мнению некоторых чешских специалистов, оценивается как негативное явление, исключающее системность юридического образования, а в результате влияющее на его качество и конкурентоспособность выпускников по сравнению с теми государствами, где подобные стандарты существуют. Принимая во внимание это обстоятельство, думается, что при реализации в России Болонской системы необходимо заранее обеспечивать предварительный учет универсальных европейских аккредитационных образовательных норм в государственных и локальных стандартах российских образовательных учреждений.

Вместе с тем следует учитывать, что в Российской Федерации система юридического образования имеет централизованный характер и основывается на Федеральном государственном образовательном стандарте 3-го поколения (ФГОС), являющемся обязательным при разработке всеми вузами основных образовательных программ. При этом к элементам стандарта относятся перечни общекультурных и профессиональных компетенций студентов. Компетенция понимается в литературе как готовность ученика использовать усвоенные знания, учебные умения и навыки, а также способы деятельности в жизни для решения практических и теоретических задач [5. С. 110]. Думается, включение в стандарт субъективных показателей результата обучения конкретного студента является излишним, поскольку каждое образовательное учреждение, реализуя образовательную программу, не может отвечать за индивидуальные качества и способности обучающегося, тем более за то, что будет иметь место в рамках его дальнейшей трудовой деятельности после окончания вуза. Поэтому в отношении рассматриваемого процесса представляется целесообразным несколько изменить подход к формированию федеральных государственных образовательных стандартов, исключив из них раздел, определяющий требования к результатам освоения образовательной программы, ограничившись постановкой цели и задач ее освоения. При этом допустимо предоставить образовательному учреждению закреплять общекультурные, профессиональные или специальные компетенции студентов на уровне локальных стандартов с учетом направленности (профиля) своей основной образовательной программы, если они способны обеспечить последующий контроль за их реализацией. Данный подход будет более целесообразен в условиях интеграции российских стандартов и общеевропейских аккредитационных правил.

Немаловажной проблемой юридического образования в государствах ЕС и в Чехии в частности является специфика взаимоотношений между образовательным учреждением и студентом, которая, как правило, сводится к представлению об образовании как о предмете юридического обязательства, т.е. об образовательной услуге, которую одна сторона (образовательное учреждение) бесплатно или за плату оказывает другой стороне (студенту), где получение какого-либо определенного конечного результата не охватывается условиями договора, а зависит только от способностей, приобретенных компетенций самого обучающегося. Отношение студента к данным услугам и интерес к обучению – это его исключительное субъективное право, оказывать

влияние или каким-либо образом ограничивать которое образовательному учреждению не допускается. Студент должен сам оценивать значимость и необходимость собственного образования. Такой несколько потребительский, но в системе рыночной экономики достаточно оправданный подход характерен для многих западноевропейских государств, что лишь подчеркивает значение образования как необходимого элемента повышения индивидуальной конкурентоспособности.

В российской же традиции пока не сформировалось понимание образования как процесса самостоятельного получения знаний, индивидуально мотивированного поведения, направленного на формирование востребованных компетенций, которые в последующем станут основой профессиональной деятельности, карьерного роста и, как следствие, способом самореализации личности. Прежний подход к образованию сформировал устойчивое представление о высшем образовании как о сфере ответственности и обязанности государства от дошкольного до послевузовского уровня. Следствием этого можно считать поколение студентов, которые индифферентны к ценности образования, относятся к нему как к данности и условию получения документа (диплома), определяющего их дальнейшее трудоустройство и развитие. В итоге мы массово получали академически полноценных, но практически не эффективных выпускников вуза. Стало быть, так называемую «знаниевую», «квалификационную» модель образования с ее фундаментальными теоретическими установками вряд ли возможно быстро трансформировать в «компетенционную» лишь административными методами, путем обновления государственных стандартов высшего профессионального образования 3-го поколения. Для сферы юридического образования, являющейся объективно консервативной и в большинстве своем национально ориентированной, подобный подход едва ли будет иметь сколько-нибудь заметный эффект в ближайшем будущем. Вместе с тем, учитывая опыт государств Восточной Европы, в частности Чехии, в ходе реформирования системы юридического образования следует последовательно исключать проявления государственного «патернализма» в процессе обучения, возлагая на государство и образовательные учреждения трудно выполнимые задачи¹. Образовательная услуга имеет прежде всего индивидуальный характер, связывает исполнителя и ее потребителя, где первый хотя и отделен от конкретного результата, но должен разделять со своим выпускником бремя риска неудовлетворительных итогов поиска работы в виде ущерба престижу в академическом сообществе и общественном мнении². Одновременно не следует смешивать образовательную услугу как форму с содержательной, аксиологической сущностью образования, что приводит к выхолащиванию самой идеи обучения как процесса передачи знаний или обмена ими. Очевидно, что эти обстоятельства

¹ ФГОС 3-го поколения, в сущности, содержит в себе гипертрофированные требования к образовательным программам, системно вменяя в обязанности образовательному учреждению не просто обучение студента, но создание у него инновационного мировоззрения, формирование соответствующих компетенций и обеспечение контроля результата овладения ими.

² Как отмечалось, такой инструмент используется в Чехии, но не входит в качестве обязательного элемента аккредитационных требований.

должны найти отражение в качестве ведущих показателей аккредитационных требований образовательного учреждения.

Следующая существенная проблема современного юридического образования Чешской Республики также связана с доминированием прикладного направления в процессе обучения студентов-юристов, что в целом характерно для большинства стран Европы, и значительным снижением их научной активности. Чешские специалисты в области юридического образования прямо связывают данное следствие с реализацией Болонского процесса, высказывая опасения о возможном возникновении в будущем данной проблемы и в России. В целом она давно известна в нашей стране, но не столько по причине преобладания прикладного вектора в образовании, сколько в силу относительно низкого уровня заработной платы, а также общего снижения престижа деятельности в сфере научных исследований. Вместе с тем принятое в ЕС и Чехии направление на практическую применимость полученного образования в действительности достаточно трудно претворяется в жизнь по известным и в России причинам: в силу отделенности работодателя от участия в образовательном процессе, разработки образовательных программ и его незаинтересованности в организации и проведении производственной практики в течение периода обучения студента. В этом смысле прикладной характер образования, в сущности, может быть реализован лишь в отношении студентов, совмещающих трудовую деятельность с обучением по профилю работы в рамках так называемой комбинированной формы: 2 дня в неделю (обычно пятница и суббота) с выполнением индивидуальных проектов, согласованных с преподавателем. Данный вариант, однако, реализуется достаточно редко, так как обучающиеся по причине отсутствия юридического образования заняты, как правило, в сферах, далеких от юриспруденции.

Прикладной характер юридического образования обуславливает и способы контроля за результатами обучения по дисциплинам образовательной программы. Так, в Чешской Республике они во многом имеют интерактивный характер, как правило, с использованием электронных компьютерных систем и электронных образовательных ресурсов. Также используется письменная форма промежуточного и итогового контроля, в которой сочетаются ответ на вопросы прикладного характера (чаще всего применяется схема тестовых заданий) и решение казусов (задач) по тематике дисциплины. Традиционная для России устная форма итогового контроля практически не используется и ограничена лишь образовательными технологиями, задействованными при проведении аудиторных занятий. Данный подход, по мнению чешских специалистов, является репрезентативным и позволяет достаточно точно и адекватно оценить студента и его индивидуальный уровень подготовки. Известно, что письменная форма итогового контроля на уровне бакалавриата применяется не только в вузах Германии, Франции и некоторых других европейских государств, но также достаточно успешно и в ряде юридических вузов России, в частности в Санкт-Петербургском государственном университете. Учитывая, что практическая деятельность юриста во многом связана с изложением своей позиции и аргументов в письменной форме (во взаимоотношениях с государственными органами, с контрагентами, при обращении в суд и

т.д.), считаем целесообразным устанавливать ее в качестве основной на этапе подготовки юриста в бакалавриате.

Таким образом, с учетом изложенного необходимыми условиями вхождения российской системы высшего юридического образования в европейскую образовательную среду, на наш взгляд, следует считать, во-первых, имплементацию в российское законодательство и локальные акты образовательных учреждений европейских аккредитационных правил, расширение академической свободы образовательных учреждений, в том числе в области формирования компетенций, наблюдения за их реализацией, включая развитие института общественной оценки деятельности образовательного учреждения, с обязательным сохранением единого государственного стандарта основной образовательной программы в области юриспруденции. Во-вторых, для российской системы высшего юридического образования генеральным направлением его развития в настоящее время должен стать курс на формирование и построение образовательных стандартов вузами с обязательным участием работодателей, где в качестве средства подготовки выпускника взят компетентностный подход, ибо основная задача образовательных учреждений состоит в повышении степени практической ориентированности профессионального образования, что невозможно без формирования у студентов правильного отношения к высшему образованию как к средству повышения своего профессионализма и в дальнейшем стоимости его труда. Следовательно, государство как объективно самый крупный работодатель в стране через свои органы, подведомственные организации и т.п. должно обеспечить их участие в процессе взаимодействия с высшими учебными заведениями с целью формирования адаптированных образовательных программ бакалавриата и магистратуры для укрепления кадрового потенциала и резерва. Такое поведение государства станет правильным ориентиром для работодателей частной сферы, которые имеют возможность более оперативной реакции на изменения конъюнктуры рынка и экономики в целом. Данное направление деятельности следует пропагандировать и стимулировать в системе социального сотрудничества работников и работодателей, для чего потребуются внесение соответствующих изменений в нормативные правовые акты Российской Федерации и прежде всего в Трудовой кодекс РФ, а также в действующие и перспективные акты социального партнерства на федеральном уровне.

Литература

1. Егорова Л.Е., Кондратьева О.Е., Росляков П.В., Шведов Г.В. Проблемы реализации Болонских соглашений в российской высшей школе [Электронный ресурс] // Наука и образование. Электрон. дан. 2003–2014. URL: <http://technomag.bmstu.ru/doc/606106.html> (дата обращения: 15.01.2014).
2. Польская К., Дамашке С. Десять лет «а-ля болоньезе»: реформа под соусом из надежд и разочарований [Электронный ресурс] // Сайт polpred.com. Электрон. дан. 1997–2014. URL: http://polpred.com/?ns=1&ns_id=621775 (дата обращения: 15.01.2014).
3. Цыганов В.И. Болонский процесс и качество юридического образования в России // Власть. 2010. № 12. С. 87–90.
4. Декларация о создании общеевропейского пространства высшего образования (Болонская декларация) (Принята в г. Болонье 19.06.1999) // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф. Электрон. дан. М., 2008. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

5. Хуторской А.В. Дидактическая эвристика. Теория и технология креативного обучения. М., 2003. 416 с.

Agashev Dmitry V., Grankin Konstantin V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

SOME PROBLEMS OF THE USE OF EXPERIENCE OF HIGHER LEGAL EDUCATION DEVELOPMENT OF THE EU STATES IN RUSSIA.

Key words: higher legal education, Czech Republic, Bologna process.

The article analyzes the realization of the Bologna process in higher education in the Czech Republic. The authors examine the modes of organization of legal education in Czechia. It is noted that the absence of unitary national standards in the above sphere together with a high level of independence of educational establishments are evaluated by the educational community in the Czech Republic ambiguously. Some specialists consider the provision of standardization in legal education to be necessary either on the national or supranational level. The formation of common European accreditation educational standards is going on slowly and this leads to an excessive differentiation including the isolation of educational programs and is essentially a destabilizing and a centrifugal factor in this sphere. Under close examination of the problem it turns out that a European model declared in the Bologna agreement will not be able to ensure adequately the transformation of European national systems of higher legal education into the integral international structure in the nearest future. Effective realization of all provisions of the Bologna declaration in Russia can be ensured only under the condition of preliminary consideration of European accreditation educational norms in both national and local standards of Russian educational establishments. Otherwise, there will be some problems connected with the recognition of Russian higher education programs in the EU countries. The authors propose some other ideas relating to the use of Czech experience in the sphere of reformation and organization of legal education in Russia while realizing the Bologna agreement.

REFERENCES

1. Egorova L.E., Kondrat'eva O.E., Roslyakov P.V., Shvedov G.V. Problemy realizatsii Bolonskikh soglasheniy v rossiyskoy vysshey shkole [Elektronnyy resurs] // Nauka i obrazovanie. Elektron. dan. 2003–2014. URL: <http://technomag.bmstu.ru/doc/606106.html> (data obrascheniya: 15.01.2014).
2. Pol'skaya K., Damashke S. Desyat' let «a-lya bolon'eze»: reforma pod sousom iz nadezhd i razocharovaniy [Elektronnyy resurs] // Sayt polpred.com. Elektron. dan. 1997–2014. URL: http://polpred.com/?ns=1&ns_id=621775 (data obrascheniya: 15.01.2014).
3. Zyganov V.I. Bolonskiy prozess i kachestvo yuridicheskogo obrazovaniya v Rossii // Vlast'. 2010. № 12. S. 87–90.
4. Deklaratsiya o sozdanii obscheevropeyskogo prostranstva vysshego obrazovaniya (Bolonskaya deklaratsiya) (Prinyata v g. Bolon'e 19.06.1999) // SPS «Konsul'tantPlyus». Versiya Prof. Elektron. dan. M., 2008. Dostup iz lokal'noy seti Nauch. b-ki Tom. gos. un-ta.
5. Chutorskoy A.V. Didakticheskaya evristika. Teoriya i tehnologiya kreativnogo obucheniya. M., 2003. 416 s.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АГАШЕВ Дмитрий Владимирович – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: trud@sibmail.com

БАГРОВА Наталия Владиславовна – ст. преподаватель кафедры гражданского права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: nata_bagrova@mail.ru

БАКИН Антон Сергеевич – ст. преподаватель кафедры гражданского процесса Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: bakin78a@yandex.ru

ВОРОНИН Олег Викторович – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: ninorov@mail.ru

ГОРОВЦОВА Маргарита Алексеевна – стажер Сектора налогового права Института государства и права Российской академии наук. E-mail: m.gorovtsova@yandex.ru

ГРАНКИН Константин Владимирович – ст. преподаватель кафедры трудового права и права социального обеспечения Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: grakos@inbox.ru

ЗНИКИН Валерий Колоссович – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: koloss2@mail.ru

ИМЕКОВА Мария Павловна – ассистент кафедры геоинформационных технологий и кадастра Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: Imekova_Maria@mail.ru

КРАВЧЕНКО Олег Александрович – кандидат юридических наук, адвокат Ставропольского филиала Международной коллегии адвокатов «Санкт-Петербург». E-mail: sf-mka-spb@yandex.ru

КУВАЛДИНА Юлия Владимировна – кандидат юридических наук, ст. преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета. E-mail: iyulia79@mail.ru

ЛОГИНОВА Ксения Юрьевна – преподаватель кафедры конституционного и административного права Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета. E-mail: materiamatrix@mail.ru

НИКИТИН Александр Дмитриевич – соискатель ученой степени кандидата юридических наук кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, начальник УМВД России по Ивановской области, генерал-майор полиции. E-mail: parovozzz@scalpnet.ru

СОЛОМИНА Наталья Геннадьевна – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: sksolomin@mail.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Право» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2011 году.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-45814 от 08.07.2011 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 2225-3513).

Журнал включен в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии. «Вестник ТГУ. Право» выходит ежеквартально и распространяется по подписке, его подписной индекс – 46014 в объединённом каталоге «Пресса России». Полнотекстовые версии вышедших номеров публикуются на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/law>.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе. С требованиями по оформлению материалов можно ознакомиться на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/law>.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет (ТГУ), Юридический институт.

Телефон: 8 (382-2) 529-868, 8 (382-2) 783-581

Факс: 8 (382-2) 529-868

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.В. Агашев.

E-mail: tp@ui.tsu.ru

Научный журнал
**ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**
ПРАВО
2014. № 1(11)

Редактор *Е.В. Лукина*
Оригинал-макет *Г.П. Орловой*
Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Подписано в печать 03.03.2014 г. Формат 70х100 ¹/₁₆.

Печ. л. 6,6; усл. печ. л. 9,3; уч.-изд. л. 9,6.

Тираж 500 экз. Заказ № 185.

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru